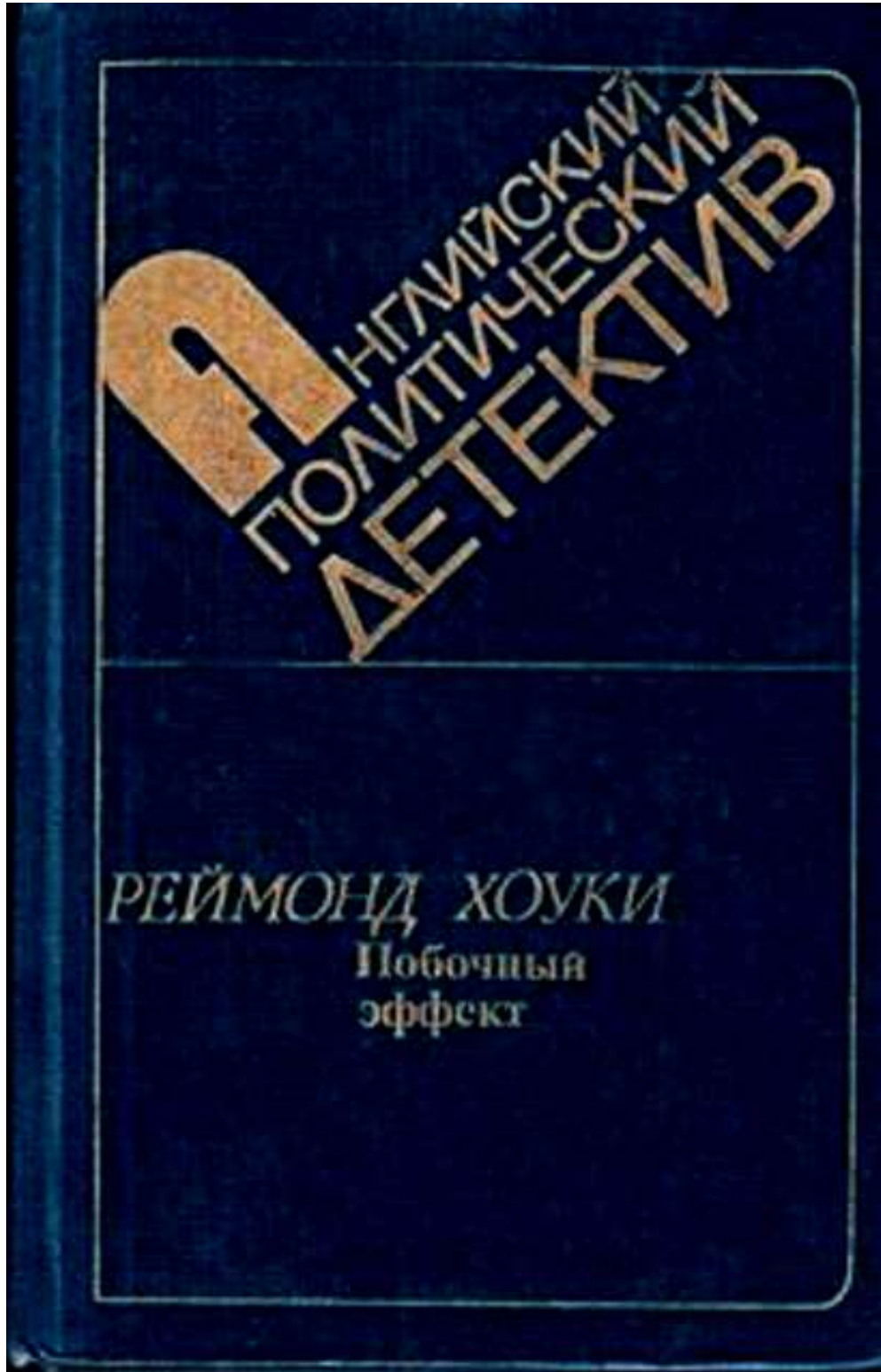

Хоуки Рэймонд

Побочный эффект

Перевод с английского Н.Емельяниковой и А.Тимофеева

*В сборник включены произведения писателей, работающих в жанре политического детектива.
"Побочный эффект" Реймонда Хоуки - остросюжетное повествование о западном мире, где в жертву
соображениям выгоды приносится даже человеческая жизнь.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нельзя сделать яичницу, не разбив яиц
Словарь крылатых слов и выражений

1

Клэр Теннант сидела перед зеркалом за туалетным столиком и, подобрав длинные, до плеч, волосы, пыталась представить себе, хорошо ли ей с короткой стрижкой. Пожалуй, неплохо, решила она, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Ей к лицу короткая стрижка; к тому же будет видно, что шея у нее длинная и стройная, а главное - станет прохладнее, гораздо прохладнее.

Теплая погода, вдруг пришедшая на смену изнурительно суровой зиме и дождливо-ветреной весне, вначале была встречена с восторгом. В Лондоне воцарилась чуть ли не праздничная атмосфера, и Клэр, ставшая от загара цвета жженого сахара, заново открыла для себя удовольствие сидеть босой за рулем спортивной машины, ужинать при свечах на террасах с видом на реку и спать под простынями, а не под одеялом.

Но по мере того, как один безоблачный, безветренный день сменялся другим, жара в городе, где кондиционер в квартире - все еще большая редкость, сделалась невыносимой. Вскоре Клэр заметила, что днем ее тянет в постель, а ночью она не может уснуть. Работалось с трудом - Клэр была внештатным художником-оформителем, - и в надежде хоть немного расслабиться она снова начала курить, что отбивало аппетит, без того нарушенный жарой. Она всегда весила немного, а тут стала худеть, и ее постоянно мучили головные боли.

Клэр сделалась раздражительной, что было вовсе не в ее характере, такой раздражительной, что Майкл Фицпатрик, журналист, работающий в научно-популярном жанре, - они жили вместе - заметил как-то: уж не объясняется ли ее состояние тем, что она стала острее обычного чувствовать наступление женского недомогания. "Такая мысль могла прийти только ярому женоненавистнику", - огрызнулась она.

Майкл напомнил ей, что в течение последних недель в основном не она, а он занимался покупками, готовил и убирал. В ответ она обвинила его в том, что делал он это с единственной целью - заставить ее почувствовать себя виноватой. Глупости, сказал он, и хотя она знала, что он прав, тем не менее окончательно разозлилась.

"Значит, я еще и дура? - крикнула она. - В таком случае, чем скорее я уберусь отсюда, тем будет лучше".

Она решительно отрицала, что ее несдержанность вызвана не просто переутомлением, но с Майклом помирилась. Однако случай этот заставил ее задуматься. Да, такая раздражительность наверняка объясняется обычным женским недомоганием, но она не сомневалась, что причина не только в этом. Никогда прежде она не чувствовала себя так отвратительно, да к тому же задолго до положенного срока. Не верила она и тому, что ее самочувствие связано каким-то образом с жарой. Раньше с приходом тепла она расцветала. Нет, решила она, с ней что-то неладно, и, когда ее постоянный врач не сумел поставить диагноз, обратилась в Институт профилактической медицины, где проводили диспансерное обследование пациентов. Заведение это находилось в северной части Лондона.

Однако, договорившись о приеме, она начала спрашивать себя, зачем ей все это. Не стала ли она после смерти матери, которая умерла от рака полтора года назад, чересчур мнительной? И не потому ли решила потратить столько денег на

обследование, в котором на самом деле нет нужды? Чем больше она размышляла, тем больше убеждалась, что причина именно в этом. Потому-то она и обратилась в институт, а не в более доступный медицинский центр Объединенной ассоциации английских врачей (институт, где-то вычитала она, проводит более тщательное обследование, нежели центр) и потому ни словом не обмолвилась Майклу.

Недовольная собой, она посмотрела на часы: а не позвонить ли сейчас в институт и не отказаться ли от визита? Нет, слишком поздно, решила она.

В конце концов, каждый имеет право на диспансеризацию раз в год. И, подобрав волосы за уши, она принялась массировать лицо увлажняющим кремом. Кроме того, раз она сейчас чувствует себя гораздо лучше, ей не составит труда выполнить в будущем месяце дополнительный заказ и расплатиться за обследование.

Из стоявшего рядом транзистора донесся сигнал времени: восемь часов утра.

- Майк, новости передают! - крикнула она.

Дверь из примыкавшей к спальне ванной комнаты распахнулась, и на пороге появился еще мокрый после душа, с полотенцем вокруг бедер Майкл. У него был поджарый мускулистый торс человека, который, хотя и не стремится к физическому совершенству, однако тщательно следит за тем, чтобы держать себя в форме. Мужественные черты его лица под шапкой темных волос, которые он энергично вытирал вторым полотенцем, и веселые добродушные умные серые глаза не оставляли сомнений в том, что он - ирландец, хотя черты лица его были скорее испанскими, что, впрочем, довольно часто встречается среди ирландцев.

"Итак, поговорим о выдвинутом президентом законопроекте по контролю за продажей огнестрельного оружия, - объявил радиокomentатор, перечислив темы последних известий. Майкл перестал вытирать голову и, прислонившись к дверной притолоке, с любопытством, как и положено журналисту, вслушался. Вот с каким историческим заявлением выступил вчера вечером по телевидению перед миллионами американцев президент страны:

"Добрый вечер! - чуть пришепывая, заговорил президент с характерным для него южным акцентом. Из всех президентов со времен Дж.Ф.Кеннеди он был самым любимым персонажем пародистов. - Многие из вас уже знакомы с представленным ФБР ежегодным докладом о состоянии преступности в нашей стране и обеспокоены тем, что за прошлый год количество серьезных преступлений выросло на двадцать процентов.

Но куда более тревожным является другое: как стало известно, значительно возросло по сравнению с прошлым годом использование огнестрельного оружия при совершении преступлений - ни много ни мало на сто сорок процентов.

Уже многие годы опросы общественного мнения показывают, что абсолютное большинство наших граждан высказалось в пользу введения более строгих законов по контролю за продажей оружия. Однако всякий раз против этого выступало небольшое, но крепко организованное меньшинство, готовое любой ценой увековечить существующее положение дел, несмотря на то что при этом страдают люди.

Такова, друзья мои, ситуация, с которой мы не можем и не должны мириться.

Именно по этой причине я, как только конгресс после летнего перерыва возобновит свою работу, намерен внести на обсуждение законопроект об обязательной регистрации огнестрельного оружия и специальном разрешении на владение им"".

Майкл и Клэр обменялись разочарованным взглядом. Уже давно у Майкла не было мало-мальски интересного задания, и хотя оба знали, что завтрашние газеты

будут целиком посвящены обсуждению законопроекта, тем не менее были уверены, что ни одна редакция не обратится к нему с просьбой рассмотреть эту проблему с научной точки зрения.

Уныло пожав плечами, Майкл направился обратно в ванную - делать нечего, придется убить еще один день на поиски информации о последствиях обрушившейся на город жары.

Клэр выключила радио и подошла к шкафу. Платье ей надевать не хотелось, а в джинсах будет слишком жарко. В конце концов она остановила свой выбор на песочного цвета коротких брюках с жакетом и коричневой трикотажной кофточке. Она оделась, сунула ноги в босоножки и, стуча каблуками, спустилась по чугунной винтовой лестнице в гостиную. В залитой солнцем комнате с выкрашенными белой краской стенами, где было рабочее место Клэр, стояли кульман, планшет и бледно-зеленые шкафчики, какими пользуются в канцеляриях, а также две обитые вельветом кушетки и обеденный стол со стульями. Одну стену занимали три огромных окна, а противоположную украшали полки с книгами и научные приборы прошлых веков в футлярах из красного дерева с медью Майкл начал собирать их еще студентом. Над полками Клэр развесила всякую всячину, которая в разное время и по разным причинам привлекла ее внимание: засохшие цветы, куски плавника, образцы труда викторианских печатников, афиши мюзик-холла, чучело щуки в стеклянном ящике и большие школьные часы, починить которые стоило дороже, чем купить.

Подняв лежавшие возле двери газеты и письма, она пошла на кухню готовить завтрак.

Начал закипать кофе, и тут она услышала, как по лестнице спускается Майкл. Она отложила письмо, которое читала, собираясь сказать ему, куда и зачем идет, но, прежде чем открыла рот, зазвонил телефон. Звонил редактор отдела новостей в газете, где работал Майкл.

- Тед, - передавая Майклу трубку, сказала она.

Она выключила кофейник и принялась разливать кофе. По-видимому, что-то случилось и Майклу предстоит куда-то ехать, но ничего толком она понять не могла. Положив в кофе сахар, она налила сливок и протянула чашку Майклу.

Майкл улыбнулся - спасибо! - и сделал глоток.

- Значит, билет на одиннадцатичасовой рейс мне обеспечен? - спросил он. Говорил Майкл негромко, дублинский акцент его был едва заметен. - Ладно, как прилечу, сейчас же тебе позвоню.

Он бросил трубку на рычаг и встал.

- Проклятье! Знаешь, что им нужно от меня? Всего-навсего, чтобы я летел в Белфаст!

- В Белфаст? - Открыв холодильник, Клэр достала яйца и молоко. - Зачем?

- Наш корреспондент там сегодня на рассвете попал в аварию. Они хотят, чтобы я поработал, пока он не выйдет из больницы.

- Пока не выйдет из больницы? А он серьезно пострадал?

Майкл засучил рукава рубашки.

- Довольно серьезно. Говорят, пролежит самое меньшее десять дней.

- Ой! - Клэр явно расстроилась. - Значит, придется снова отложить ужин с Джуди и Джином!

- Можешь поужинать с ними и без меня!

- Ну, это совсем не то. - Клэр разбила яйца и вылила их в миску. - И потом,

почему ехать должен именно ты?

- Потому что большинство сотрудников в отпуске, и, кроме того, известно, что в Дублине я - свой человек. Да и, по правде говоря, здесь я сейчас даже на жизнь не зарабатываю. - Майкл взглянул на часы. - О господи! - воскликнул он, хватая пиджак. - Мне ведь еще надо уложить вещи!

- Помочь тебе? - спросила она, вытирая руки бумажным полотенцем.

Майкл проглотил остатки кофе и отрицательно покачал головой.

- Нет, спасибо. Лучше попробуй поймать мне такси, - сказал он, ставя чашку в мойку.

Когда через пятнадцать минут Майкл спустился вниз, чтобы ехать в аэропорт, у дверей уже стояло такси. Он поцеловал Клэр на прощанье, и она, вдруг почувствовав себя ужасно одинокой, вернулась домой ждать, когда придет время идти в институт.

2

Клэр закончила обследование в Институте профилактической медицины в половине второго дня. В Нью-Йорке в это время часы показывали половину девятого утра, и лимузин, на котором Фрэнк Манчини выехал из своего особняка на Саттон-плейс, только что остановился у входа в "Эльдорадо-Тауэр".

В сопровождении двух телохранителей, у которых на манер агентов секретной службы были крошечные слуховые аппараты в ушах и микрофоны в рукаве пиджака, Манчини вошел в заполненный людьми вестибюль и направился к служебному лифту, которым пользовалась только администрация. Это был рослый, могучего телосложения человек, со стриженными ежиком седеющими волосами, упрямым, прорезанным глубокими морщинами лицом и глазами, прикрытыми тяжелыми веками. От него, казалось, исходили флюиды недоброжелательности.

- С возвращением вас, мистер Манчини! - вскинул руку к козырьку, почтительно приветствуя его, лифтер. - Как себя чувствуете?

- Прекрасно. - Манчини вошел в кабину и тотчас повернулся к лифтеру. Долго я буду ждать? - зарычал он. - Поехали!

- Есть, сэр!

Лифтер нажал кнопку, и дверцы сомкнулись. Люди в лифте стояли и молча смотрели, как на табло вспыхивают и гаснут номера этажей. На шестидесятом этаже зажужжал зуммер, и дверцы раздвинулись, выпуская ехавших в устланный толстым ковром вестибюль административного этажа.

Их встретила секретарша, предупрежденная охранником из нижнего вестибюля.

- Где они? - буркнул Манчини, лишив ее возможности произнести тщательно отрепетированную приветственную речь.

- Заканчивают завтрак в нашем кафетерии, - ответила она, еле поспевая за ним.

- Передайте, чтобы сейчас же явились! - Манчини прошел мимо постаментов, на котором высился бронзовый бюст Эрнеста Хемингуэя, и распахнул двойные двери в свой кабинет. - А затем позвоните доктору Зимински и попросите его заехать вечером ко мне.

Комната, куда он вошел, была невероятных размеров и обставлена в стиле, который, как и выцветшие джинсы и расстегнутая рубашка, словно сшитая из лоскутков, должен был подчеркивать, что перед вами настоящий мужчина, крутой и неуступчивый. Стены были отделаны панелями из тика, перед гигантского размера камином лежал ковер из буйволовой шкуры, а по обе стороны от него стояли два черных кожаных дивана. Над камином, рядом с экспонатами из не имевшей цены

коллекции старинного огнестрельного оружия, висела голова льва, которого Манчини убил на охоте в Восточной Африке, - стеклянные глаза хищника угрожающе щурились, пасть разверзлась в безмолвном рыке. Орехового дерева стол для заседаний был такой длины, что на нем вполне мог бы сесть небольшой самолет, а на противоположной стене красовались трофеи иного рода - фотографии, на которых Манчини был запечатлен со всеми знаменитостями восьмидесятых годов двадцатого столетия.

Сын печатника-эмигранта из Милана, Манчини после окончания школы изучал химическую технологию в Политехническом институте в Бруклине, а получив диплом, поступил на работу в отдел исследований и перспективного развития крупной полиграфической фирмы в Филадельфии, где изобрел новый способ печатания цветных снимков, так что они казались объемными. Он оставил службу, запатентовал свое изобретение и вернулся в Нью-Йорк, а там на деньги, полученные от знакомых членов мафии, быстро смекнувших, какую прибыль может дать порнографический журнал с объемными фотографиями, сделал макет первого номера журнала под названием "Эльдорадо". Название это оказалось пророческим, ибо желания читателей разжигали не только объемные фотографии обнаженных девиц, но и объемная реклама дорогостоящих товаров. Мебель, стереофоника, спортивное снаряжение, машины, одежда, напитки - все это выглядело весьма заманчиво на объемных снимках в "Эльдорадо", что очень быстро раскусили рекламные агентства с Мэдисон-авеню.

Первый выпуск журнала тиражом в пятьсот тысяч экземпляров был распродан почти немедленно, однако помещенные в нем объемные фотографии обнаженного тела произвели такое впечатление, что в течение недели против Манчини было возбуждено более ста судебных исков.

С характерной для него наглостью он опубликовал в газетах обещание возместить ущерб, причиненный любому владельцу газетного киоска за торговлю "Эльдорадо", и одновременно отдал распоряжение допечатать журнал, увеличив его тираж в три раза.

И этот тираж разошелся тут же, а затем в течение года "Эльдорадо" полностью овладел читательским рынком, состоявшим в основном из молодых людей при деньгах. В одних лишь Соединенных Штатах расходилось ежемесячно в среднем около восьми миллионов экземпляров.

Остановить Манчини было невозможно, и за несколько лет он стал владельцем не только журналов, но и газет, теле- и радиостанций, а также киностудии и компании по прокату фильмов.

Манчини принадлежал к правому крылу республиканской партии и, не теряя времени даром, использовал свою империю в качестве палки, которой нещадно лупцевал администрацию демократов. Сначала это их только раздражало, но по мере того, как Манчини нагнетал напряжение, раздражение сменилось злостью, а злость - гневом. Вскоре он почувствовал, что и администрация давит на него. В Федеральную комиссию по связи были поданы требования о лишении его права владения телевизионными станциями в трех штатах; на него напустили ревизоров из налоговой службы, предъявивших ему обвинение в нарушении закона о продаже ценных бумаг и биржевых акций, а также в злоупотреблениях при рассылке почтовых отправлений.

А затем, как раз тогда, когда он наслаждался в Мексике медовым месяцем со своей третьей женой, ему вручили вызов в сенатскую подкомиссию по расследованию организованной преступности.

Хотя Манчини постоянно хвастался тем, что в жизни своей ни одного дня не

болел, холестерин понемногу начал скапливаться на стенках двух разветвленных пучков сосудов, питающих его перегруженное работой сердце. Как только самолет, на котором он летел в Вашингтон, поднялся в воздух, тромб (образовавшийся вследствие сложного биохимического взаимодействия между тромбоцитами и отложениями холестерина) заблокировал верхнюю правую сердечную артерию, лишая сердце кислорода и необходимых питательных веществ.

Сначала Манчини решил, что боль под ложечкой - это не что иное, как несварение желудка, вызванное наспех съеденным ужином, где было немало chile verde и frijoles*, но, поскольку боль захватила левое плечо и опустилась вниз по руке, его осенила страшная догадка: инфаркт миокарда.

* Зеленого перца и фасоли (исп.).

Пилот, изменив курс, сел в Хьюстоне, и Манчини срочно доставили в Техасский медицинский центр.

Он долго пролежал в реанимации, затем его подвергли тщательному обследованию, которое выявило, что инфаркт нарушил работу сердца. Более того, нарушение оказалось такого рода, что оно исключало операцию. Медики спасли ему жизнь, но больше они практически ничем ему помочь не могли. Отныне его судьба была в основном в его собственных руках.

По-видимому, примирившись с мыслью о том, что теперь ему суждено вести жизнь человека неполноценного, он возвратился в Нью-Йорк, заменил своего повара-француза специалистом по диете, перестроил у себя в особняке зал для игры в сквош, превратив его в хорошо оборудованную клинику для лечения сердечно-сосудистой системы, и объявил, что уходит от дел. Отныне, говорилось в заявлении, он намерен посвятить себя только политике дальнего прицела.

И все так и шло до вчерашнего вечера, когда обращение президента к народу привело его в такую ярость, что его чуть не хватил второй инфаркт.

- Джентльмены, я собрал вас сегодня, чтобы обсудить, какую позицию мы, как корпорация, займем по отношению к законопроекту о контроле над оружием, - начал Манчини, как только все руководящие сотрудники уселись за столом. - Итак, какие будут предложения? Лучше нам будет или хуже, если установят более строгий контроль над продажей оружия? - Он оглядел присутствующих. - Билл, твое мнение?

Билл Брэкмен, редактор одной из газет Манчини на Западном побережье, последнее время был в немилости у нью-йоркского начальства. Всего неделю назад Манчини передал ему по телетайпу послание, где в таких выражениях отзывался о его редакторских способностях, что на письменном столе Брэкмена потускнела полировка. Сейчас представлялся случай реабилитировать себя в глазах босса.

- Хуже! - высказался он, уверенный, что именно такого ответа от него ждут. - Помимо всего прочего, это явное нарушение второй поправки.

- Вторая поправка только гарантирует право штата на вооруженное ополчение, - отпарировал Манчини. - В ней нет ни слова о том, что частные лица имеют право приобретать оружие.

Брэкмен с шумом выдохнул воздух, как бы показывая, что это одно и то же.

- Я знаю, такой аргумент всегда приводят сторонники более строгого контроля над оружием, - принялся оправдываться он, решив, что Манчини ищет повода как-то его уязвить. - Тем не менее я убежден, мы можем доказать, что подобный закон идет вразрез с конституцией.

- Разумеется, можем, но есть ли в этом необходимость?

Брэкмен бросил взгляд на развешанное над камином оружие.

- Да, я считаю, что есть, - теперь уже не колеблясь, заявил он.

- Почему?

- Почему? - Брэкмен обеспокоенно заерзал в своем кресле. - Ну, во-первых, таким манером мы наверняка утрем нос президенту!

Манчини забарабанил пальцами по столу.

- Ты думаешь?

- Да, мистер Манчини, - ответил Брэкмен, радуясь, что никто не в состоянии заметить, что во рту у него пересохло, как в пустыне Мохейв*. - А вы - нет?

* Пустыня в штате Аризона.

- Я - нет, - ровным тоном отозвался Манчини. - Я считаю, что этот мерзавец именно того и добивается, чтобы мы выступили против усиления контроля над оружием... А теперь позволь задать тебе еще один вопрос: зачем, по-твоему, он сидел и ждал последнего года своего второго срока, чтобы выпустить на свет божий такого гада, как этот идиотский законопроект?

- Я... - Брэкмен в отчаянии оглядел сидевших за столом, но они изо всех сил старались не встречаться глазами ни с ним, ни с Манчини. - По-моему, он рассчитал, что реальная возможность вписать этот проект в свод законов появится у него только тогда, когда на улицах станет по-настоящему опасно...

Пальцы Манчини, все громче и громче отбивавшие барабанную дробь на столе, вдруг замерли.

- Чепуха! - резко бросил он. - Президент отлично знает, что у него нет ни единого шанса вписать свой проект в свод законов! И могу добавить кое-что еще: этот сукин сын и не хочет его вписывать. И ничего общего вся эта шумиха с реальным контролем над оружием не имеет. Она поднята лишь затем, чтобы, когда президенту придет пора уходить, посадить в Белый дом Форрестола.

- Генерального прокурора? - недоуменно вытаращил глаза Брэкмен. - В Белый дом?

- А кого еще? Форрестол ближе всех к президенту. Он молод, честолюбив, богат и не лишен способностей: если захочет, одним своим обаянием может заставить человека раздеться догола. А больше кандидату в президенты ничего и не требуется, - заключил Манчини.

- Предположим. Но что это нам даст, если мы не станем поддерживать законопроект?

Манчини принялся играть акульим зубом, висевшим у него на цепочке.

- Последние пятьдесят лет результаты опросов общественного мнения свидетельствуют о том, что население активно поддерживает идею усиления контроля над оружием. Верно? И что же происходит? Ничего. А почему? Да потому, что противники этой идеи, те, кого он назвал "крепко организованным меньшинством", стараются сделать так, чтобы этого не случилось... Вчера вечером я побеседовал кое с кем из Национальной ассоциации стрелков и Союза стрелкового спорта. Они готовы дать Капитолию такой бой, какого не бывало со времен введения сухого закона... Так что, похоже, законопроект, за который ратуют семьдесят пять, а то и все восемьдесят процентов американцев, снова будет заблокирован. Только на сей раз люди не ограничатся тем, что, пожав плечами, забудут об этом. На сей раз, поскольку

речь идет о том, что мишени расставлены прямо на наших улицах, они себя покажут вволю. И вот тут-то у Форрестолы и появится превосходный лозунг для предвыборной борьбы. Ни с того ни с сего он превратится в святого Георгия, избиратели - в преследуемую девицу, а противники нового закона - в дракона!.. Вот почему, джентльмены, мы должны всеми правдами и неправдами способствовать тому, чтобы этот законопроект был принят, и принят целиком и полностью. Если это произойдет, Форрестол очутится в таком дерьме, в каком очутился в шестьдесят восьмом году Бобби Кеннеди, когда Джонсон отказался баллотироваться, то есть он окажется кандидатом, которому не за что бороться.

Помощник вице-президента корпорации "Эльдорадо" озабоченно покачал головой.

- Смущает меня все это, Фрэнк. Очень смущает. Не твой анализ политики тут, разумеется, все правильно. И не Восточные штаты меня смущают. На Востоке контроль над продажей оружия проглотят с такой же легкостью, с какой глотают устриц. Но на Юге и Юго-Западе, а также на Среднем Западе, - он с силой втянул в себя воздух, - игра будет иной. Малейший крен не в ту сторону, и мы начнем терять читателей и доход от рекламы с такой скоростью, что только держись!

Манчини кивнул в знак согласия.

- Именно поэтому я и намерен координировать эту кампанию лично.

- Лично? - Помощник вице-президента был как громом поражен. - Но, Фрэнк, дорогой, нас ждет схватка не на жизнь, а на смерть...

- И ты считаешь, что с моим сердцем мне не по зубам ею руководить? Манчини почесал покрытую коричневыми пятнами руку. - А вторая новость, которую я приготовил для вас, вот какая: к осени я намерен полностью приступить к своим прежним обязанностям - в лучшей форме, чем когда-либо прежде!

3

- Эйб, - сказал Манчини, откладывая в сторону гранки, которые он захватил домой, - устрой, чтобы мне сделали пересадку сердца.

Абрахам Зимински вздохнул. Маленький подвижный человечек со скорбным лицом и похожей на ржавую проволоку шевелюрой, он уже давно был личным врачом Манчини. Чересчур давно. По правде говоря, перед тем, как у Манчини случился инфаркт, Зимински так остро ощутил себя в положении мыши в советниках у кошки, что всерьез решил послать своего подопечного ко всем чертям, посоветовав ему подыскать себе нового врача.

- Понятно, - отозвался он, собирая карты: он раскладывал пасьянс. Пересадка мозга - это еще куда ни шло, - продолжал он, обращаясь к воображаемой аудитории. - Но пересадка сердца?

Цокая языком, он вынул из черного докторского саквояжа стетоскоп и, заставив Манчини снять рубашку, с минуту слушал его сердце.

- А теперь, - усевшись на место, сказал он, - что это за глупые разговоры о пересадке?

Целых пять минут Манчини втолковывал ему, что, по его мнению, кроется за предложением президента об усилении контроля над продажей оружия и что лично он, Манчини, намерен делать по этому поводу.

- Фрэнк, - сказал Зимински, грустно качая головой, - я вижу тебя насквозь. Ты мечтал, чтобы произошло нечто подобное, молил бога послать предлог, который позволил бы тебе вернуться к делам.

Манчини подошел к бару и откупорил бутылку виски "Джек Дэниелс".

- Я тебе вот что скажу: доведись мне и дальше сидеть здесь без дела, я бы спятил.

Ничего удивительного, подумал Зимински, не без раздражения окинув взглядом огромную, на двух уровнях комнату. Года два назад кто-то подсказал Манчини, что в моде вещи сороковых годов, и он набил комнату невзрачной, фанерованной мебелью, игральными и музыкальными автоматами, патефонами, афишами старых кинофильмов и вывесками из жести, какие, бывало, висели над входом в лавки.

- Что ж, жизнь твоя, ты ею и распоряжаешься, - сказал Зимински, беря стакан, протянутый ему Манчини. - Могу только предупредить, что если ты будешь вести себя так, как вел сегодня, то рождество, по всей вероятности, тебе придется праздновать уже на том свете.

Манчини бросил жетон в стоящий рядом музыкальный автомат. Первая пластинка, опустившаяся на диск ярко освещенного проигрывателя, оказалась песней, которую исполнял вокальный квартет. "Мое сердце вздыхает по тебе, пели голоса, - тоскует по тебе, истекает кровью по тебе". Он поморщился: до болезни он и внимания не обращал, как часто в популярных песнях говорится о вздыхающих, тоскующих, истекающих кровью сердцах.

- Именно для того, чтобы вести себя так, как сегодня, мне и нужна пересадка, - отозвался он и сел.

- Сколько можно повторять одно и то же! Пойми, у тебя неважное сердце, но, слава богу, не настолько уж оно и плохое. Если ты будешь смотреть на жизнь легко, избегать волнений и стрессов, жить по календарю, а не по секундомеру...

- Об этом забудь, - перебил его Манчини. - Если жить так, как советуешь ты, по-моему, лучше вообще не жить. Господи, Эйб, пора бы уж тебе понять, что я умею черпать только полной мерой. Мне нужно новое сердце, да поскорее.

- И где же ты предполагаешь достать это новое сердце? - вдруг вышел из себя Зимински, с силой ударив стаканом о стол. - В подвальном этаже "Мэйси"? - Носовым платком он вытер пролитое на стол виски. - Или ты хочешь, чтобы я дал тебе свое?

- Кончай, Эйб, я говорю серьезно.

- И я тоже. Ты, наверное, совсем спятил, Фрэнк. Пойми, пересадка сердца - дело куда более сложное, чем, например, пересадка почки. Если происходит отторжение почки, удовольствие, конечно, небольшое, но это еще не конец света. Ты снова садишься на диализ и ждешь очередного донора. Но если отторгается сердце - это все. Занавес.

Манчини тряхнул кубиком льда в стакане.

- А почему ты решил, что меня ждет отторжение?

- Потому что, во-первых, - ответил Зимински, - если почку можно хранить вне человеческого тела, то сердце нельзя. Его приходится пересаживать непосредственно от донора реципиенту. Во-вторых, подготовка реципиента к трансплантации включает обработку организма иммунодепрессантами до и после пересадки, а цель этой обработки - сделать иммуноотвечающую систему реципиента максимально толерантной к антигенам донора, так как полная тканевая совместимость возможна только у однояйцевых близнецов. Но вот тогда-то и приходит настоящая беда, ибо, если иммунный ответ подавлен, человек подвержен любой инфекции. Черт подери, я видел сидящих на иммунодепрессантах людей, у которых все лицо было изъедено язвами, как при герпесе.

- Тот, к кому я собираюсь обратиться, не применяет иммунодепрессантов, -

объявил Манчини. - Ему они не нужны. Он пересаживает абсолютно совместимое сердце или какой-нибудь другой орган.

- Понятно, - мягко отозвался Зимински, с трудом удерживаясь от улыбки. - А позволь узнать, как зовут этого волшебника?

- Его фамилия Снэйт.

- Уолтер Снэйт? - Зимински едва удержал крик. - О котором было столько разговоров несколько лет назад?

Манчини кивнул.

- И ты хочешь, чтобы я поговорил о тебе с Уолтером Снэйтом? Попросил сделать пересадку сердца? Правильно я тебя понимаю?

- А что тут такого? - Манчини угрюмо посмотрел на него. - Макс Спигел получил у Снэйта новое сердце и отлично себя чувствует. Похоже, что его последняя картина принесет невиданный доход, - добавил он, словно это обстоятельство тоже было заслугой Снэйта как хирурга. - И завершил он ее досрочно, и из бюджета не вышел!

Зимински стукнул себя по голове, как делают, когда хотят пустить вдруг остановившиеся часы.

- Но, Фрэнк, - не веря услышанному, заметил он, - ведь это из-за твоих людей Снэйт лишился средств для исследований!

- Первой о нем заговорила "Вашингтон пост", - возразил Манчини, - а это не моя газета. По крайней мере пока...

- Статья в "Вашингтон пост" была разумной и объективной, а твои люди переиначили ее так, что получился скандал. Господи, Фрэнк, некоторые из твоих газет даже поместили карикатуру, где Снэйт был изображен Франкенштейном!

Но Манчини лишь отмахнулся.

- Зато сейчас Снэйт в полном порядке, - сказал он, вынимая сигару из серебряного портсигара, на котором были изображены летящие гуси. - У него две шикарные клиники: одна в Майами, а другая на Багамских островах. И деньги есть: он вложил их в недвижимость, в микропроцессоры - всего не перечислишь. - Манчини сорвал с сигары обертку, скомкал ее и щелчком отправил в камин. - Господи, да мы этому сукину сыну, если на то пошло, одолжение сделали!

- Одолжение? - возмущился Зимински. - Сделай ты подобное одолжение Дженнеру, Пастору или Листеру, в медицине по-прежнему царило бы средневековье!

Манчини чиркнул спичкой и принялся раскуривать сигару.

- Мы только сообщили, что большинству не по душе то, чем Снэйт занимался. Разве не долг прессы быть объективной?

- А чем он занимался?

- Чем-то, имеющим отношение... - Манчини как-то неопределенно взмахнул рукой, - ...не помню точно, но чем-то, имеющим отношение к "пробирочным" детям... - Он помолчал, затянувшись сигарой, первой, которую позволил себе после инфаркта. - Да какое это имеет значение? - добавил он, гася спичку. Мы, по-моему, обсуждаем, как договориться об операции, а не играем в вопросы и ответы.

- Значит, ты не знаешь?

- Предположим, не знаю, - рассердился Манчини. - Откуда мне знать, черт побери? Я издатель, а не врач.

- Тогда я объясню тебе, - твердо сказал Зимински, стремясь использовать представившуюся возможность, о которой он и мечтать не смел: ткнуть Манчини мордой в то, что принадлежавшие ему газеты, теле- и радиостанции натворили со

Снэйтом. - Когда Снэйт был еще просто хирургом в больнице имени Дентона Кули, у него возникла одна идея, и, как все великие идеи, она была, в сущности, удивительно проста. Зная, что абсолютная тканевая совместимость возможна только когда делают пересадку однояйцевым близнецам, Снэйт сообразил, что, если вынуть ядро из человеческого яйца и заменить его клеточным ядром из организма, допустим, человека с больным сердцем, в конечном итоге появится генетическая модель, чье сердце можно пересадить тому человеку, который его, так сказать, сам себе взрастил.

- Под генетической моделью, насколько я уразумел, ты понимаешь "пробирочного" ребенка?

- Да, - настороженно ответил Зимински. - Но этот ребенок зачат из находящейся вне человеческого тела яйцеклетки, которая может расти лишь в искусственной матке.

Манчини кивнул.

- А затем?

- Не успел бы зародыш обрести способность ощущать боль, как Снэйт вынул бы у него сердце, перфузировал бы его, с помощью гормонов ускорил бы его рост и пересади пациенту, из клетки которого оно было создано.

- А что случилось бы потом с ребенком?

- Что значит "потом"?

- По-моему, я задал тебе довольно простой вопрос, черт побери! вспыхнул вдруг Манчини. - Что случилось бы с ребенком после того, как у него вынули сердце?

- Ребенок... - Зимински пожал плечами. - Насколько мне известно, он подлежал бы уничтожению.

- То есть его убили бы, так?

- Это не разговор! - возмутился Зимински. - Мы же не называем убийством, когда прерывают беременность, а в год делают десятки тысяч аборт и столько же происходит выкидышей.

- Есть люди, которые именно так это и называют.

- Есть люди, которые считают, что земля плоская!

- Ну ладно. Но зачем заниматься таким сомнительным делом, когда есть возможность создать механическое сердце?

- Зачем чесать ухо ногой, когда у тебя есть рука? Видишь ли, сердце это образец эффективности. В год оно делает где-то от сорока пяти до пятидесяти миллионов сокращений. Самая лучшая резина рвется после шести миллионов сокращений. Кроме того, мы не знаем, чем питать механическое сердце, как варьировать его пропускную способность, как поддерживать при этом нормальный состав крови... - Зимински презрительно махнул рукой. - Но вернемся к тому, о чем мы говорили, а именно: если бы Снэйту дали спокойно работать, трансплантация шагнула бы далеко вперед. Мы, наверное, уже перестали бы пользоваться иммунодепрессивными средствами и не воровали бы органы у мертвецов. Забыли бы про отторжение, и любой, кто нуждается в пересадке, мог бы тотчас лечь на операционный стол. - Зимински, высказав наконец все, что давно копилось у него в душе, с облегчением прикончил содержимое своего стакана. - Даже ты! - с насмешкой добавил он.

- В чем ты пытаешься меня убедить? - спросил Манчини. - Что Снэйт откажет мне в операции? Об этом идет речь?

- Не знаю, откажет или нет, - пожал плечами Зимински. - Меня лично интересует, почему ты стремишься в пациенты к человеку, которого сам же обмазал дерьмом и, по сути дела, выдворил из Нью-Йорка?

- Потому что, как я тебе уже сказал, Снэйт, пересаживая сердце, дает стопроцентную гарантию, что отторжения не произойдет.

- И ты в это веришь? - возмущился Зимински. - Фрэнк, бога ради, послушай меня: такой гарантии дать нельзя. - Тон его стал более мягким. - Я согласен, у Снэйта меньше случаев отторжения, чем у любого другого хирурга. Но все равно они есть. И твое сердце может оказаться в их числе.

Расстегнув нагрудный карман рубашки, Манчини вынул из него листок бумаги.

- Ну-ка взгляни на этот список, - сказал он, разворачивая листок и подавая его Зимински. - Это имена кое-кого из тех, кому Снэйт сделал пересадку. И, как и Спигел, все они в отличной форме.

Зимински нацепил на нос старомодные очки в металлической оправе и принялся просматривать список.

- Это та самая? - спросил он, указывая на фамилию известной на весь мир киноактрисы.

- Да.

- И ей пересадили сердце!

- Фаллопиевы трубы, - ответил Манчини. - Она всю жизнь мечтала иметь детей, но зачатых в пробирке не хотела. А в апреле наконец родила девочку.

Зимински стал читать дальше.

- И тебе ничего не кажется странным в этом списке? - закончив, спросил он.

- Странным? - нахмурился Манчини. - Что значит "странным"?

- Во-первых, все это люди богатые. Я знаю, что среди пациентов Снэйта не бывает бедняков, но и богатых он берет не всех подряд. - Зимински шлепнул по списку тыльной стороной ладони. - Те же, кто числится в этом списке, не просто богаты, они очень богаты, таким он, по-видимому, не отказывает. И подобное обстоятельство не представляется тебе странным?

- А что тут странного? Как говорится, за что платишь, то и получаешь...

Зимински вернул ему листок.

- Именно этот вопрос я и хотел задать тебе, - сказал он, снимая очки. Сколько, по-твоему, стоит пересадка у Снэйта? Например, пересадка сердца?

- Точно не знаю. Знаю только, что Спигелу пришлось раскошелиться.

- Пятьдесят тысяч долларов? - настаивал Зимински.

- Ты шутишь! - расхохотался Манчини.

- Сто тысяч?

- Скорей, миллион.

- Миллион? - Зимински недоверчиво уставился на него. - Миллион долларов за пересадку сердца?

Почему-то вдруг разволновавшись, Зимински вскочил и забегал по комнате, брэнча мелочью в кармане.

- Не понимаю, - наконец признался он. - Просто не понимаю, что надеялся Спигел приобрести за свой миллион? Снэйт получает органы там же, где и любой другой хирург, - в Службе трансплантации.

Манчини хотел что-то сказать, но Зимински не позволил.

- Послушай, давай-ка разберемся в этом деле по порядку, - предложил он, беря в руки шар с крытого синим сукном бильярдного стола. - Значит, как все происходит? К врачу привозят человека с непоправимой травмой мозга. Так? Сердце у него еще бьется, но, если исходить из общепринятых нынче понятий, под коими разумеется

летальный исход, его можно считать мертвым. Поэтому врач звонит в Службу трансплантации и говорит, что может предложить им труп, у которого сердце еще бьется. Служба трансплантации сравнивает группу крови и данные тканевого типирования пострадавшего с данными состоящих у них на учете реципиентов, и наиболее совместимый реципиент, который к тому же больше других нуждается в пересадке, получает новое сердце... Предположим, Снэйт поставит тебя на учет. Тебе сорок восемь лет, а это, будем смотреть правде в глаза, никак не назовешь первой молодостью, да и сердце у тебя не слишком плохое. Поэтому, если не подвернется донор, у которого группа крови и данные тканевого типирования совпадут полностью с твоими - а одному богу известно, может ли это когда-нибудь случиться, - пересадку предпочтут сделать не тебе, а человеку более молодому, с более слабым, чем у тебя, сердцем... По крайней мере так должно быть, - добавил он, вдруг метнув шар через весь стол. - Если только те, кто заправляет Службой трансплантации, не берут у Снэйта взятки.

- Сначала ты делал из него Иисуса Христа, - проворчал Манчини, - а теперь называешь жуликом.

- Ладно, ладно! - сказал Зимински. Его вдруг осенила другая мысль. Подожди-ка минуту... - Он почесал щеку. - А может, он покупает органы...

- Покупает органы? - забеспокоился Манчини. - Ты хочешь сказать, покупает их в морге?

- Не в морге, а у людей. У живых людей. Такое уже случалось. Еще в тридцатых годах какой-то итальянец продал для пересадки одно из своих яичек, и я сам по крайней мере слышал об одном шейхе из Саудовской Аравии, который у своего же пастуха купил себе почку... Наверное, если долго и упорно искать, то можно найти человека с нужной группой крови и соответствующими данными тканевого типирования, который согласится продать за большие деньги почку или фаллопиевы трубы. Потому что можно жить и с одной почкой, а если не хочешь детей, то и без фаллопиевых труб...

- Я согласен с твоими рассуждениями, - кивнул Манчини, взглянув на наручные часы. - Эйб, уже поздно, а мне...

- Но эти рассуждения ни к чему, когда дело касается пересадки сердца, невозмутимо продолжал Зимински. - Ибо какой идиот продаст тебе сердце?

- Пусть ни к чему! - Манчини швырнул сигару в камин, поднялся и пошел к двери. - По правде говоря, меня это мало волнует. Откуда Снэйт возьмет мне сердце - его забота. Моя забота - заполучить себе новое сердце, а твоя... Он остановился и ткнул пальцем в Зимински. - Твоя забота - договориться, чтобы я его получил!

4

Прорвавшись сквозь гряды темных кучевых облаков, скопившихся над международным аэропортом города Майами, принадлежащий Манчини золотистый "ДС-7" через десять минут замер в неподвижности на стоянке. Чтобы обеспечить Манчини максимальный комфорт в полете, только на внутреннее убранство самолета было затрачено два миллиона долларов. В самолете были оборудованы салон, стены которого украшали работы ранних американских примитивистов, кухня, две спальни с прилегающими к ним ванными комнатами и - недавнее нововведение - больничная палата, оснащенная самой современной телеметрической аппаратурой для того, чтобы в случае необходимости личный кардиолог Манчини мог наблюдать с помощью спутника за работой его сердца.

Пока аэродромная команда, бросившись под брюхо самолета, подключала к нему наземную энергетическую установку, к передней пассажирской двери подъехал пневмотрап. Стюард открыл дверь, и, после того как два телохранителя удостоверились, что безопасность обеспечена, в дверях появились Манчини и его ослепительно красивая молодая жена.

Как только они появились, сквозь оцепление мрачных с виду полицейских прорвалась толпа телеоператоров, фотографов и репортеров; обгоняя идущего к самолету Зимински, они помчались на стоянку, где, расталкивая друг друга локтями, постарались расположиться у подножия трапа.

Вспыхнули блицы, и миссис Манчини - сработал павловский условный рефлекс, - откинув назад свои длинные, по-модному растрепанные пепельные волосы, тотчас принялась играть роль прибывшей на премьеру кинозвезды.

Манчини в сопровождении телохранителей спустился по пневмотрапу к застывшему в ожидании лесу микрофонов. Зачем он приехал в Майами? Где остановится? Почему выступил в поддержку законопроекта о контроле над продажей огнестрельного оружия?

Манчини вскинул над головой руки, призывая к тишине.

- Зачем приехал в Майами? Провести пару дней в мире и покое. Репортеры начали яростно строчить. - И поэтому, - добавил он, - предпочитаю не отвечать на ваш второй вопрос. - Прокатилась волна смеха, свидетельствующая о том, что шутку оценили. - Почему выступаю в поддержку законопроекта о контроле над продажей огнестрельного оружия? - Тон его стал более серьезным. - Как вам известно, ребята, я вовсе не против оружия как такового. Однако давно пора позаботиться, чтобы оно не попадало в руки психопатов и преступников, и, может, этот закон окажется...

- Но вы всегда утверждали, что помочь этому способна только система более суровых наказаний, а не запрет на продажу оружия, - заметил один из телерепортеров и сунул для ответа свой микрофон под нос Манчини.

- А разве в новом законопроекте говорится о запрещении иметь оружие? Охотникам и членам добропорядочных спортивных клубов, да и вообще любому человеку с честной репутацией, имеющему уважительную причину на владение оружием, будет разрешено его иметь... И не будем путать слова "запрет" и "контроль", - добавил он, оглядываясь в поисках Зимински. - Новый закон позволит усилить контроль за тем, в чьих руках находится оружие, при условии, если мы введем систему более суровых наказаний для преступников.

- Представитель Национальной ассоциации стрелков, - заговорил другой репортер, - назвал перемену в ваших взглядах...

- Никакой перемены не произошло! - огрызнулся Манчини.

- Это его выражение, а не мое. По его словам, вы совершили - цитирую: "...величайшее предательство со времен Иуды Искариота". Что вы на это скажете?

- Скажу только, что если против кого и замышляется предательство, так это против американского народа. Народ давно требует установить контроль над оружием, и, если новый закон не будет принят, от этого больше всего пострадают простые американцы... Не будем забывать, что в нынешнем столетии смерть от огнестрельных ран среди гражданских лиц превышает количество убитых на войне, начиная со сражений времен американской революции и кончая Вьетнамом.

Заметив наконец Зимински, Манчини стал пробираться к нему сквозь толпу репортеров.

- Вы никогда не скрывали своего крайне критического отношения к президенту, - сказал репортер со значком "Сторонники разоружения Америки" в петлице. - Означает ли ваша поддержка нового законопроекта, что вы изменили свое мнение о нем?

Манчини, который, таща за собой жену, уже выбрался на бетонированную площадку, круто обернулся.

- Давайте договоримся раз и навсегда, - сказал он, с усилием сдерживая натиск репортеров. - Я считаю его администрацию самой неспособной после администрации Эйзенхауэра. Настоящий законопроект - первое разумное предложение за все семь лет правления. За семь лет!

Загремел гром, и с потемневшего неба упали первые тяжелые, как шмели, капли дождя.

- Но, мистер Манчини...

- Извините, ребята, все! - сказал он, заталкивая сначала жену, а потом Зимински в первый из застывших в ожидании лимузинов.

Шофер захлопнул за Манчини дверцу и, втянув голову в плечи, так как начался ливень, обежал машину и забрался в нее.

- Тронулись! - зычно крикнул полицейский офицер, хлопнув рукой по крыше лимузина. - Пошел!

В последнюю минуту в машину вскочил и уселся рядом с миссис Манчини глава службы безопасности в корпорации "Эльдорадо" Тони Джордано, и лимузин стал набирать скорость.

- На тот случай, если кто-нибудь из этих кретинов попытается нас преследовать, - сказал Джордано, глядя в заднее стекло, - я договорился, что в Мур-Парке мы пересядем в другую машину. И поедем не по Джулия Таттл, а прямо на север, где переправимся в Майами-Бич через туннель на Семьдесят девятой улице. - Посмотрев на часы, он добавил: - Если не будет пробок на дорогах из-за дождя, мы успеем, прежде чем отправиться в клинику Снэйта, завезти миссис Манчини в "Фонтенбло".

- Хорошо. - Манчини вынул из кармана флакончик с таблетками нитроглицерина и сунул одну себе в рот. - А как в клинике у Снэйта с охраной? - После того как два года назад его попытались похитить, он стал очень заботиться о своей безопасности.

- Полный порядок, - ответил Джордано. - Система, которой пользуются на Багамах, была специально разработана для таких пациентов, как вы. То есть для пациентов, которым угрожают похитители, террористы, наемные убийцы... Как раз сейчас у него там лежат два шейха, западногерманский промышленник и свидетель, вызванный Большим жюри, - у него оказалось прободение язвы, - в нем очень заинтересовано министерство юстиции.

- А как мы попадем на остров? На чем меня туда доставят?

- Проблемы нет. У Снэйта регулярно летают туда из Уотсон-Парка вертолеты... И еще одно, - добавил Джордано. - Я договорился подключить к вашему телефону скрэмблер и установить в палате телетайп и телекс для биржевых новостей, чтобы вы, если и надумаете делать операцию, чувствовали себя как дома.

- Что значит "если надумаю делать операцию"? - нахмурился Манчини. Он повернулся к Зимински, который, устроившись на одном из боковых сидений, вытирал носовым платком намокшую под дождем голову. - Разве не все решено?

- Решено? - Зимински одинаково ненавидел боковые сиденья, толпу и дождь. - Пока нам удалось только вырвать у Снэйта обещание принять тебя, раздраженно ответил он.

Манчини в изумлении уставился на сидевших в машине.

- Ты шутишь! - сказал он Зимински. - Неужели за те двое суток, что ты здесь околачивался, тебе удалось договориться лишь о встрече?

- И это было не так-то просто...

- Пусть не просто. - Манчини решил не терять хладнокровия. - Но ты хоть узнал, каким образом он гарантирует, что не будет отторжения?

- Никто и словом не помянул про такую гарантию, - покачал головой Зимински, - и уж тем более никто ее не давал. Фрэнк, - более твердым тоном продолжал он, - я знаю, ты решил обратиться к Снэйту только потому, что, по-твоему, он способен в той или иной степени преступить закон, но должен тебя предупредить, что подобные слухи ничем не подтверждаются. Ничем. Насколько мне известно, он действует строго в рамках закона.

- А про деньги ты забыл? - спросил Манчини. - Если он действует в рамках закона, за что он берет такие деньги? Или про это ты с ним тоже не беседовал?

- Я не говорил про деньги со Снэйтом...

- А с кем же ты говорил?

- С неким Квинтреллом, его административным помощником...

- Квинтрелл? - Манчини повернулся к Джордано. - Что нам про него известно?

Джордано вынул записную книжку.

- Квинтрелл... Ага, вот он. Был администратором в больнице Дентона Кули, когда там работал Снэйт, и ушел оттуда вместе с ним, взяв на себя организационную сторону его научно-исследовательской работы. Когда разразился скандал, Квинтрелл помог Снэйту обосноваться здесь. Короче, он у Снэйта в главных администраторах.

- Пусть в главных, - вздохнул Зимински. - Во всяком случае, этот Квинтрелл сказал, что тебе предъявят счет в сто пятьдесят тысяч долларов плюс-минус две тысячи.

Манчини обменялся тревожным взглядом с женой, которая занималась восстановлением урона, нанесенного дождем ее косметике.

- Сколько? - переспросил он.

- Сто пятьдесят тысяч долларов. Подожди, это еще не все. Затем Квинтрелл принялся рассказывать мне про Фонд Абако, который Снэйт задумал создать для изучения новейших методов пересадки органов...

- Господи, Эйб, - перебил его Манчини, с шумом выдыхая воздух, - а я уж начал было беспокоиться. Значит, я должен сделать пожертвование в пользу этой организации? Сколько и когда?

- Позволь уточнить: тебя не просили об этом. Никто не просил у тебя ни цента. Он просто дал понять, как бы это сказать - упомянул об этом между прочим...

- Ладно, ладно. Но когда ты предложил, он не стал отказываться, а?

- Нет, не стал...

- Так в чем же дело? - Нетерпение Манчини росло. - Из тебя вытянуть ответ не легче, чем вырвать зуб!

- Я сказал, что ты очень интересуешься новейшими методами трансплантации...

- Забавно, - заметил Манчини, оставаясь серьезным.

- ...и что, по-моему, ты с радостью пожертвуешь в этот фонд двести пятьдесят тысяч долларов. "Семьсот пятьдесят тысяч... - сказал Квинтрелл, словно не расслышав. - Весьма великодушно с его стороны".

- Вот видишь! - обрадовался Манчини. - Значит, наши предположения были

правильны.

Зимински повернулся и посмотрел в окно. Сквозь тучи проглянуло солнце, и над Майами-Спрингс заиграла радуга.

- Не могу понять, за что они берут эти дополнительные семьсот пятьдесят тысяч, - сказал он, больше обращаясь к самому себе. - Может, их берут просто за... Может, то обстоятельство, что ни у одного из его очень богатых пациентов не случилось отторжения... Возможно, это просто случайность...

- Да чего об этом рассуждать? - перебил его Манчини. - Лучше расскажи, что представляет собой этот Снэйт.

- Родился в Лондоне, - начал Зимински, - учился в Хэрроу и...

- Все это мне известно. Я спрашиваю, что он представляет собой как человек?

- Он... - Зимински пожал плечами. - Он истинный англичанин.

- Истинный англичанин? - усмехнулся Джордано.

- Уж очень он холодный, - словно оправдываясь, поспешил объяснить Зимински. - Вежливый, но холодный...

- Этот сукин сын не просто холодный, он ледяной, я чуть не замерз рядом с ним, говорю я вам! - подхватил Джордано.

Манчини метнул взгляд с одного на другого.

- Он что, затаил на меня обиду, а? - спросил он. - Не на это ли вы намекаете?

- Такой, как Снэйт, если и затаит обиду, виду не подаст, - ответил Зимински.

- Ты что, и этого не выяснил? - возмутился Манчини. - Господи, Эйб, а вдруг этот сукин сын оставит у меня внутри пару артериальных зажимов?

- Чтобы ты подал на него в суд за недобросовестность? - отмахнулся с презрением Зимински.

Манчини со вздохом откинулся на спинку сиденья.

- Эйб, признайся, что у тебя ничего не вышло, а? - спросил он устало и расстроено. - Этот малый обвел тебя вокруг пальца, а ты и глазом не моргнул. Ладно, тебя он, может, и обвел, но со мной этот номер не пройдет! Ни в коем случае! За миллион долларов эта курица снесет мне яйцо, и лучше пусть постарается снести как положено!

5

- Доктор Снэйт, к вам мистер Манчини, - сказала сестра, вводя Манчини в комнату, похожую на библиотеку привилегированного лондонского клуба.

Снэйт, который что-то писал, сидя за столом в центре комнаты, бросил на него взгляд вверх очков в золотой полуоправе.

- А, да, конечно, - отозвался он звучным, хорошо поставленным голосом с английским акцентом. - Прошу вас.

Сестра вышла, бесшумно притворив за собой дверь, а Снэйт еще с минуту продолжал писать. Затем, когда напольные часы пробили час, он встал, вышел из-за стола и, растянув в улыбке тонкие губы, протянул Манчини руку.

Хотя ему было где-то около шестидесяти пяти, выглядел он гораздо моложе. Высокий, с прямой спиной, он двигался быстро и решительно. У него была аристократически удлиненная физиономия с глубоко посаженными глазами и черными кустистыми бровями, которые составляли странный контраст с тщательно приглаженной сединой. В петлице его серого костюма виднелся крошечный розовый бутон того же оттенка, что и рубашка, а на галстук - такие носили в Хэрроу - поблескивала жемчужная булава. Держался он любезно, но холодно, почти

отчужденно.

- Прошу, - повторил он, указывая Манчини на одно из стоявших по обе стороны стола кожаных кресел, а сам опустился в другое. - Так в чем же дело?

- В чем дело? - прорычал Манчини, раздраженный тем, что его заставили ждать. - По-моему, Зимински уже говорил с вами обо мне!

- Говорил. И довольно подробно, разрешите заметить. Тем не менее я хотел бы, если вы не возражаете, услышать изложение вашей просьбы непосредственно от вас. Видите ли, важно знать не только, чем человек страдает, но и что он собой представляет.

- Что тут рассказывать? - пожал плечами Манчини. - Мое сердце, как показывает счетчик, пробежало слишком много миль, и я хотел бы сменить его на новое.

- Ясно, - неопределенно отозвался Снэйт. Он снял очки и принялся протирать стекла белоснежным носовым платком, который торчал у него из рукава пиджака. На мгновенье воцарилась тишина, слышно было лишь тиканье часов в углу комнаты. - Насколько я понимаю, вам известно, - заговорил Снэйт, - что доктор Зимински не одобряет вашего намерения сделать пересадку сердца. По его мнению, сердце у вас не в таком уж плохом состоянии, чтобы идти на риск, связанный с подобной операцией.

- Зимински - трусливая баба, и ничего больше.

- Полноте! - с легкой укоризной сказал Снэйт. - Кстати, позвольте полюбопытствовать, почему вы обратились именно ко мне?

- Потому что, как мне сказали, за большие деньги у вас можно получить такое сердце, которое не отторгается, - ответил Манчини, решив во что бы то ни стало добиться того, на что оказался не способен Зимински: договориться, причем быстро.

- Вот как? - удивился Снэйт, вопросительно подняв брови. Он не говорил, а цедил слова. - Очень интересно.

- А разве не так?

- Только в одном мы можем быть уверены: что мы ни в чем не уверены, сказал Снэйт. - А отсюда следует, что нет и уверенности в том, что мы ни в чем не уверены. - Он загадочно улыбнулся. - Сэмюел Батлер.

- Как понять ваш ответ?

- Боюсь, это наиболее исчерпывающий ответ из всех, на какие вы можете рассчитывать.

- Ладно, воля ваша, пусть будет так, - кивнул Манчини, вынимая из кармана черной кожаной пилотской куртки записную книжку. - Итак, о цене мы уже договорились. Может, договоримся и о дате?

Снэйт откашлялся.

- Боюсь, все не так просто, - сухо заметил он. - Сначала мы должны провести всестороннее обследование, чтобы установить...

- Обследование? - Манчини почувствовал, что начинает злиться. - Какое обследование? Господи, да я в Хьюстоне чуть не отправился на тот свет от всех этих обследований!

- Тем не менее обследование необходимо. Пересадить новое сердце в тело, которое, возможно, уже начало адаптироваться к поврежденному, все равно что вставить мотор от "роллс-ройса" в "фольксваген", если позволите воспользоваться вашей автомобильной терминологией. Помимо физиологических исследований, вас ждут и психологические тесты.

- Психологические тесты? - Гнев Манчини рос. - Нет, вы меня не заставьте

подвергнуться психологическим тестам! Ни за что!

Не обращая внимания на вспышку Манчини, Снэйт сказал:

- Ни один уважающий себя хирург не решится на пересадку сердца, не удостоверившись предварительно, что его пациент способен выдержать как физиологическую, так и психологическую травмы, наносимые этой операцией. Он закинул ногу на ногу. - Следует помнить, - добавил он, снимая с брюк какую-то ниточку, - что сердце, пожалуй, больше, чем любой другой орган человеческого организма, таит в себе целый спектр психологических ассоциаций.

- У меня сердце - это лишь насос, перекачивающий кровь.

- Вот и прекрасно! - Снэйт позволил себе мимолетную улыбку. - В таком случае у вас не будет никаких осложнений с психологическими тестами!

Манчини поднял руки.

- Ваша взяла, - сказал он таким тоном, словно это Снэйта надо было успокаивать. - Если вам для видимости обязательно нужно все это проделать, я согласен. Только договоримся сразу: я не хочу, чтобы об этом стало известно. Идет?

- Если когда-то мы и придем к решению, что пересадка вам показана...

- Если... когда! - взорвался наконец Манчини. - Миллион долларов за какую-то дурацкую пересадку сердца, и вы еще ставите условия!

- Два миллиона, мистер Манчини, - ледяным тоном поправил его Снэйт. Вам операция будет стоить два миллиона долларов.

6

Снэйт отложил в сторону медицинский журнал и стал смотреть вниз сквозь плексиглас кабины вертолета "Белл-47-Дж.", который за полчаса доставлял его из Майами в клинику.

С тех пор как он мальчишкой впервые прочел "Остров сокровищ", острова магнитом тянули его к себе, и прежде всего вершины ушедшей когда-то под воду горной гряды, что лежали сейчас внизу и назывались Багамскими островами.

Простираясь на добрые семьсот пятьдесят миль к юго-востоку от своей оконечности, находящейся в пятидесяти милях от побережья Флориды, Багамские острова, открытые Колумбом 12 октября 1492 года, разделенные надвое тропиком Рака, издавна ассоциировались с деятельностью пиратов, служа им надежным убежищем. Во время войны Севера с Югом эти острова были складом оружия и боеприпасов, которые грузили на суда, прорывавшиеся сквозь блокаду, созданную вокруг Южных штатов правительством Севера, а позже пакгаузом для бутлегеров и штаб-квартирой находящейся под контролем мафии империи игорных домов.

Остров, которым владел Снэйт, лежал к северу от Абако. Окруженный кристально чистой водой цвета бирюзы, он начинался пляжем из розового кораллового песка и поднимался вверх к невысокому горному кряжу. На этом кряже и располагались основные здания острова: сама клиника - ослепительно белый трехэтажный дом в неокOLONиальном стиле с украшенным колоннами портиком, окнами, забранными жалюзи, и балконами; лаборатория из бетона и стекла с плоской крышей и несколько окрашенных в яркие цвета коттеджей, где жили сотрудники.

С помощью работающей на солнечной энергии установки опреснения морской воды и десяти тысяч тонн перегноя, доставленного на остров для обогащения верхнего слоя почвы, дизайнеры по ландшафту и целая армия садовников превратили прилегающую к строениям землю в оазис, где росли величественные кедры, красное дерево и казуарина, где сады пылали цветами самой невиданной раскраски, где

искрились на солнце пруды, фонтаны и небольшие водопады и где были гроты и увитые виноградом беседки. Вдоль фронтона клиники шел огромный, безупречно укатанный и подстриженный газон, по которому разгуливали павлины.

У выхода в пролив, который отделял остров от материка, был оборудован причал со стоянкой для двадцати судов.

На высоте тысячи двухсот футов пилот, назвав себя и получив разрешение на посадку, начал снижение. Как только вертолет коснулся сверкающей в лучах солнца бетонированной площадки, электромобиль с вооруженным охранником за рулем тотчас сорвался с места, где он стоял рядом с пожарной машиной, и подъехал чуть ли не под вращающиеся лопасти вертолета. Снэйт вышел на девяностоградусную жару*. Без десяти двенадцать - еще есть время, сняв летный костюм из невоспламеняющейся ткани, переодеться в черный пиджак и полосатые брюки, в которых он будет ходить до своего возвращения в Майами в конце дня.

* +90° по Фаренгейту соответствует +32° по Цельсию.

Снэйт не был слишком обескуражен, когда пять лет назад ему вдруг предъявили обвинение в недозволенном вмешательстве в процесс зарождения жизни. В истории науки, и медицины в особенности, было немало случаев, когда людей, которые, подобно ему, осмеливались действовать наперекор общественному мнению, мешали с грязью. И ни на секунду не возникло у него мысли бросить свои исследования. Слишком много они для него значили. Тем не менее существовала одна серьезная проблема: чтобы продолжать работу, ему нужны были помещение, оборудование и сотрудники. А для этого требовались деньги, причем такая сумма, которую нельзя было заработать законным путем.

И тут он вспомнил, как был поражен, когда, впервые приехав в Соединенные Штаты, узнал, что там количество операций, приходящихся на одного человека, в два раза больше, чем в Англии. Но, услышав от американского коллеги термин "выгодатомия", он все понял: лишенные совести хирурги взяли за практику удалять у пациентов совершенно здоровые органы. Это подтвердил и один из специалистов по общественному здравоохранению. "У нас происходит то, - сказал он Снэйту, - что можно назвать медицинской версией закона Паркинсона: количество пациентов, поступающих на операцию, возрастает пропорционально количеству имеющихся коек, операционных палат и времени, каким располагает хирург".

Тогда Снэйт был глубоко этим потрясен, однако спустя пять лет сам пришел к выводу, что в силу сложившихся обстоятельств имеет полное право применять в своей практике поистине пиратские методы.

Он быстро уловил рациональное зерно этой идеи. Среди разбросанных по всему свету десятков тысяч больных, которые нуждаются в трансплантации, всегда найдутся такие, кто может и готов заплатить любую сумму за возможность оказаться первыми в списке ожидающих пересадки. Отыскать таких пациентов не составляло труда - Снэйт уже был известен как хирург, занимающийся пересадками. Фокус состоял в том, чтобы разыскать доноров, группа крови и данные тканевого типирования которых настолько совпадали бы с показателями реципиентов, чтобы у тех, кто заправлял Службой трансплантации, не было оснований ему отказать.

То, что ему для осуществления подобного плана придется стать соучастником убийств, мало его волновало. Как большинство врачей, он был если и не совсем равнодушен к смерти, то по меньшей мере привык к ней. Кроме того, он никогда не

причислял себя к сторонникам практики сохранения жизни любой ценой; он считал, что важно не просто жить, а как жить. Все мы рано или поздно умрем. Поэтому что случится, если некоторые - согласно предначертанию судьбы - покинут этот мир не позже, а раньше? Чего стоит их жизнь по сравнению с жизнью сотен тысяч людей, которые будут возвращены к активной деятельности в результате его труда, - это же лишь ничтожная доля того, чем общество готово расплачиваться ежегодно за сомнительное удовольствие пользоваться автомашиной или за обязательную вакцинацию.

Еще меньше терзали его угрызения совести по поводу того, что он отказывает обществу в праве принимать или не принимать его услуги. Разве оно не демонстрировало неоднократно свою неспособность объективно оценивать факты? И разве правительство не взяло себе за правило принимать жизненно важные решения от лица общества? Кто, к примеру, когда-либо слышал о правительстве, проводящем референдум на тему: объявить или не объявить войну?

Именно в ту пору бывший его пациент (торговец оружием, который оказал финансовую и организационную помощь, чтобы население острова Абако, насчитывающее семь тысяч человек, обрело независимость) сообщил ему, что продается один из островков к северу от Марш-Харбор.

Такой остров как нельзя лучше отвечал намерениям Снэйта (несколько американских врачей уже обосновались на Багамах с целью применять и разрабатывать методы лечения, запрещенные в Соединенных Штатах), поэтому он немедленно вступил в переговоры с владельцами острова и приобрел опцион на его покупку.

Однако подобрать ключ к решению основной проблемы не удавалось еще несколько недель. О похищении случайных людей, обреченных стать донорами, не могло быть и речи, - слишком ничтожна была надежда на то, что у них окажутся нужные группа крови и данные тканевого типирования.

Ответ был найден во время визита в Англию, где он участвовал в международном симпозиуме по гистосовместимости. Снэйт встретил там Гая Уорд-Роупера, с которым учился в Кембридже и который оказался директором информационной службы Института профилактической медицины. В тот же вечер за ужином они затеяли спор о значении мультидисциплинарного обследования, причем Снэйт утверждал, что подобное обследование мало что дает - только превращает здоровых людей в ипохондриков и тем самым осложняет их жизнь.

- Глупости! - возмутился Уорд-Роупер. - Когда-то, может, так оно и было, но за последнее время произошло немало перемен. После того как мы стали определять методом тканевого типирования антигены гистосовместимости...

- Тканевого типирования? - Снэйт почувствовал, что у него кольнуло в затылке. - Боже милостивый!

- А чему ты так удивился? Тебе не хуже меня известно, что злокачественная анемия, например, ассоциируется с HLA B8 и B12 антигенами, тогда как анкилозирующий спондилит - с...

- Совершенно верно, - поспешил согласиться Снэйт, которого уже больше не занимал этот спор. - Ты хочешь сказать, что вы типируете всех пациентов без исключения?

Уорд-Роупер кивнул.

- Мы первые в мире, кто это делает, - с гордостью заявил он. - В очередном

номере "Британского медицинского вестника" готовится большая статья об этом. Мы, разумеется, понимаем, что еще слишком рано утверждать взаимозависимость между...

- И сколько же людей в год вы подвергаете обследованию? - нетерпеливо перебил его Снэйт.

- В Лондоне около двадцати тысяч. Кроме того, у нас есть филиалы в Западной Германии, Франции, Италии, Швеции и Голландии, поэтому можно, видимо, говорить, что мы обследуем около миллиона человек в год. И это только начало. В самое ближайшее время мы намерены открыть филиалы в Соединенных Штатах, Канаде и Австралии.

Сообразив, что он наткнулся на нечто такое, что может оказаться ключом к решению основной проблемы, Снэйт изо всех сил старался скрыть охватившее его волнение.

- Ну и ну! Потрясающе, да и только! А скажи мне, долго ли у вас хранятся полученные данные?

- Вечно.

- Неужели?

- Да. И это самое главное в нашей практике, - объяснил Уорд-Роупер. Первичные показатели значительно облегчают понимание последующей информации...

- Все данные, насколько я уловил, закладываются в компьютер?

- Именно, - ответил Уорд-Роупер, поглощенный выбором сигары. - Если пропускать миллион пациентов в год, то хранить данные можно только в компьютере.

Наконец-то Снэйт нашел то, что искал: огромное, постоянно пополняющееся хранилище информации о потенциальных донорах.

Теперь нужно найти возможность убедить Уорд-Роупера помочь ему в осуществлении его затеи. Деньгами вряд ли его соблазнишь, решил Снэйт. В качестве директора информационной службы он получает от пятнадцати до двадцати тысяч фунтов стерлингов в год. Кроме того, немалый собственный капитал есть и у жены Уорд-Роупера, которая была из очень богатой семьи.

Однако ему было известно, что Уорд-Роупер мечтал заняться политикой. Помнил он также, что, когда Уорд-Роупер был на последнем курсе университета, про него говорили, будто он гомосексуалист, а в Англии гомосексуализм и политика несовместимы (несколько лет назад некий адвокат, занимающийся частной практикой, был вынужден покинуть пост лидера своей партии, когда прошел слух, будто он уличен в подозрительной связи).

А в таком случае не пойдет ли Уорд-Роупер на все, лишь бы сохранить в тайне свои сексуальные склонности, особенно если он и по сей день дает им волю?

На следующий день Снэйт поручил частному детективному агентству установить связи и окружение Уорд-Роупера, а также изучить его образ жизни (чтобы подобное расследование выглядело более убедительно, он попросил подвергнуть проверке в качестве кандидатов на должность еще двух специалистов по вычислительной технике).

Результаты деятельности агентства превзошли самые смелые ожидания: Уорд-Роупер не только оказался извращенцем, но был связан с вышедшими из тюрьмы преступниками.

На очередной встрече с Уорд-Роупером Снэйт счел возможным, как и подобает истинному джентльмену, не скрывать своих намерений. Ему нужен доступ, объяснил он, к анамнезам пациентов Института профилактической медицины.

- Вот и все, что ты должен мне предоставить и что тебе положено знать, - сказал он. - За это ты будешь получать ежегодно сумму в десять тысяч фунтов стерлингов в любой указанной тобою валюте, которая будет переводиться на зашифрованный счет в один из банков Цюриха.

Уорд-Роупер категорически отказался от этого предложения, вынудив Снэйта пойти с козырного туза.

Сначала казалось, что Уорд-Роупер не сдастся даже под угрозой шантажа, ибо он выбежал из гостиничного номера Снэйта, пообещав вызвать полицию.

Но на следующий день он вернулся.

- Если ты дашь мне слово, что сведения эти, хотя и добытые нечестным путем, будут использованы только на благо, я сделаю то, о чем ты просишь, сказал он. - Но гнить мне в аду заживо, если я возьму за это хоть пенни.

На следующее утро Снэйт вернулся в Майами, подписал документы на покупку острова, назвав его не без иронии островом Гиппократа, и приступил к подбору сотрудников.

Закончив обход и разрешив ряд лечебных и административных проблем, возникших после его предыдущего визита на остров, Снэйт вышел из здания, где размещалась клиника, и направился в лабораторию.

Лаборатория - прямоугольное каркасное строение из неоштукатуренного бетона с кирпичными вкраплениями, приподнятое над землей двойным рядом колонн, - выглядела не более устрашающе, чем любая другая постройка, задуманная в стиле, известном под названием "необрутализм". Хотя здание состояло из двух этажей, только первый был с окнами, да и то в них были вставлены зеркальные стекла, сквозь которые можно было смотреть наружу, но ничего нельзя рассмотреть внутри. Несколько ступеней вели вверх к стальной двери, по обе стороны которой были установлены телевизионные камеры. Дверь украшал девиз Исследовательского центра: "Ne cede malis sed contra audentior into" ("Не отступай перед бедой, а смело иди ей навстречу").

Снэйт поднялся по ступеням и назвал свое имя в микрофон. С минуту камеры изучали его с головы до ног, потом дверь бесшумно поползла в сторону, и он очутился в просторном, похожем на учрежденческий вестибюле. Коротко кивнув двум вооруженным охранникам, которые несли вахту у телевизионных мониторов, он преодолел пролет лестницы, прошел под бдительным оком очередной телекамеры по коридору и очутился в своем кабинете.

В отличие от его приемной в Майами-Бич эта небольшая комната, выкрашенная целиком в белый цвет, была обставлена весьма скромно: письменный стол, два стула, кушетка, шкафы, в каких хранятся картотеки, и мини-компьютер - на манер тех, что установлены в кассах аэропортов. К нему были подключены телефон и электронный интерпретатор, известный также как автоответчик.

Снэйт подошел к компьютеру, снял телефонную трубку, набрал номер, соединяющий его напрямую с компьютером в Институте профилактической медицины, и включил интерпретатор.

На прошлой неделе он дал отсюда указание институтскому компьютеру приступить к поиску пациентов с группой крови и данными тканевого типирования Манчини. Ежедневно в течение суток в банк компьютера многократно обращались те, кому это было положено по службе, а Уорд-Роупер с помощью хитроумной схемы заложил в компьютер приказ по команде Снэйта: всякий раз, когда банком пользуются

сотрудники института, просматривать и соседние истории болезни. Если с помощью таких взглядов "искоса" обнаруживался пациент, чьи данные совпадали с данными пациента Снэйта, компьютер выбирал всю информацию о больном, направлял ее названному Уорд-Роупером частному лицу и опечатывал с помощью шифра. Дальнейшее пользование компьютером уничтожало всякие следы незаконных поисков. Словно с железной дороги угнали в тупик вагон, а потом перевели стрелки.

Главной же достопримечательностью этой системы было то, что дополнительная нагрузка на компьютер оказывалась настолько незаметной, что в течение недели удавалось просмотреть порой до восьмидесяти процентов историй болезни, не оставив при этом и следа. Не придумай Уорд-Роупер такого нерегулярного поиска информации, в регистрационных ведомостях был бы отмечен подозрительно высокий процент выбора данных по одной и той же программе, что не укрылось бы от глаз сотрудников отдела информации и тех специалистов, которых то и дело приглашали налаживать счетно-вычислительное устройство.

Снэйт уселся и начал набирать код из двенадцати цифр на клавиатуре своего мини-компьютера. Этим кодом - таким же, как для секретных замков сейфов, и известным только ему и Уорд-Роуперу - Снэйт сообщал институтскому компьютеру, что ему разрешено пользоваться его памятью, и одновременно исключал возможность попадания интересующей его информации в чужие руки, если кому-либо из сотрудников в Лондоне вдруг понадобятся те же данные. В качестве защиты от перехвата информации в электронный интерпретатор был встроен прибор, который тотчас же зашифровывал передаваемые сведения.

Набрав код, Снэйт нажал кнопку, возвращающую на место каретку, и тем самым ввел его в компьютер. И сейчас же на экране дисплея запрыгала зеленая светящаяся точка, оставляя за собой слова:

КРАТКАЯ КАРТА СОВМЕСТИМОСТИ

ДОНОРА - РЕЦИПИЕНТА

ОТВЕЧАЙТЕ НА ВОПРОСЫ - "Д" ДЛЯ "ДА" И "Н" ДЛЯ "НЕТ".

ABO?

ПРАВИЛЬНО?

Компьютер подождал, пока Снэйт не напечатал букву "д", то есть "да".

ВАС ИНТЕРЕСУЮТ СЛЕДУЮЩИЕ АНТИГЕНЫ?

HLA-A: A1A2,

HLA-B: B8B12,

HLA-C: C4CX,

HLA-D: D3D7.

ПРАВИЛЬНО?

Снова Снэйт нажал букву "д".

СОВМЕСТИМОСТЬ ПО 8 АНТИГЕНАМ=001.

СКОЛЬКО НУЖНО НАПЕЧАТАТЬ? СООБЩИТЕ КОЛИЧЕСТВО, ИЛИ "ВСЕ", ИЛИ "НИЧЕГО".

Снэйт напечатал "все", и компьютер ответил:

СЛЕДУЮЩИЙ ДОНОР СОВМЕСТИМ С РЕЦИПИЕНТОМ ПО 8 АНТИГЕНАМ:

Рег. № в п р

о о а ABO HLA-A HLA-B HLA-C HLA-D

з л с

р а

а
с
т

00201279 51 М КАВК. АВ А1А2 В8В12 С4СХ D3D7

НУЖЕН ПОЛНЫЙ АНАМНЕЗ? НАПЕЧАТАЙТЕ РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР, ЗАТЕМ "ПОЛНЫЙ" ИЛИ "НЕТ".

С многострадальным вздохом Снэйт напечатал "полный". Хотя он понимал, что компьютер запрограммирован на повторение данных, введенных в него с других вычислительных устройств, чтобы исключить ошибки, которые могли возникнуть из-за помех на каналах связи, требование давать ответы на явно лишние, по его мнению, вопросы вызывало у него раздражение.

Снэйт пробежал взглядом изложенную на экране историю болезни. Пациенту № 00201279 шел пятьдесят первый год - многовато, да к тому же у него явные признаки порока сердца.

Что ж, придется запросить список пациентов, совместимых по семи антигенам. Естественно, он предпочел бы донора с полной совместимостью. Но может ведь не найтись подходящего донора и с семью антигенами, так что надо поискать, а вдруг попадется кто-нибудь, у кого несовместимость окажется по антигенам слабых локусов А и С. Тогда проблемы нет. Больше всего он боялся несовместимости по локусу D. При пересадке это может вызвать катастрофические последствия.

На экране снова появились данные:

СЛЕДУЮЩИЕ ДОНОРЫ СОВМЕСТИМЫ С РЕЦИПИЕНТОМ ПО 7 АНТИГЕНАМ:

Рег. № в п р

о о а АВО НLА-А НLА-В НLА-С НLА-D

з л с

р а

а

с

т

01010239 31 М КАВК. АВ А1А2 В8В12 С4СХ D4D7

02261493 32 М КАВК. АВ А1А2 В8В12 С3СХ D3D7

03114572 22 Ж КАВК. АВ А1А2 В8В12 С4С5 D3D7

НУЖЕН ПОЛНЫЙ АНАМНЕЗ? НАПЕЧАТАЙТЕ РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР, ЗАТЕМ "ПОЛНЫЙ" ИЛИ "НЕТ".

Снэйт задумался. У него появилась мысль: а что, если пересадить Манчини, этому олицетворению всего, что Снэйт презирал, сердце человека с признаками порока сердечных клапанов? При том образе жизни, который ведет Манчини, ему почти наверняка года через два придется снова лечь на операционный стол. А если повезет, то он умрет в одночасье. Более того, поскольку ответственность за донора несет лечащий врач Манчини и Служба трансплантации, то риск привлечения к ответственности его, Снэйта, исключается.

Интересная мысль! Не имеющая отношения к науке, но интересная. Очень интересная!

Но тут Снэйт почувствовал, что охватившее было его волнение исчезает. Жажда мести, решил он, - чувство безрассудное, а он всегда гордился своей рационалистичностью. Если бы таким актом мести он мог искоренить зло,

причиненное ему Манчини, он не колебался бы ни минуты. Но сделанного не воротишь. Напротив, как сказал когда-то Фрэнсис Бэкон: "Человек, жаждущий мести, только растравляет свои раны".

С чувством сожаления Снэйт опять обратился к экрану дисплея. Ему задавали вопрос: **НУЖДАЕТЕСЬ В ПОМОЩИ?**

НЕТ, НЕ НУЖДАЮСЬ, - яростно выстукал он.

ПОЖАЛУЙСТА, СОБЛЮДАЙТЕ ПРИНЯТЫЕ НАМИ СТАНДАРТЫ, - получил он в ответ. **ОТВЕЧАЙТЕ "Д" ДЛЯ "ДА" И "Н" ДЛЯ "НЕТ"**. **НУЖДАЕТЕСЬ В ПОМОЩИ?**

Снэйт ударил букву "н" и начал печатать регистрационные номера двух последних пациентов (первый мужчина его не интересовал: он был несовместим по локусу D).

Снова по экрану запрыгала светящаяся точка, излагая запрошенные им анамнезы. Пациентов отличал друг от друга только пол. Правда, женщина была немного анемична, но во всем остальном оба отличались завидным здоровьем.

Обычно Снэйт предпочитал донора того же пола, что и реципиент. Однако в глубине его души все еще таилась жажда мести.

Проведенные над Манчини психологические тесты выявили, что его агрессивность и властность являются средством защиты от тяжелых сомнений в сексуальной полноценности. А что, если пересадить ему сердце женщины? Хотя функционально оно будет служить не хуже мужского, возможно, даже лучше, поскольку женщина на десять лет моложе мужчины, не вызовет ли оно у Манчини полного полового бессилия? В одном Снэйт был уверен: Манчини ни в коем случае не захочет, чтобы стало известно, что в его мускулистой волосатой груди бьется сердце представительницы слабого пола. А это значит, что у Снэйта будет возможность обуздать Манчини, если в том возникнет необходимость.

Довольный, что нашел повод удовлетворить свое желание отомстить Манчини, Снэйт напечатал пароль, который давал ему доступ к именам и адресам пациентов, а затем регистрационный номер молодой женщины. И компьютер тотчас ответил:

ПАЦИЕНТ № 03114572

ФАМИЛИЯ: ТЕННАНТ

ИМЯ: КЛЭР-ЭНН

АДРЕС: АНГЛИЯ, ЛОНДОН, С.-3. 3, ТАЙТ-СТРИТ, 62.

7

Сначала идея арендовать малолитражку казалась отличной: машина эта малоприметна и ее легко парковать. Однако после почти четырехчасового пребывания в тесной, душной клетке Пола Гинзела стали одолевать сомнения не только в том, разумно ли поступил рослый, солидного сложения мужчина, выбрав малолитражку, но и вернется ли Клэр Теннант в этот вечер домой.

Однако как раз в ту минуту, когда он собирался вылезти из машины, чтобы размять сведенные судорогой ноги, она вдруг появилась в зеркале заднего обзора.

- Вот мы и при деле, - провозгласил он, гася сигарету.

Сидевшая рядом средних лет женщина, чем-то напоминавшая лошадь, открыла глаза, поморгала и, бросив взгляд на свои наручные золотые часы от "Картье"*, посмотрела в заднее стекло. Последние полчаса она сидела, сложив на коленях руки, и дремала. И теперь чувствовала себя отдохнувшей, спокойной и вполне способной выполнить стоящую перед ними задачу.

* Известная ювелирная фирма.

Хотя Марта Пирс вместе с Гинзелом занималась похищением доноров, она в своей косынке от "Гермеса"*, синем жакете с металлическими пуговицами и серой плиссированной юбке ничем не отличалась от тех женщин, которых ежедневно можно встретить в "Хэрродсе"**. Она работала операционной сестрой у Снэйта в больнице имени Дентона Кули, затем вернулась в свой родной Бостон, где на деньги, завещанные мужем, бывшим ее пациентом (разница между ними была в тридцать лет), открыла гериатрическую клинику. Операционной сестрой она была превосходной, но в коммерческих делах разбиралась слабо и вскоре столкнулась с финансовыми затруднениями. А затем, в самый разгар переговоров по поводу получения денег под третью закладную, ее клиника сгорела дотла. И когда ей предъявили обвинение в непредумышленном убийстве, поджоге и намерении ввести в заблуждение страховую компанию, она обратилась к Снэйту и попросила его выступить в качестве поручителя. Снэйт не только согласился внести за нее залог, но на свои деньги нанял ей лучших в штате Массачусетс адвокатов, а также целую группу ученых-социологов, знатоков конъюнктуры на бирже и специалистов, умеющих по телодвижениям определять характер человека, чтобы помочь ей выбрать присяжных, благорасположенных к защите.

* Торговая фирма, продающая дорогие предметы дамского туалета.

** Крупный универсальный магазин в Лондоне.

Неудивительно, что Пирс оправдали по всем трем пунктам обвинения. Вот тогда-то Снэйт и предложил ей нынешнюю работу, от которой она, чувствуя себя перед ним в неоплатном долгу, естественно, не могла отказаться.

- Ну, и что ты думаешь? - спросила она у Гинзела, когда Клэр, подойдя к парадной двери, начала искать ключ в большой парусиновой сумке. Пирс говорила негромко, с еле слышным бостонским акцентом.

- О чем? - удивился он.

- Идти ли мне... Тебе не кажется, что уже поздно?

Гинзел посмотрел на часы.

- Девять часов - это вовсе не поздно. И откуда нам знать, не придет ли она завтра еще позже, и к тому же не одна? - Он пожал плечами. - Пока кота нет, мыши...

- Пожалуй. - Пирс вытащила из-за спины сумку крокодиловой кожи и достала пудреницу и губную помаду. - Ладно, давай покончим с этим сегодня.

Она принялась пудриться и красить губы, а Гинзел тем временем вылез из машины и, подойдя к расположенному неподалеку телефону-автомату, набрал номер телефона Клэр.

Как только она ответила, Гинзел, опустив в щель монету, сказал:

- Можно мистера Вернона?

- Мистера Вернона? Вы, должно быть, ошиблись. Это три-два-пять-четыре-пять...

- Извините, мне нужно четыре-два-пять...

Гинзел дождался, чтобы она повесила трубку, затем достал из кармана кусочек пластилина и прежде, чем положить трубку, сунул его под рычаг. Теперь, пока он не уберет пластилин, телефон Клэр будет занят. Таким способом просто, но надежно обеспечивалось спокойствие во время пребывания Пирс в квартире.

Повесив над телефоном табличку "не работает", он сел в машину.

- Все при тебе? - спросил он, кивнув на сумку Пирс.

- Все, но не думаю, что понадобится, - ответила она, рассматривая в зеркале заднего обзора, не запачканы ли помадой ее крупные, чуть торчащие передние зубы. Она открыла дверцу и вылезла из машины. - Если на нее не действует гипноз, то зачем она ходит к зубному врачу, который состоит членом общества врачей-гипнотизеров?

- Подожди минуту... - Несмотря на сгущающиеся сумерки, Гинзел заметил, что из соседнего с Клэр подъезда вышел мужчина с пуделем. - На случай, если у тебя не будет получаться, я знаю, где что находится, - продолжал он, пока они смотрели вслед шагавшему к набережной мужчине.

Как только тот скрылся за углом, Пирс решительно перешла улицу и позвонила в дверь Клэр.

Никакого отклика. Пирс подождала минуту и позвонила снова. На этот раз ей повезло: послышались шаги. Дверь отворилась на ширину накинутой цепочки, и в щели появилось лицо Клэр.

- Мисс Теннант? - улыбнулась Пирс.

Клэр кивнула.

- Я Джоанна Росситер. Надеюсь, вы извините меня за столь поздний визит. Я приятельница миссис Ибботсон, матери Эстер...

Лицо Клэр просияло. Эстер Ибботсон была одной из ее подружек в художественной школе.

- Правда? Я не видела Эстер... господи, даже подумать страшно, как давно... Не меньше года, наверное. Как она?

- Неплохо. Вы, должно быть, слышали, что у нее родилась дочь?

- Да, слышала. Я была ужасно расстроена, что не сумела побывать на свадьбе, но в ту пору... - Клэр вдруг замолчала. - Ой, простите, ради бога, - сказала она, снимая цепочку и распахивая дверь. - Прошу вас, миссис Росситер, входите.

Клэр сварила кофе, они минут десять посплетничали про общих знакомых и вспомнили места, где обе бывали, и наконец Пирс сказала:

- Извините, дорогая, мне так пришлось по душе наша беседа, что я чуть не забыла, зачем явилась к вам. Могу я задержать вас еще на несколько минут?

- Разумеется. - Клэр снова наполнила чашки. Когда Майкл уезжал, квартира сразу становилась чересчур большой и пустой, и потому она была рада приходу этой женщины.

- Я работаю при Совете по медицинским исследованиям, - объяснила Пирс. - Веду, так сказать, научные изыскания. - Она рассмеялась. - Звучит громко, правда? В действительности же все очень просто. В настоящее время, например, с помощью отделения психологии в университете Ридинга мы занимаемся изучением восприятия... Миссис Ибботсон помнит, что эта тема вас интересовала, поэтому она посоветовала мне встретиться с вами. Насколько я поняла, нечто подобное было темой вашей работы, когда вы занимались в Королевском колледже...

- Совершенно верно. - Сбросив босоножки, Клэр подобрала под себя ноги и уселась поудобнее. - Пожалуйста, продолжайте...

Минут пятнадцать они с энтузиазмом обсуждали эту тему.

- Хорошо бы провести с вами тахистоскопический тест. Интересно посмотреть, что получается, когда имеешь дело с творческой личностью.

- Пожалуйста, - согласилась Клэр. - А что от меня требуется?

- Всего лишь просмотреть серию картинок, которые мы вложим в тахистоскоп -

он похож на проектор для слайдов, но изображения на экране сменяются очень быстро. Затем мы попросим вас описать, что вы видели или считаете, что видели. - Пирс замолчала, словно ее вдруг осенило. - Между прочим, у меня в машине есть тахистоскоп...

- В таком случае почему бы вам не провести это исследование сейчас?

Пирс, повернувшись, взглянула на часы.

- А ничего, что так поздно?

- Для меня не поздно, - ответила Клэр. - Сделаем вот что: пока вы готовитесь, я сварю еще кофе.

Через несколько минут Пирс вернулась, неся папку и тахистоскоп, который она поставила на столике перед кушеткой. Провод не доставал до ближайшей электрической розетки, но эту проблему они решили, пододвинув кушетку и столик. Пирс включила тахистоскоп и велела Клэр сесть перед ним. В центре экрана вспыхнула светящаяся точка.

- Вам будет легче смотреть, если я выключу одну-две лампы, - предложила Пирс, зайдя за кушетку, чтобы посмотреть на экран со стороны Клэр. - Не возражаете?

Клэр кивнула, и Пирс, выйдя из-за кушетки, уселась с ней рядом, положив на колени папку и опустив свою сумку на пол.

- Отлично! Итак, прежде всего мне хотелось бы, - продолжала Пирс, чтобы вы как можно больше расслабились. Ложитесь, да, да, ложитесь и забудьте обо всем. Смотрите на экран и ни о чем не думайте - это главное! Нельзя ничего делать, нельзя говорить, пока смотрите на экран. Ни о чем не думайте и смотрите на экран. Вы почувствуете, что вас клонит ко сну, но это совершенно не имеет значения. По правде говоря, было бы даже лучше, если бы вы заснули... Поэтому ни о чем не думайте и смотрите на экран. Ни о чем не думайте и смотрите на экран. Вот и все. Ни о чем не думайте и смотрите на экран.

Клэр, не сводя глаз с замершей на экране светящейся точки, ощутила, как по ее телу разливается тепло, ей захотелось спать. Так захотелось, что глаза у нее сами закрылись. Хотя где-то в глубине сознания она понимала, что пятнышко света на экране не изменилось, оно, казалось, росло. И по мере того, как оно росло, голос женщины становился все тише и тише. Вот и вся комната потонула в свете. Вскоре Клэр уже окончательно была не в силах держать глаза открытыми, а когда закрыла их, то почувствовала, что какая-то жизненно важная часть ее уплывает в бесконечное пространство.

Еще несколько минут Пирс повторяла:

- Ни о чем не думайте и смотрите на экран. - А затем голосом, который становился все глуше и монотоннее, продолжала: - Я хочу, чтобы вы внимательно выслушали все, что я сейчас скажу: глаза у вас закрыты... вам хорошо и приятно... вы вникаете лишь в смысл моих слов... у вас отяжелели руки и ноги, но вам хорошо и приятно... вы погружаетесь во тьму и, чем глубже погружаетесь, тем лучше себя чувствуете... вы дышите размеренно и глубоко, размеренно и глубоко... и вы глубоко и крепко засыпаете... засыпаете глубоким, крепким сном. Я буду считать до десяти, а вы заснете крепким-крепким сном.

Медленно Пирс принялась считать, а когда кончила, тихонько взяла Клэр за руку, подняла на уровень ее лица и отпустила. Рука упала, как у тряпичной куклы. Клэр была в состоянии глубокого гипноза.

Хотя Клэр была не в силах открыть глаза, сладковато-тошнотворный запах хлорки подсказал ей, что она в больнице. А это могло означать только одно: она пришла проведать маму. Тогда почему же она считала, что мама умерла? Должно быть, ей это приснилось, решила она. И сразу испытала облегчение. Теперь нужно только открыть глаза, и все будет в порядке.

"Тебе пора, родная, - сказала мама. - Здесь оставаться небезопасно..."

Клэр улыбнулась. Сколько ей помнилось, в их семье всегда подшучивали над мамиными страхами перед микробами. Поэтому неудивительно, что начиненная микробами атмосфера больницы казалась ей крайне опасной.

Клэр наклонилась поцеловать мать на прощанье и почувствовала под руками железное изголовье кровати и накрахмаленные простыни.

"Хорошо, мамочка. Но завтра я опять приду в это же время".

Она попыталась встать и обнаружила, что не только не может открыть глаз, но и не в состоянии двигать ногами. Она помедлила секунду, снова попробовала подняться, но ничего не получилось.

И вдруг она поняла: это она лежит в постели у себя дома.

Надо встать, решила она. Хуже нет, чем лежать, когда тебя терзают такие странные, тревожные сны. И пить хочется, ужасно хочется пить.

Убедив себя, что окончательно проснулась, Клэр попыталась встать с постели. И не смогла пошевелиться.

Кляня все на свете, она предприняла более решительную попытку. Но едва приподнялась на локте, как почувствовала, что кто-то решительно толкнул ее обратно.

- Лежите спокойно, - словно из глубокой пещеры эхом донесся до нее женский голос. - Лежите спокойно, и все будет в порядке.

Страх заставил Клэр открыть глаза. Перед ней, набегая друг на друга, плыло несколько темнокожих лиц. Губы двигались одновременно.

- Вы в больнице, - прогудело над ухом. - С вами произошел несчастный случай.

Клэр провела языком по пересохшим губам.

- Несчастный случай?

Лица начали медленно сливаться в одно.

- Боюсь, что да, милочка. Вы упали с лестницы у себя в квартире. У вас перелом ноги и тяжелое сотрясение мозга.

Клэр подняла голову. Хотя все вокруг по-прежнему было не в фокусе, она различила, что левая нога у нее покоится в какой-то люльке, которая с помощью сложной системы из проволоки и блоков прикреплена к перекладине над кроватью.

Она уронила голову на подушку и закрыла глаза, стараясь сообразить, что произошло. Она помнила, как вернулась домой, как позвонили в дверь. Тогда, что ли, она упала? Не может быть. Когда раздался звонок, она была не наверху, а внизу и собиралась варить кофе. Но вот после этого звонка она, сколько ни старалась, ничего не могла вспомнить. Звонок - и все, пустота. Так ли? Хотя это представлялось ей абсурдом, тем не менее она почему-то видела, как складывает вещи, как ее везут в аэропорт и сажают в самолет. Летели они вроде долго, а потом еще куда-то плыли, и играл оркестр...

Наверное, вспомнился сон, решила она. Ее везли в карете "скорой помощи" - возможно, потому и приснилось путешествие.

С большим трудом ей удалось спросить у сиделки, в какой она больнице.

- В больнице святого Стефана, - ответила та. - На Фулэм-роуд.

Узнав, что она рядом с домом, Клэр с облегчением закрыла глаза и снова забылась сном, полным видений, более реальных, чем сама реальность.

Клэр утратила всякое чувство времени, и все последующие дни, недели, а может, и месяцы пребывала словно в тумане - она лишь смутно сознавала, что ее моют, кормят и дают глотать несметное множество таблеток. Иногда над ней склонялись какие-то люди, разглядывали ее, говорили, что она поправляется, обещали, что очень скоро ей разрешат принимать посетителей, смотреть телевизор и читать газеты.

Несколько раз ей удавалось собраться с мыслями и пожаловаться на отсутствие памяти и утрату ориентации, на что ей возразили, что это как раз и есть симптомы сотрясения мозга. Старайтесь как можно больше спать, принимайте лекарство, и все будет в порядке, уверяли ее.

Подозрение, что утрата ориентации вызывается таблетками, возникло не сразу. Хотя, казалось, прошли недели, прежде чем она собралась с силами, тем не менее она все-таки решила подвергнуть себя проверке. Вместо того чтобы покорно проглотить очередную порцию таблеток, она запихала их под язык, а затем, притворившись, будто захлебнулась водой, которой запивала таблетки, выплюнула их в бумажную салфетку и спрятала под подушку.

Она легла и, прикрыв глаза, стала ждать, что будет дальше.

Сначала все было по-прежнему. Тела своего она не чувствовала и плавала где-то во вселенной - в той вселенной, где время шло иначе, чем в остальном мире, и где дважды два не равнялось четырем.

Но вдруг она заметила, что у нее снова появилось тело.

В голове прояснилось, она впервые как следует разглядела свою палату небольшую, белую, освещенную лампами дневного света. Помимо кровати, в комнате был шкафчик, штатив с капельницей и два складных стула. На противоположной стене висела старинная на вид литография с изображением здания парламента, а окна были зашторены темно-синей тканью. Хотя, как ей сказали, она лежит в частной лечебнице при больнице св. Стефана, в палате почему-то не было ни телевизора, ни радио, ни телефона, ни зеркала, ни часов. Не было и лампы возле кровати. И что самое удивительное - не было цветов. Даже если Майклу не разрешалось ее навещать, цветы он бы прислал - в этом она не сомневалась.

И вдруг ее осенила страшная мысль: она не упала с лестницы, а попала в автомобильную аварию, в которой погиб Майкл. Вот почему он не приходит и не присылает цветов. Он умер, а ей решили не говорить об этом, пока она не поправится.

Нет, все это чушь. Ведь если не Майкл поместил ее в эту частную лечебницу, тогда кто? И если они попали в аварию, то почему же она почти не пострадала? Ничего не понимая, Клэр сбросила с себя простыню и приподняла подол белой сорочки. Нигде ни синяка, ни царапины. Она изогнулась, стараясь увидеть себя со спины. Тоже ничего.

А если сломана нога, вдруг подумалось ей, то где же гипс?

Она осторожно вытащила ногу из люльки и принялась ее ощупывать. Никакого перелома.

Может, она так долго пролежала в больнице, что кость уже срослась? Но в таком случае почему нога до сих пор на подвеске?

И тут она заметила, что на ногах у нее нет ни единого волоска. Ей сделали эпиляцию? В больнице? Весьма сомнительно. Значит, она пробыла здесь самое большее несколько дней.

Нет, что-то тут не так, явно не так. Если она провела в больнице всего несколько дней, значит, нога у нее не была сломана.

Может, ее с кем-нибудь спутали? С женщиной, которую зовут так же и которая на самом деле сломала ногу? Такое случается, поскольку общественное здравоохранение пребывает в весьма плачевном состоянии.

Клэр встала с постели и принялась искать звонок, чтобы вызвать сестру, но ничего не нашла. Шлепая босыми ногами по крытому линолеумом полу, она подошла к двери и подергала за ручку. Дверь была заперта. Она начала стучать, но стеганая обивка двери заглушала все звуки.

Клэр огляделась в отчаянии, не зная, что предпринять. Окно! Может, рядом с окном есть пожарная лестница? Она подбежала к окну и подняла штору.

Она думала, что увидит хаос закопченных домишек и лавчонок, что толпились по обе стороны Фулэм-роуд, зажженные уличные фонари, легковые машины и такси, а то и автобусы, если еще не очень поздно.

А вместо этого увидела пальмы и цветы, розовый песок и искрящееся на солнце ярко-синее море.

Клэр вскрикнула, и туча птиц ослепительной окраски сорвалась с верхушек пальм и устремилась в безоблачное небо.

9

Девятнадцатого августа в половине седьмого вечера Майкл Фицпатрик вернулся домой. Когда он восемь дней назад говорил с Клэр по телефону, она сказала ему, что вот-вот начнет работать с фотографами - предстоит сделать снимки для рождественского каталога, макет которого она подготовила. С тех пор он звонил еще несколько раз, но к телефону никто не подходил. Его это не очень удивило, как не удивился он и тому, что она не встретила его в аэропорту. В посланной им телеграмме было сказано, что он лишь надеется прибыть рейсом, вылетающим из Белфаста в 4.30.

Он вытащил ключи и начал отпирать входную дверь. Как хорошо вернуться домой! В редакции его ждут только в понедельник, а Клэр обещала, что к его возвращению она закончит свою работу. Они выпьют по стаканчику, обсудят события, происшедшие в его отсутствие, а потом поедут ужинать в ее любимый ресторан. На обратном пути они заглянут в один из кабачков на реке возле Бэттерси-бридж и большую часть ночи будут наслаждаться любовью.

- Клэр! - позвал он, толкнув дверь плечом. - Клэр, родная, это я... Он умолк. Прихожая была завалена газетами и письмами.

Им овладело недоброе предчувствие. Поставив чемодан, он вошел в гостиную.

- Клэр?

Тоненькой струйкой лилась вода на кухне - и всё; кругом царила тишина, даже воздух в комнате был неподвижен и безжизнен, точно в склепе. Часы стояли, цветы в горшках уже начали увядать.

И тут на столе он увидел конверт, прислоненный к вазе с подгнившими фруктами.

Что-то случилось. Он взял конверт, поднял к свету, секунду смотрел на него, потом надорвал и развернул лежавший в нем листок бумаги.

Что-то случилось действительно нехорошее, очень нехорошее. Письма к нему Клэр обычно писала от руки, да еще сопровождала забавными рисунками. А это напечатано на машинке, и рисунков никаких нет. Больше всего его испугало то, что письмо начиналось одним словом: "Майк!"

Он принялся читать.

"Прости меня, что я так поступаю, но я решила уехать, побыть некоторое время одна и обо всем как следует подумать.

Последние полтора года были лучшими в моей жизни, и, хотя ты мне наверняка не поверишь, я по-прежнему тебя люблю. Но наши отношения стали почему-то чересчур спокойными, чересчур предсказуемыми. Мне кажется, я знаю, как пройдут ближайшие тридцать лет, и это меня страшит.

Тебе будет нелегко, я понимаю. И мне, поверь, тоже нелегко. Вот почему я не посмела дожидаться тебя и сказать тебе все сама - ты сумел бы отговорить меня, и я бы осталась. А в конечном итоге это обернулось бы только бедой для нас обоих. Умоляю тебя, не испытывай ко мне ненависти".

Огорошенный, он огляделся. Нет, она не могла уехать, убеждал он себя. Принадлежащие ей вещи: кульман, планшет, картотека, картины и книги - все на своих местах.

Письмо это - шутка. Ужасно глупая, но тем не менее шутка.

В отчаянии он кинулся к подножию лестницы, выкрикивая ее имя, а когда никто не отозвался, взбежал наверх и распахнул дверь в спальню.

В комнате стояла несусветная жара, но в остальном все было так, как и до его отъезда. И в ванной тоже. На стене висел белый махровый халат Клэр и ее купальная шапочка. А где другие ее вещи?

Он вернулся в спальню и раздвинул дверцы шкафа. Внизу стояли ее сапоги и несколько пар туфель, но большинство вешалок пустовало.

Чуть не плача, он отступил, наткнулся на кровать, сел и достал сигарету. Не может быть, она не могла уйти - во всяком случае, не так, тайком. А может, могла? По правде говоря, перед его отъездом Клэр вела себя довольно странно.

Заметив, что зажег сигарету с фильтра, он потушил ее и принялся снова читать письмо. "Прости меня, что я так поступаю, но я решила уехать, побыть некоторое время одна и обо всем как следует подумать".

Он почувствовал, что начинает злиться. Дураком она его считает, что ли? Целые две недели она была одна, могла за это время думать сколько душе угодно.

А может, существует другой мужчина? Правильно. Вот чем все объясняется. Смахнув со щек слезы, Майкл повернулся и начал тупо разглядывать кровать. Неужто они спали здесь? Он со злобой сдернул покрывало, но простыни оказались безукоризненно белыми, как только что выпавший снег.

Ничего это не доказывает, решил он. Может, она его сюда и не приводила. Что она, проститутка, что ли?

С лицом, окаменевшим от еле сдерживаемого гнева, Майкл опять подошел к шкафу и начал шарить в карманах оставшейся одежды. Должно же быть хоть что-то, что даст ключ к разгадке случившегося: написанный на клочке бумаги номер телефона, какая-нибудь записка. Но кроме двух мелких монет и автобусного билета, он ничего не нашел.

Он спустился вниз и там продолжал свои лихорадочные поиски. Хотя чековая и сберегательная книжки и паспорт Клэр отсутствовали, все остальное вроде было на месте. Она оставила свою записную книжку и, что еще удивительнее, альбом, в котором хранила образцы своих работ.

Трясущимися руками он налил себе коньяку и выпил. Нужно собраться с мыслями и все как следует обдумать. Если она уехала из Лондона, то, чтобы получить работу, ей обязательно понадобится альбом с образцами. Почему же она не взяла его с

собой?

Означает ли это, что она уехала на время или просто позабыла альбом в спешке? Скорее, позабыла, решил он. В таком случае завтра он прежде всего сменит замки. Тогда, если ей что-нибудь понадобится, она вынуждена будет, черт побери, сначала обратиться к нему.

И тут он вдруг осознал полную невероятность случившегося. Если бы пятнадцать минут назад кто-нибудь сказал ему, что он задумает сменить замки, он рассмеялся бы ему в лицо. Не может быть, заявил бы он. Они слишком уважают друг друга. Разумеется, теоретически не исключено, что любой из них может встретить человека, который больше понравится, но, если такое произойдет, они поведут себя как люди цивилизованные. Они ведь не просто влюблены, они любят. А это большая разница, считал Майкл. Любовь - это полное физическое и духовное слияние, а быть влюбленным - это чуть больше, чем мимолетное увлечение, *folie a deux**, когда двое удовлетворяют мечты и фантазии друг друга.

* Безумие вдвоем (франц.).

Что ж, с горечью подумал он, все происшедшее лишь показывает, насколько человек может заблуждаться.

Он встал, завернул кран, из которого капала вода, и принялся открывать окна. С улицы доносились голоса, отчего он еще больше ощущал свое одиночество. К тому времени, когда все окна были открыты, он уже отказался от мысли сменить замки. Если она ведет себя как последняя идиотка, то это еще не значит, что и ему следует поступать так же.

Но что же дальше? "Позвоню ее приятельницам", - решил он. Хоть одна из них должна же знать, что произошло.

Он налил себе еще коньяку и почти час обзванивал ее подруг. Никто из них ничего не знал.

Сгустились сумерки. Голода он не ощущал, но решил, что пора поесть. Он прошел в кухню, зажег свет. В холодильнике лежал сыр, а также ветчина в запечатанном пакете, но хлеб заплесневел. Он хотел было бросить его в мусорный бачок, как вдруг вспомнил: мусорщики бастуют. Он прочел об этом в газете дня два назад. Если бы Клэр не хотела, чтобы что-то компрометирующее ее попало ему на глаза, она выбросила бы это в мусорный контейнер, надеясь, что к его возвращению контейнер опорожнят.

Он вышел во двор и снял крышку с мусорного контейнера. Как и следовало ожидать, контейнер был полон. Однако уже почти стемнело, ничего не разглядеть. Он приволок со двора контейнер и, разложив на полу кухни газеты, перевернул его. А потом, стараясь не дышать глубоко, начал копаться в мусоре.

Он уже почти решил, что даром теряет время, как вдруг среди яичной скорлупы, пакетиков из-под чая и рваных колготок наткнулся на конверт из Института профилактической медицины.

О чем, черт побери, сообщал ей Институт профилактической медицины? Он лихорадочно занялся поисками письма. Нашел один клочок, потом другой. Вскоре таких клочков набралось достаточно, чтобы Майкл мог получить ответ на свой вопрос: в письме подтверждалось, что прием, на который записалась Клэр, состоится... а дальше был указан день, когда он улетал в Ирландию.

Наконец-то все разъяснилось. Обследование показало, что она больна, может

даже смертельно. (Первое, что пришло ему в голову, была почему-то болезнь Ходжкина.) Значит, она уехала, чтобы не быть ему в тягость.

Чувствуя себя виноватым за свои предположения, Майкл сгрэб мусор обратно в контейнер и вымыл руки.

Разумеется, узнать, что выяснилось в институте, будет нелегко: с ним не захотят разговаривать, даже ее личный врач и тот, наверное, ничего не скажет. Попробовать стоит, если, конечно, он вспомнит фамилию ее врача.

Швырнув полотенце, он побежал в гостиную и стал быстро просматривать записную книжку Клэр.

Доктор Рейшауер? Нет, адрес не тот. У ее терапевта приемная где-то в районе Саут-Кенсингтона. Майкл продолжал листать странички, пока не наткнулся на то, что искал.

Он снял трубку и набрал номер. Частые гудки. Барабания от нетерпения пальцами, он с минуту подождал, потом набрал номер снова. На этот раз ответил автоматический "секретарь". Вот и все. До завтрашнего утра, пожалуй, больше делать нечего.

Он полил цветы, отнес наверх чемоданы, разложил по местам вещи, опустил в ящик ее туалетного столика флакон духов Ива Сен-Лорана, которые купил ей в подарок, поставил будильник на 7.30 и, проглотив капсулу нембутала, лег спать.

Когда на следующее утро Фицпатрик после визита к врачу Клэр вернулся домой, квартира показалась ему еще более пустой, чем накануне. По дороге он заехал в один из супермаркетов на Кингс-роуд, купил себе еды для долгого, ничем не занятого уик-энда, маячившего впереди, и, свалив всю провизию на кухонный стол, поставил на огонь чайник. В ожидании, пока чайник закипит, Майкл снова задумался над происшедшим - в свете того немногого, что ему удалось узнать.

Доктор - он был одним из группы врачей, которые совместно практиковали, сняв помещение возле станции метро на Саут-Кенсингтоне, - отнесся к нему с сочувствием.

"Думаю, что мисс Теннант не станет сердиться, если я открою вам, что по всем основным данным обследование подтвердило, как я и полагал, что она совершенно здорова".

Когда Фицпатрик спросил его, зачем ей понадобилось это обследование, доктор, пожав плечами, ответил:

"Может, она собиралась куда-нибудь уехать. Знаете, пациенты, решаясь на какую-то перемену в образе жизни, порой начинают беспокоиться о своем здоровье".

Засвистел чайник. Фицпатрик машинально выключил его, положил в чашку растворимый кофе и сахар, залил их кипятком.

В письме из института было сказано, что Клэр записалась на прием в конце июля. Поэтому, если доктор правильно угадал, она начала думать об отъезде по меньшей мере за две недели до этого. Если не раньше. Однако любопытно вот что: именно в первой половине июля между ними царили мир и согласие. Они ходили в театры и кино, побывали на нескольких выставках, а один из уик-эндов провели в полной идиллии в коттедже на побережье Норфолка. И даже оставили двум агентам по продаже недвижимости свой адрес в надежде, что подвернется коттедж, который будет им по карману.

А не вызвано ли ее решение уехать тем, что они до сих пор не состоят в браке? Возможно, но едва ли. Они оба придерживались того мнения, что нет причин оформлять отношения до тех пор, пока не захочется иметь детей, а с этим она решила не торопиться по крайней мере еще года два.

Фицпатрик допил кофе, сполоснул чашку, прошел в гостиную и начал заводить часы.

Единственное, ему помнилось, на что она жаловалась - да и то в шутку, был его цинизм. Подобно большинству журналистов, особой застенчивостью он не отличался. Деликатным в журналистике нет места, соперников приходится расталкивать локтями. (Николас Томэйлин, один из легендарных героев Флит-стрит, сказал как-то, что для настоящего успеха журналисту нужно быть хитрым, словно крыса, внушать к себе доверие и уметь немного писать.) Фицпатрик, соглашаясь с этим определением, к вышеупомянутым качествам добавил бы еще ненасытное любопытство и умение не принимать все за чистую монету. Может, ее и вправду стала раздражать эта черта его характера? Возможно, но опять же едва ли. Ведь он никогда не позволял себе быть циничным по отношению к ней. И кроме того, хотя по натуре она была мягкой и кроткой, стоило вывести ее из себя, как она превращалась в настоящую Лиззи Борден*.

* Американка, обвиненная в 1892 г. в убийстве своего отца и мачехи, была оправдана, однако преступление так и осталось нераскрытым. Поскольку в народе продолжали считать ее виновной, по этому поводу возникло много легенд.

Поставив стрелки часов на четверть двенадцатого, он качнул маятник и снова принялся изучать ее письмо.

Подпись, несомненно, принадлежала Клэр, но мысли выражены как-то непривычно. И еще одно смущало его: обычно свои записки она печатала на машинке, только когда спешила, при этом она часто использовала те принятые у репортеров сокращения, к которым прибегал он в своей практике. А в этом письме все слова были написаны полностью.

Небольшой дефект в букве "е" нижнего регистра свидетельствовал о том, что письмо напечатано на ее собственной машинке. Но сама ли она печатала его?

Он вспомнил, что в начале года она оформляла настольное пособие для любителей гадать и на суперобложке воспроизвела отпечатки своих рук. Интересно, был ли уже пробный оттиск? Он принялся листать альбом с образцами. Да, был. Он вынул его и начал изучать. Хотя на рисунке руки были несколько меньше по размеру, чем ее руки в действительности, все кожные узоры были воспроизведены превосходно. Отлично. Теперь можно сравнить отпечатки пальцев на клавишах машинки с отпечатками на суперобложке.

Разыскав в ванной баночку с тальком, он собрал все, что могло ему понадобиться: клейкую ленту, увеличительное стекло и кисточку из собольего волоса. Высыпав немного талька на листок бумаги, он окунул в него кисточку и осторожно припудрил первую из клавиш на машинке. В лупу было видно, как тальк лег на следы, оставленные пальцем. Теперь следовало снять отпечаток и сравнить его с тем, что был на суперобложке. Майкл оторвал от клейкой ленты полоску в два дюйма, прижал ее клейкой стороной к той же клавише, а потом отнял. На свет было видно, что отпечаток получился почти идеальный. Зная, что Клэр работает на машинке только двумя пальцами, он сравнил отпечаток с оттиском ее указательного пальца левой руки на суперобложке. Они полностью совпали: на том и на другом отчетливо видна была сравнительно редко встречающаяся усеченная дуга.

Майкл понимал, что нет смысла повторять операцию на всех клавишах: даже при таком коротком письме многие клавиши приходится ударять снова и снова, и

отпечатки безнадежно размазываются. И тогда он опять пробежал письмо глазами в поисках букв, которые были использованы только один раз. Таких оказалось три: х, ц, э. Теоретически на каждой из соответствующих этим буквам клавиш должен быть такой же отпечаток, какой ему уже удалось снять. Только сейчас он заметил, что буква, соответствующая первой клавише, отсутствует в письме.

Одну за другой он посыпал клавиши тальком, и, прижав к ним полоску клейкой ленты, снимал ее. Отпечатков не было.

Что это доказывает? Что Клэр, когда печатала, надела перчатки. В такую жару?

Он постучал кисточкой по зубам. А что, если на машинке печатал кто-то другой, пожелавший остаться неизвестным? И именно поэтому он надел перчатки...

Хотя мысль эта казалась нелепой и мелодраматичной, она не выходила у него из головы. Если кто-то, а не Клэр напечатал это письмо, значит, они ушли вместе. В таком случае, может, их видел кто-нибудь из соседей?

Он встал и принялся завязывать галстук. Если и из этого ничего не получится, он прекратит поиски.

Но на сей раз ему повезло: один из соседей видел, с кем выходила Клэр, и история, которую он поведал, убедила Фицпатрика, что ему следует как можно скорее встретиться с инспектором сыскной полиции Реджинальдом Этуеллом.

10

На следующий день ровно в половине третьего Фицпатрик был у Дворцовых ворот Кенсингтон-гарденс и, стараясь по возможности держаться в тени пожухлых из-за жары деревьев, направился по бурой от пыли траве прямо к Круглому пруду.

Фицпатрик познакомился с Реджинальдом Этуеллом пять лет назад, когда еще только начинал как репортер вест-лондонского еженедельника, а Этуелл был сержантом в сыскной полиции. Поначалу они симпатизировали друг другу, и только. А затем жену Этуелла поймали на краже в магазине. И, как порой бывает, в то утро в суде Аксбриджского участка, где слушалось ее дело, кроме Фицпатрика, никого из репортеров не было. Хорошо понимая, что подобная история не только получит огласку с помощью его собственного еженедельника, но и будет подхвачена другими газетами, Фицпатрик, в качестве одолжения Этуеллу, решил не показывать этот материал в редакции. Этуелл был глубоко тронут, и, хотя браку его было суждено просуществовать лишь год, они стали близкими друзьями.

Выйдя из-под деревьев, Фицпатрик прошел мимо загорающих и выбрался на аллею, по которой гуляли вокруг пруда целые полчища людей. Огромное зеркало воды отливало тусклым металлом, рядом с моделями судов, паруса которых из-за полного штиля совсем поникли, плавали утки, а высоко в небе застыли в неподвижности воздушные змеи.

На северном берегу пруда он отыскал Этуелла, который в одних плавках, как и большинство мужчин здесь в этот нестерпимо знойный день, присев на корточки, рассматривал игрушечную яхту своего сына.

- Прошу разрешения подняться на борт, сэр!

- Майк! - Этуелл с трудом встал, растирая сведенные судорогой ноги, и пожал ему руку. - До чего же я рад тебя видеть! - сказал он. - Ты вроде разбираешься в судах, а? - Он протянул ему яхту.

- Немного разбираюсь. А в чем дело?

Пока Этуелл пытался объяснить, его младший сын заливался слезами.

- Билли ее сломал!

- Ничего я не ломал! - огрызнулся старший. Как и их отец, оба брата отличались простонародным выговором.

- Тихо! - прикрикнул на них Этуелл. - Для начала хватит. - Голос его смягчился. - А теперь поздоровайтесь с дядей Майклом.

Оба мальчика с явной неохотой выполнили просьбу отца.

Этуелл снова повернулся к Фицпатрику.

- Извини, что пришлось встретиться здесь, - негромко сказал он. - Но нынче моя очередь воспитывать этих скандалистов.

С помощью пилки для ногтей Фицпатрик высвободил зацепившуюся за что-то ось румпеля, и яхта была отдана в распоряжение мальчишек. Затем, пообещав им мороженого в обмен на десять минут тишины и покоя, Этуелл повел Фицпатрика к шезлонгам, подобрал положенные в них рубашки и сандалии - в знак того, что шезлонги заняты, - и они сели.

- Хочешь намазаться? - спросил Этуелл, протягивая флакон с лосьоном для загара.

- Сейчас нет.

Этуелл налил на ладонь лосьона и принялся втирать его в свою волосатую грудь.

- Здесь, конечно, не Мальорка, - весело заметил он, - но куда лучше, чем на дежурстве. - Закинув руки за лысую голову, он с удовольствием потянулся. - Итак, мой старший сын, что же у тебя случилось?

- Речь пойдет о Клэр...

Внезапный порыв ветра, поднявший рябь на воде, принес откуда-то издалека звуки духового оркестра, исполнявшего мелодию "Когда окончен бал".

- О твоей девице?

- Бывшей...

- Вот как? - ничуть не удивился Этуелл. - И что же с ней случилось?

- Она исчезла.

- Исчезла? - В голосе Этуелла прозвучало недоверие. - Как исчезла?

Фицпатрик полез в задний карман брюк.

- Когда я в пятницу вечером вернулся из Белфаста, меня ждало вот это, сказал он, подавая письмо Этуеллу.

Этуелл выпрямился и начал читать.

- О господи! - вздохнул он, возвращая письмо Фицпатрику. - А тебе не приходило в голову, что готовится нечто подобное?

- Всерьез - нет...

- Что значит "всерьез"?

Фицпатрик пожал плечами.

- Недели две назад между нами были кое-какие шероховатости, но потом все наладилось. Нет, все было в полном порядке.

- Тогда почему она сбежала? Как по-твоему, тут не замешан другой мужчина? - Этуелл не умел ходить вокруг да около. - Пока тебя не было, у нее ведь было сколько хочешь возможностей...

- Это очень бы меня удивило... Очень.

И Фицпатрик рассказал ему о том, что обзвонил всех ее приятельниц, нашел в мусоре письмо из Института профилактической медицины, обратился к врачу Клэр.

- А вчера днем я решил обойти соседей: вдруг кто-нибудь видел, как она уехала. И оказалось, что один из них, некто ди Суза - он живет в соседнем подъезде, - действительно видел... В позапрошлую пятницу он заметил, что напротив дома, на

другой стороне улицы, стоит машина, а в ней - средних лет мужчина и женщина. Было около семи вечера. Они продолжали сидеть там и в девять, когда он вывел на прогулку свою собаку. Тогда он решил, что это грабители и что они следят за их домом...

- И позвонил в полицию?

- Нет. Этот дурак, видите ли "не любит такого". Тем не менее, когда он уже собрался лечь спать, где-то около половины одиннадцатого, он увидел, что тот самый мужчина вышел из нашего подъезда с двумя чемоданами в руках. Минуты через две появилась Клэр в сопровождении женщины, все трое сели в машину и уехали.

- А он запомнил номер?

- Ты шутишь? Он даже понятия не имеет, какой марки была машина. Он сказал дословно вот что: "маленькая, зеленая, с окошком в крыше".

Этуелл согнал усевшуюся ему на живот муху.

- Похоже на "форд-фиесту"...

- Я тоже так подумал.

- У кого-нибудь из ваших знакомых есть "фиеста"?

Фицпатрик помотал головой.

- А эта пара? Они тебе кого-нибудь напоминают?

- Нет, - опять помотал головой Фицпатрик.

- Что еще?

- Вот, пожалуй, и все...

- Немного, а? - мрачно подытожил Этуелл. - Заявлять в полицию, разумеется, нет смысла. Эти идиоты и слышать ни о чем не захотят - ведь у нас ежегодно исчезает около двадцати тысяч человек... Конечно, - добавил он, - есть еще Армия спасения...

- Нет, это не для Клэр, - покачал головой Фицпатрик. - Реджи, а не мог бы ты навести справки в социальном страховании или в ее банке?

- Могу попытаться, - не сразу и без энтузиазма откликнулся Этуелл. - Но не думаю, что от этого будет толк. В социальном страховании вообще не спешат, а банк вряд ли уже получил от нее просьбу о переводе счета по новому адресу. К чему торопиться, если у нее есть кредитные карточки? Ведь есть?

- Да, ее банка и "Америкен экспресс".

- Вот видишь, - уныло отозвался Этуелл.

- И проверять списки пассажиров тоже не имеет смысла?

Этуелл с шумом втянул в себя воздух, словно обжегся.

- Знаешь ли ты, сколько самолетов, судов и вертолетов ежедневно покидают Англию? - с пафосом воскликнул он. - И потом, почему ты решил, что она уехала за границу? По-моему, лучше уж попросить в вашем почтовом отделении перечень разговоров, которые велись по твоему телефону, - подумав, предложил он. - Скажи, что тебе кажется, будто прислали чересчур большой счет... Если ты увидишь, что один и тот же номер повторяется много раз и ты этот номер не знаешь... - И, внезапно прервав самого себя, Этуелл рывкнул на мальчишек, которые пытались столкнуть друг друга в воду. - Вот сорванцы! пожаловался он Фицпатрику. - О чем мы говорили? - И вдруг его глаза расширились. - Послушай, мне пришла в голову отличная мысль! Помнишь, в прошлом году я летал в Штаты? Так вот, когда я был в Лос-Анджелесе, я видел, как работает в полиции отдел Свенгали*...

* Персонаж романа Джоржа Дюморье "Трильби", человек, обладавший сверхъестественной силой воздействия на окружающих.

- Какой отдел? - не понял Фицпатрик.

Этуелл чуть смутился.

- Отдел, который пользуется в своей практике гипнозом. - Он помахал рукой. - Я знаю, это звучит несерьезно, но обожди. Они обнаружили, например, что фотороботы, созданные по описанию свидетелей, которые были предварительно загипнотизированы, гораздо больше соответствуют реальности, чем можно было ожидать. Кроме того, и это главное, свидетели, которые сначала утверждали, что ничего не помнят, под гипнозом вспоминали номера машин преступников и бог знает что еще!

Фицпатрик одобрительно поднял брови.

- И ты считаешь...

- Именно! - воскликнул Этуелл. - Мы загипнотизируем твоего приятеля... - Он нетерпеливо защелкал пальцами, стараясь припомнить фамилию соседа Майкла.

- Ди Сузу, - подсказал Фицпатрик. - Уилфреда ди Сузу. Однако своим приятелем я бы его не назвал...

- Ну, пускай свидетеля. Мы загипнотизируем твоего свидетеля и посмотрим, не сумеет ли он вспомнить номер машины, в которой уехала Клэр. Как ты думаешь, пойдет он нам навстречу?

- А почему бы и нет? - ответил Фицпатрик, хотя и не был в этом так уж уверен. - Но кто его загипнотизирует?

- Да, это проблема... - Этуелл помрачнел.

- У вас в Скотланд-Ярде нет специалистов?

- Нет. По крайней мере пока. Заместитель главного прокурора боится, что если мы начнем применять гипноз, нас обвинят в том, что мы внушаем свидетелям информацию, а не получаем ее от них...

Из-за шезлонгов вдруг выскочил, распугав голубей, которые, самодовольно воркуя, разгуливали по высохшей траве, большой ирландский сеттер.

- А ну, пошел отсюда! - рассердился Этуелл. - Чертовы собаки! Поубивал бы их всех! Знаешь, сколько дерьма они оставляют на лондонских улицах ежедневно? - И громогласно возвестил: - Шестьдесят шесть тонн! Ежедневно!

- Да ну? - Фицпатрик сделал вид, будто его потрясло это сообщение. - А знаешь, зубной врач, к которому ходила Клэр, - гипнотизер. Я его, правда, ни разу не видел, но... - Он помолчал. - Минуту! Я придумал кое-что получше. Я знаю одного психиатра, его зовут Джерард Пол, он лечит и гипнозом. Я несколько раз обращался к нему за советом, когда в своей работе сталкивался с проблемами психиатрии, и он всегда мне помогал... Если я уговорю его и ди Сузу встретиться, ты готов присутствовать на сеансе?

- Конечно! - не задумываясь, ответил Этуелл. - Кстати, - добавил он, видимо что-то припомнив, - а что представляет собой этот ди Суза?

Фицпатрик пожал плечами.

- Вполне приличный человек...

- Приличный? - Этуелл искоса посмотрел на него. - Ты что-то недоговариваешь, а?

- С чего ты взял?

- У меня есть нюх на эти дела. Давай выкладывай.

- Видишь ли, ди Суза немного...

- Немного не того, да? Только этого нам не хватало! - простонал Этуелл.

- Он еще и владелец салона красоты для собак в Найтсбридже.

- Да? - спросил голос из динамика.

- Мистер ди Суза? - едва не касаясь губами микрофона, спросил Фицпатрик.

- Да... - осторожно подтвердил голос.

- Мистер ди Суза, это я, Майкл Фицпатрик. Майкл Фицпатрик из соседнего подъезда...

- А, да! - обрадовался голос. - Входите, пожалуйста.

Когда Фицпатрик на третьем этаже вышел из лифта, ди Суза ждал его у дверей своей квартиры. Он был высокий, с отличной фигурой, седыми, с голубоватым отливом, волнистыми волосами и лицом стареющего героя-любownika. На нем был полосатый передник, а в руках он держал крохотного белого пуделя в сверкающем камнями ошейнике.

- Варю джем. Персики с миндалем. Уже кипит. - Он говорил короткими, рублеными фразами. - Пробовали такой?

Фицпатрик признался, что не пробовал.

- Тогда позвольте презентовать вам баночку, - сказал ди Суза и, отодвинув в сторону занавес из бус, впустил Фицпатрика в комнату, обставленную мебелью начала века. - Хотя я вроде сам себя хвалю, но джем и вправду очень вкусный.

На тахте, обтянутой шелком абрикосового цвета, лежал гораздо более молодой мужчина, кудрявый блондин с телосложением культуриста.

- Чарлз, это мистер Фицпатрик, о котором я тебе рассказывал.

Чарлз оторвался от журнального приложения к "Санди таймс" и оглядел Фицпатрика с головы до ног.

- Привет! - протянул он и снова принялся за чтение.

Фицпатрик сел.

- Не знаю, сумел ли я помочь вам чем-нибудь вчера, - сказал ди Суза, предлагая гостю сигарету из большой зеркальной коробки, выложенной внутри атласным деревом.

Заверив ди Сузу, что его помощь была неоценимой, Фицпатрик объяснил, что требуется от него теперь.

- Меня загипнотизировать? - Ди Суза поднес огонек к сигарете и принялся курить короткими нервными затяжками, как курила в своих первых фильмах Бетт Дейвис. - По-моему, из этого ничего не получится! Меня нельзя загипнотизировать. - Он повернулся к молодому человеку на кушетке. - А ты как думаешь, Чарлз? - спросил он. - Меня хотят загипнотизировать. Как по-твоему, мне согласиться? - Он произнес это так, будто его ждала по крайней мере хирургическая операция.

- Дело твое, - ответил Чарлз, не поднимая глаз.

- Но я не знаю, получится ли из этого что-нибудь, - снова обратился ди Суза к Фицпатрику, еще не потеряв надежды сорваться с крючка.

- Уверен, что получится. Творческие личности с высокой степенью эрудиции обычно легко поддаются гипнозу.

Чарлз хмыкнул, но ди Суза сделал вид, будто этого не слышал.

- Вот как? - обрадовался он. - Правда? В таком случае я готов попробовать...

- Отлично! - Фицпатрик достал записную книжку и начал писать адрес.

- Меня беспокоит только одно. - Ди Суза нагнулся и потрепал Фицпатрика по колену. - Что, если я, когда меня загипнотизируют, начну выдавать все свои тайны? Только представьте себе!

- Тогда все присутствующие на сеансе заснут крепким сном, - тут же вставил Чарлз.

Фицпатрик вырвал из записной книжки страничку и вручил ее ди Сузе.

- Какой вечер вас больше устраивает?

Ди Суза подошел к письменному столу и включил лампу с абажуром в виде лилии.

- Эта неделя вся занята, - вздохнул он, с нарочито озабоченным видом листая переплетенный в кожу календарь. - А следующая и того хуже... - Он повернулся к Чарлзу. - Ты идешь в среду к Родди?

- Возможно. А что?

- Как ты думаешь, он не очень расстроится, если я не приду?

- Он и не заметит, - пожал плечами Чарлз.

Ди Суза кинул на него обиженный взгляд.

- Очень тебе благодарен! - Он повернулся к Фицпатрику. - Тогда, значит, вечером в среду.

11

- Снэйт идет сюда! - излишне громко спросил Клод Дюкасс. А потом, испуганно оглядев сидящих за столом, закончил чуть ли не шепотом: - Сейчас? Сегодня?

Ли Квинтрелл мрачно кивнул.

- Теннант пыталась бежать...

Квинтрелл, серьезный молодой человек в очках с роговой оправой, в темно-синем костюме строгого покроя, возглавлял так называемую Комиссию по добыче материала при Фонде Абако, которая несла ответственность за похищение, доставку и содержание доноров.

- О, проклятье! - вздохнул Дюкасс, доставая из чемоданчика шесть катушек с пленкой и вручая их стоявшему в ожидании технику. Потом он сунул чемоданчик под стол и сел. - Так что же случилось? - Одна сторона его худого, с ястребиным профилем лица дергалась от нервного тика.

Пожилая женщина в накрахмаленном белом халате и со слуховым аппаратом в ухе рассказала ему, что произошло.

- Но каким образом она осталась одна? - недоумевал Дюкасс. Тик усилился. - Более идиотскую историю трудно придумать!

- У сиделки, по ее словам, заболела голова, и она пошла в аптеку за лекарством. Когда же ее обследовали, оказалось, что она накачалась амфетамином.

Дюкасс застонал.

- Ему уже досталось как следует, - кивнув на Квинтрелла, продолжала женщина, - да и мне тоже. Но операцию Манчини придется отложить, пока у нее не пройдут ушибы.

- У кого? - не понял Дюкасс. - У сиделки?

- Не у сиделки, а у Теннант, - прошипела женщина. - Пришлось применить силу, чтобы ее утихомирить.

- А сиделка? Что с сиделкой?

Женщина провела пальцем по горлу: с сиделкой покончено.

- Ого! - Лицо у Дюкасса вытянулось. - Не слишком ли сурово, а?

- Раз она принимает наркотики, ее услугами мы пользоваться не можем. Старик решил, что отпускать ее опасно. - Женщина пожала плечами. - Вот и пришлось...

Квинтрелл положил локти на стол и пригнулся.

- По-моему, это было сделано скорее "pour encourager les autres"*, объяснил он Дюкасу. - После случая с Теннант он никому не верит. К нему теперь и на кривой козе не подъедешь...

* Чтобы другим было неповадно (франц.).

- Да уж, - подтвердила Пирс.

Квинтрелл пальцем прижал очки к переносице.

- Слыхали про докторшу, которая принимала участие в церебральных трансплантациях? - спросил он у присутствующих. Кивнула только женщина со слуховым аппаратом. - Так вот... - Квинтрелл оглянулся на дверь. - У одного из ее подопечных появился отек мозга...

- Бывает, - спокойно заметил Дюкасс.

- Конечно, бывает. Очень даже часто. Она и пыталась втолковать это Старика. А он... Если бы вы только слышали! - Квинтрелл на секунду даже зажмурился, словно пытался отогнать от себя неприятную картину. - Когда он кончил ее распекать, бедняжка была в таком состоянии, что ей пришлось вводить валиум внутривенно. И знаете...

- Минутку! - остановила его Пирс, вставая, чтобы снять трубку зазвонившего телефона. - Алло! - В комнате воцарилась тишина. - Хорошо, я ему передам. - Она положила трубку и вернулась на место. - Старик застрял в патологии, - объявила она. - Велел начинать без него.

Сидевшие за столом облегченно вздохнули.

- Отлично! - оживился Квинтрелл. - Тогда начнем, благословясь. - Он положил перед собой листок с повесткой дня, откашлялся и прочел: "Первый вопрос: пересадка сердца Манчини". С Теннант теперь все в порядке? обратился он к Пирс.

- По-моему, да...

- А где ее держат? В коттедже на Малом Гиппократе?

Пирс кивнула.

- Я внушила ей, что она в отпуске и ждет приезда своего приятеля.

- И она успокоилась?

- По-моему, да.

- Жаль, что мы сразу этого не сделали, - посетовал Квинтрелл.

- Если бы я знала, что она представляет собой такую ценность, мы бы обязательно это сделали, - пробурчала женщина со слуховым аппаратом.

- Разумеется, - поспешил согласиться Квинтрелл, не дав Пирс, метнувшей на женщину злобный взгляд, и рта открыть. - А теперь как у нас с планом реализации... - и тотчас поправился: - ...подготовки обоснований?

Медицинские и правовые нормы, предъявляемые Службой трансплантации, требовали, чтобы в качестве доноров использовали лиц, являющихся жертвами подлинных несчастных случаев. Поэтому каждый несчастный случай следовало организовать таким образом, чтобы все внутренние органы человека оставались неповрежденными, в то время как мозг получил травму, несовместимую с жизнью. Такая крайне изощренная форма убийства, которую по настоянию Снэйта упорно называли "обоснованием", в прошлом осуществлялась различными методами, в том числе с помощью симуляции самоубийства, принятия слишком большой дозы наркотиков, случалось, жертву топили или сбрасывали с высоты.

За "обоснование" отвечали Дюкасс и Гинзел, и на предыдущем заседании

Комиссии по добыче материала они представили на обсуждение инсценировку предполагаемой гибели Клэр во время полета на дельтаплане.

Этот план, однако, не вызвал восторга у Квинтрелла. Пора, заявил он, расширить репертуар и включить в него автомобильные аварии.

- Не можем же мы, черт побери, делать одно и то же до бесконечности!

Гинзел не согласился с ним, утверждая, что, во-первых, автомобильную аварию нелегко инсценировать, а во-вторых, поскольку в Лондоне Клэр Теннант редко садилась за руль, то ее смерть в автокатастрофе будет выглядеть весьма неубедительно.

- Предположим, - не стал возражать Квинтрелл. - Тогда сделайте ее жертвой наезда.

Но тут вмешался адвокат Фонда, который привел свои доводы против такого рода "обоснования".

- Я должен напомнить членам группы, что суд, рассматривая уголовное преступление, еще ни разу не обращался к закону, согласно которому пациента следует считать мертвым, как только установлено, что произошли необратимые изменения в мозгу, - заявил он. - Поэтому вполне возможно, что прокуратура не позволит нам использовать Теннант в качестве донора, аргументируя это тем, что если совершивший наезд шофер будет привлечен к ответственности, он может заявить, что не он убил Теннант, а хирурги, удалившие у нее сердце.

Квинтрелл согласился с доводами адвоката, но, несмотря на протесты Гинзела, настоял на том, чтобы они с Дюкассом подготовили "обоснование", исходя из версии автомобильной катастрофы.

Первым заговорил Гинзел.

- План мы разработали, - начал он без особого энтузиазма. - Но реализовать его нелегко, и стоит это будет дорого.

Квинтрелл вопросительно взглянул на Дюкасса.

- Процесс нанесения травмы будет более сложным, чем обычно, - объяснил Дюкасс. - Но тем не менее меня это не слишком волнует.

Гинзел начал раздавать отпечатанные на мимеографе странички.

- Что это такое? - рассердился Квинтрелл, перебирая листки, которые ему вручили.

Гинзел объяснил, что это перечень расходов для "обоснования".

- Тогда, может, лучше сначала послушать, за что нам придется платить деньги? - Повестка дня была длинной, а Квинтрелл, выпускник колледжа при Гарвардском университете, поставляющего кадры для деловых кругов, был сегодня особенно заинтересован в том, чтобы совещание шло быстро и результативно. - Перестаньте валять дурака и приступайте к сути, - сказал он, отодвигая перечень расходов в сторону.

Гинзел взял в руки выключатель дистанционного управления, который лежал перед ним на столе, и нажал кнопку. Жалюзи на окнах автоматически закрылись, и через секунду на экране в дальнем конце затемненной комнаты появилась карта местности под названием Корал-Гейблз.

- Операция "Обоснование" будет произведена через семнадцать дней. Сценарий таков: в ночь на девятое сентября, сразу после полуночи, Теннант возвращается в свой мотель в западной части Майами. Она едет на запад по Севилья-авеню. Когда она объезжает фонтан Ди Сото... - он нажал вторую кнопку, и на экране появилось

изображение местности на шоссе Саут-Дикси, ...лопается шина переднего колеса. Теннант теряет управление и врезается в один из столбов возле фонтана.

Карту сменила цветная фотография фонтана. На заднем плане, возвышаясь над окружающими просторную площадь пальмами, виднелась башня, оставшаяся от здания, где когда-то находился отель "Майами-Билтмор".

- Помимо того что фонтан Ди Сото находится всего в двух минутах езды от больницы в Корал-Гейблз, - продолжал Гинзел, - в ночное время возле него обычно никого не бывает.

- Кто же тогда вызовет "скорую помощь"? - спросил Квинтрелл.

- Супружеская пара, которую завербовал Кэйхилл, - ответил Гинзел, кивнув на человека, сидевшего справа от Дюкасса. - Вышедший на пенсию банковский кассир и его жена. Они не подведут. Года два назад переехали в Майами из Питтсбурга. Солидные, уважаемые граждане.

- Где ты их разыскал? - спросил Квинтрелл у Кэйхилла. - А главное, во имя чего солидные, уважаемые граждане согласились пойти на такое?

- Мне их порекомендовал приятель по клубу собаководов в Вест-Флеглер, ответил Кэйхилл. - Весь сезон им не везло, поэтому они сразу ухватились за возможность заработать тысячу долларов.

- А что ты им сказал?

- Только то, что по дороге домой после ужина и кино им придется вызвать "скорую помощь" для женщины, пострадавшей в автокатастрофе...

- Хм-м, - неопределенно протянул Квинтрелл и снова повернулся к Гинзелу. - А как вы думаете разбить машину?

- Мы ее уже разбили, - ответил Гинзел, к удивлению всех, кроме Дюкасса и Кэйхилла. - Только таким путем мы могли узнать, какие травмы следует нанести Теннант. Мы отлили точную копию одного из столбов, что красуются возле фонтана, и наехали на него... - Гинзел передал выключатель дистанционного управления Дюкассу. - Пожалуй, теперь лучше тебе продолжать рассказ...

- Минутку! - вмешался Квинтрелл. - Если машина уже разбита, то на чем же вы предполагаете добраться до фонтана?

- На грузовике. В пути мы доведем Теннант до кондиции и посадим ее в разбитую машину. Но лучше Клод расскажет вам все по порядку.

- Пусть рассказывает, но к тебе я еще вернусь, - предупредил Квинтрелл.

Когда-то Дюкасс делал пластические операции и славился умением восстанавливать обезображенные болезнью лица пациентов. Он принимал участие в сепаратистском движении в Канаде и, опасаясь преследований, в 1977 году эмигрировал в Соединенные Штаты, где во время работы в Хьюстоне познакомился со Снэйтом.

Сначала все у него шло превосходно, но внезапно он очутился на скамье подсудимых по обвинению в халатном отношении к своим обязанностям и профессиональной некомпетентности, в результате чего жизнь больного оказалась под угрозой.

В тот памятный день воинственно настроенный адвокат истца получил подлинное наслаждение, обвиняя Дюкасса в расточительности, безответственности и пристрастии к спиртному - до такой степени, что у него трясутся руки, когда он держит скальпель. Суд заставил его выплатить пострадавшему штраф, а поскольку оказалось, что сумма страховки на случай подобного обвинения никак не покрывает этих расходов, он

очутился кругом в долгах. Более того, Совет по медицине штата лишил его права заниматься медицинской практикой. Считая, что суд был к нему несправедлив, он обиделся и уехал на Западное побережье, где стал зарабатывать на жизнь лечением огнестрельных ранений, скрывааемых от глаз полиции.

Снэйт потратил немало времени, чтобы разыскать его, но усилия того стоили: Дюкасс был не только талантливым хирургом - у него появились знакомства в преступном мире, чего не имели ни Снэйт, ни Квинтрелл: именно Дюкасс привлек к работе Гинзела и Кэйхилла.

Дюкасс полез в карман своей егерской куртки, достал трубку и начал набивать ее табаком из кисета свиной кожи.

- Пол был лишь отчасти прав, когда сказал, что нам пришлось разбить машину, дабы выяснить, какие травмы следует нанести Теннант, - начал он. На самом же деле я уже получил компьютерную модель Теннант на основе фотограмметрического сканирования ее тела, притом с учетом вероятного уменьшения скорости машины в момент аварии. Это необходимо для определения минимальной скорости, с какой Теннант должна была бы ехать, чтобы получить повреждения мозга, которые нам необходимы. А затем надо было выяснить, что произойдет с антропоморфической моделью, когда машина будет действительно разбита.

Дюкасс помолчал, раскуривая трубку.

- Если кого-нибудь интересует... - начал он, и над столом поплыл ароматный запах табака, - ...я привез с собой пленку, на которой запечатлена авария.

- Сколько потребуются времени на ее просмотр? - спросил Квинтрелл, озабоченно поглядывая на часы. - До обеда успеем?

- Авария заняла всего три десятых секунды, но была снята в замедленном темпе, поэтому просмотр займет, пожалуй, чуть больше трех минут.

- Да, полнометражным фильмом это не назовешь, - успокоился Квинтрелл. Ладно, показывай.

Дюкасс нажал кнопку дистанционного управления, и на экране появилось изображение голубого "фольксвагена". На сиденье водителя, пристегнутый ремнями, сидел манекен в женской одежде - иначе говоря, Клэр.

- Если это та машина, которая будет использована во время аварии, то почему с нее сняли вторую переднюю дверцу? - спросил Квинтрелл.

Дюкасс выпустил к потолку колечко дыма.

- Чтобы лучше было видно, что произойдет при столкновении. Сейчас дверцу, соответственно деформированную, уже поставили на место. "Фольксваген", между прочим, движется со скоростью сорока двух миль в час. Незачем напоминать вам, что смерть Теннант по дороге в больницу крайне нежелательна. Поэтому, как я уже объяснил, за минуту до аварии "фольксваген" должен идти на предельно малой скорости, чтобы авария привела только к повреждению мозга.

- А как насчет ограды, что окружает фонтан? - вдруг вспомнил Квинтрелл. - Как машина, движущаяся со скоростью сорок миль в час, сможет ее проломить?

- Наши испытания показали, что поврежденной в основном оказывается машина. А на то, чтобы сломать ограду, уйдет еще несколько минут, - ответил Дюкасс. - Между прочим, - добавил он, прежде чем вновь повернуться к экрану, - "фольксваген" мы выбрали из-за того, что у него мотор сзади. Когда явится полиция, мотор должен быть, естественно, еще теплым, а если мотор расположен впереди, то при лобовом ударе он может оказаться поврежденным настолько, что его не удастся потом запустить.

"Фольксваген" на экране начал медленно насаждать на бетонную ограду. Словно призрак из ночного кошмара, манекен, взмахнув руками, приподнялся с сиденья, и на его голову обрушился каскад осколков разлетевшегося вдребезги лобового стекла. Пока кузов машины превращался в гармошку, колени манекена исчезли под приборной доской, а голова ударилась о стойку.

- Обратите внимание, что ремень не позволяет ей вылететь в переднее окно, но из-за этого она получает удар рулевым колесом в грудь и живот, объяснял Дюкасс, не отрывая глаз от экрана, - поэтому нам следует помнить, что, даже нанося серьезные повреждения, необходимо сохранить в целостности кости, а особенно грудную клетку.

Движение на экране стало замедляться, изрядно потрепанный манекен опустился на сиденье, в кадровом окне возник конечный ракурс.

- Отлично, - сказал Квинтрелл. - А теперь, может, ты расскажешь нам, какие ей будут нанесены травмы?

На экране появилось воспроизведенное с помощью компьютера схематическое изображение фигуры женщины. Дюкасс поднялся и встал рядом с экраном.

- Начнем просмотр сверху вниз, - сказал он, пользуясь черенком трубки как указкой. - От удара о стойку возникла рваная рана на лбу. Верхний край раны будет завернут внутрь, нижний - вывернут, неизбежен перелом костей черепа. При ударе повреждение лобной доли мозга приведет к образованию острой субдуральной гематомы, что в свою очередь вызовет смещение мозга, его отек, и определенные участки мозга с жизненно важными центрами, переместившись в область большого затылочного отверстия, будут сдавлены.

- Понятно, понятно, - раздраженно перебил его Квинтрелл. - Но что все это означает?

- Это означает, что если все пойдет по плану, то к тому времени, когда она окажется на операционном столе и ей удалят внутримозговую гематому и уменьшат мозжечковое выпячивание, мозгу будет нанесено уже столько ишемических повреждений, что днем раньше или днем позже изменения будут признаны необратимыми, а пациентка - умершей.

- Ты в этом уверен? - спросил Квинтрелл.

- В таких делах никогда нельзя быть уверенным на сто процентов, - пожал плечами Дюкасс. - Но если наш план полностью не сработает, мы всегда успеем сделать то, что сделали в случае со Свенссоном: одна из моих сотрудниц, переодевшись медицинской сестрой, проникнет в палату и прекратит подачу внутривенного вливания или сделает еще что-нибудь в этом роде. Дежурные сестры там настолько часто меняются, что войти в больницу и выйти оттуда не составляет труда... Однако продолжим... - Дюкасс снова повернулся к экрану. - Удар о руль вызовет обширную контузию грудной клетки и брюшной полости, хотя, как я уже сказал, нужно постараться избежать перелома ребер... Удар о приборную доску нанесет рваные раны и ссадины на колени, раздробит правую коленную чашечку и сломает правое бедро... И наконец, поскольку ноги могут зацепиться за педали, на тыльной стороне правой стопы и пальцах появятся продольные порезы и царапины.

- Да, картина весьма убедительная, - согласился Квинтрелл. - Только уж, пожалуйста, будьте поаккуратнее с повреждениями брюшной полости. Старик считает, что у него найдется покупательница на фаллопиевы трубы... А теперь объясни, каким образом вы собираетесь нанести все эти травмы.

Дюкасс кивнул Гинзелу, и на экране возникла изометрическая проекция

десятиколесного грузовика. Снаружи он ничем не отличался от обычного рефрижератора для перевозки мяса, но внутри был оборудован как нечто среднее между мастерской для ремонта автомобилей и операционной в отделении челюстно-лицевой хирургии. В одном конце фургона на пандусе стоял "фольксваген", в другом - замысловатое кресло в окружении многочисленных медицинских приборов.

- Теперь вы своими глазами увидите, на что идут деньги, - улыбнулся Дюкасс. - Однако следует помнить, что, если "обоснования" с помощью автомобильных аварий станут обычным явлением, мы сможем перебросить основные средства...

- Понятно, - перебил его Квинтрелл. - Ближе к делу.

- Извините, - сказал Дюкасс. - Покажи травматический агрегат, обратился он к Гинзелу. - Только один этот агрегат...

Мелькнули какие-то кадры, и на экране возник чертеж кресла. Теперь было видно, что оно стоит на рельсах и обращено к панели, на которой смонтированы стойка, приборная доска, рулевая колонка с колесом и ножные педали.

- Теннант будет привязана к креслу, которое с помощью сжатого воздуха устремится по рельсам на панель, - начал объяснять Дюкасс. - Все эти предметы, о которые обычно ударяется водитель машины, то есть приборная доска, рулевое колесо и так далее, сняты с такого же "фольксвагена", как тот, в котором, так сказать, поедет она, и установлены отдельно друг от друга. Таким образом, мы в состоянии точно определить, какую травму следует нанести на ту или другую часть тела.

Квинтрелл потянулся к стоявшему на столе термосу и налил себе в стакан немного воды со льдом.

- Извини, я не совсем понимаю...

- Разреши привести пример: нам известно, что, если у Теннант произойдет перелом ребер, может начаться легочное кровотечение или - еще хуже того может быть задето сердце. Чтобы этого не случилось, рулевая колонка монтируется на гидравлике. - Дюкасс помолчал, снова раскуривая свою трубку. - Единственное, в чем мы пока не уверены, - это как быть с кровотечением. В идеале нам хотелось бы, чтобы кровь у Теннант пошла только тогда, когда она уже окажется на месте происшествия. Для остановки кровотечения при удалении зуба, если человек страдает гемофилией, как известно, применяют гипноз, но мы не знаем, будет ли действовать внушение после травматического шока. Если обнаружится, что нет, как вы смотрите на то, чтобы для ускорения свертывания крови ввести ей тромбопластин?

- Кто хочет высказаться? - спросил Квинтрелл, обводя взглядом присутствующих.

- Вряд ли кому-нибудь придет в голову проверять у нее наличие тромбопластина в крови, - сказала женщина со слуховым аппаратом. - По-моему, самое главное - это уничтожить всякие следы укола.

- Мы пользуемся безыгольным вакуумным шприцем.

- Прекрасно! - обрадовалась женщина. - Клод, у меня есть небольшое предложение: неплохо было бы еще удалить ей ноготь с большого пальца правой ноги - это подтвердит гиперфлексию во время удара.

- Да, об этом стоит подумать, - кивнул Дюкасс. - Я только не совсем уверен, насколько подобная травма соответствует нашей относительно малой скорости. Но я проверю...

Пока Дюкасс заканчивал свое объяснение, Пирс все больше и больше бледнела. А когда речь зашла об удалении ногтя с ноги Клэр, она вскочила и, зажав рукой рот, опрометью бросилась вон из комнаты.

- О господи! - вздохнула женщина со слуховым аппаратом. - С чего это миссис Пирс вдруг сделалась такой чувствительной?

- Стоит ей увидеть ту сумму, что выплатит Манчини, - заметил Квинтрелл, - как от ее чувствительности не останется и следа! - И он принялся изучать перечень расходов.

12

Фицпатрик взбежал по ступеням, ведущим ко входу в большой, но элегантной архитектуры дом с балконами на Харли-стрит, оглядел боевой строй начищенных до блеска медных дощечек с именами владельцев квартир и нажал кнопку рядом с той, где было выгравировано: "Доктор Джерард Х. Пол".

Спустя две минуты ему открыл дверь седовласый мужчина преклонных лет с аккуратно подстриженной бородой. Несмотря на жару, на нем был костюм из плотного твида, шерстяная рубашка с галстуком и шерстяной джемпер.

- А, мистер Фицпатрик! - обрадовался Пол. Он говорил с немецким акцентом. - Пожалуйста, входите.

Фицпатрик начал было извиняться за опоздание, но Пол замахал руками.

- Мистер ди Суза звонил и сказал, что придет только в восемь, объяснил он, ведя Фицпатрика к лифту. - Что-то задержало его на работе, как я понял.

Пол втиснулся вместе с ним в кабину лифта и с грохотом захлопнул железную дверь. И пока грохот эхом ходил по дому, он нажал кнопку, и лифт медленно пополз вверх.

- А теперь скажите мне, есть что-нибудь новое с тех пор, как мы последний раз разговаривали?

Фицпатрик отрицательно покачал головой.

- Проверка номеров, по которым звонили от нас, ничего не дала, а на те объявления, которые я поместил в "Таймс", никто не откликнулся... По правде говоря, у меня появилось отвратительное чувство, будто я попал в одну из таких ситуаций, откуда, что ни делай, выхода нет. Если сегодня нам не удастся что-либо выяснить - конец. А если удастся и я отыщу ее, она будет считать меня негодяем за то, что я пользовался такими недозволенными методами.

- Вы полагаете, они будут представляться ей не вполне, как это говорится... не вполне тип-топ?

- Но должна же она...

- Посмотрим, - сказал Пол, когда лифт, содрогнувшись, остановился. Мои слова, я знаю, могут показаться вам несколько романтическими, но, видите ли, вполне возможно, что к исчезновению ее побудило подсознательное желание проверить глубину вашего чувства к ней... В таком случае, - добавил он, отворяя железную дверь лифта, - имеет значение не метод, с помощью которого вы ее отыщете, а сам факт, что вы ее нашли.

Поднявшись еще на один небольшой пролет, Фицпатрик очутился в комнате, обставленной эдвардианской мебелью - тяжелой, с витиеватой резьбой. Были в комнате и полные фарфора стеклянные горки, и столики в виде слоновьей ноги, и пианино, заставленное выцветшими фотографиями в серебряных рамках. А на пожелтевших стенах висело несколько работ художников-примитивистов, выглядевших удивительно неуместными в этой сугубо мещанской обстановке.

- Всё мои бывшие пациенты, - объяснил Пол. - Вон та, - показал он на висевшую над камином картину, где были изображены пылающие в огне тела, написана молодой

шизофреничкой, которая подожгла кровать своих родителей. Весьма прискорбный случай. Они в это время были в постели...

Глухо донесся шум спускаемой в туалете воды, и в комнату вошел Этуелл.

- А теперь, мистер Фицпатрик, чем прикажете вас угостить? - спросил Пол. - Джин с тоником вас устроит?

- Вполне.

- Мы с мистером Этуеллом очень интересно побеседовали о деятельности группы гипноза в полиции Лос-Анджелеса, - сказал Пол, вручая Фицпатрику его стакан. - Очень интересно. - Он снова наполнил стакан Этуелла, и они втроем сели.

- Знаете что? - сказал Этуелл, обмахиваясь, как веером, журналом "Психопатология и социальная психология". - Я ведь только сейчас сообразил, что целых десять минут лопотал что-то про гипноз, не имея ни малейшего представления, что это такое! Что такое гипноз, черт побери?

- Я тоже хотел бы это знать! - усмехнулся Пол, вынимая из кармана своего джемпера серебряную табакерку. - Я могу только объяснить, что, по-моему, являет собой гипноз и как он, мне кажется, действует, вот, пожалуй, и все. - Постучав по крышке табакерки, он открыл ее и вложил щепотку ароматного желтого порошка сначала в одну ноздрю, потом в другую. "Золотой кардинал", - объяснил он, вытирая нос красным носовым платком. Любимый табак мистера Черчилля. Хотите попробовать?

Желания никто не выразил.

- Прежде всего следует заметить, что хотя слово "гипноз" заимствовано из греческого "hypnos", то есть "сон", почти никакого отношения ко сну явление это не имеет... Гипнотизируя пациента, я стараюсь сфокусировать или, если хотите, отвлечь его внимание, как поступает... - Он помолчал, стараясь припомнить нужное ему английское слово. - Taschendieb? - спросил он, глядя поверх очков на Фицпатрика. - Человек, который ворует из карманов?

- Карманник.

- Ах да! - улыбнулся Пол. - Карманник! - И повторил: - Я стараюсь отвлечь внимание моего пациента, как отвлекает внимание своей жертвы карманник, когда, как бы неожиданно столкнувшись с человеком, вытаскивает у него бумажник... Прежде всего я прошу его выкинуть из головы все посторонние мысли. Затем говорю ему, что он устал, что веки у него тяжелые, ужасно тяжелые и он больше не может держать их открытыми и так далее... Как только мой пациент соглашается с тем, что он устал - а вы не забывайте, что он лежит на удобной кушетке в полутемной комнате, - он готов согласиться и с тем, что веки у него отяжелели. А раз он с этим согласится, еще легче согласиться ему с тем, что он не в силах держать их открытыми, а под конец он уже согласен сделать все, о чем бы я его ни попросил. Потому-то, добавил он, сделав очередной глоток из своего стакана, - с пятьдесят второго года в Англии запрещены публичные сеансы гипноза.

- Значит, пациент может согласиться на любое предложение, которое ему сделает гипнотизер? - озабоченно спросил Этуелл. - Извините меня, сэр, но позвольте не поверить вам. Что, если вы захотите попросить объект сделать нечто такое, что категорически противоречит его моральным и этическим принципам?

- Он это сделает! - не задумываясь, ответил Пол. - Речь идет, вы, конечно, понимаете, лишь о людях, поддающихся гипнозу... А теперь разрешите задать вопрос вам, - продолжал он, глядя поверх очков на Этуелла. - Как можно легко и

безболезненно усыпить кошку?

- Ну-ну! Интересно послушать...

- Убедите ее, что от хлороформадохнут блохи! Улыбаетесь, мой друг, однако позвольте привести вам пример, объясняющий, что я имею в виду. Предположим, я загипнотизировал монахиню - упаси бог, конечно, - и хочу, чтобы она разделась донага перед молодыми людьми. Что я должен сделать? Я скажу ей, что день удивительно теплый, что она одна на пустынном пляже и что если она разделется, то ничем не нарушит приличий, но зато ей сразу станет прохладнее... - Пол положил ногу на ногу. - Знаете, во время войны некоторым агентам, заброшенным в страны оккупированной Европы, излагали их легенду, когда они находились под гипнозом. И хотя гестапо сумело с помощью пыток вытянуть из двух-трех кое-какие сведения - заставить их признаться, кто они такие, так и не удалось. Почему? Да потому, что агенты не знали, что лгут. Они искренне считали, что внушенная им легенда - чистая правда.

- Предположим, - согласился Этуелл. - Но, как вы изволили заметить, речь идет лишь о людях, поддающихся гипнозу. А поддаются наверняка далеко не все. Никто не заставит меня поверить, что я, например...

У Пола был такой вид, будто он готов поспорить с Этуеллом, но он лишь сказал:

- В определении числа поддающихся гипнозу оценки расходятся, но в принципе считается, что загипнотизировать можно семьдесят-восемьдесят процентов взрослого населения. И среди них есть много таких, которых можно ввести в состояние глубокого гипноза, и при этом возникнут симптомы паралича, позитивные и негативные галлюцинации, регрессии, амнезия, отсутствие чувствительности, могут быть проделаны сложные постгипнотические внушения.

Пол понимал, что убедил их.

- Позвольте удивить вас еще кое-чем, - добавил он. - Хотя в процессе лечения гипноз применяется действительно только с согласия больного, фактически человека, легко поддающегося гипнозу, можно ввести в транс за секунду с помощью ряда замаскированных приемов.

Пол начал было описывать один из таких приемов - постепенное расслабление, - но тут раздался звонок.

- А вот и мистер ди Суза, - объявил он, поднимаясь.

Познакомив ди Сузу с Этуеллом, Пол усадил его и предложил выпить.

- Немного нервничаем, а? - бойко произнес он.

- Вы, доктор, может, и нет, но я в шоковом состоянии.

- Ни за что не поверю, - улыбнулся Пол. Он наклонился и взял ди Сузу за руку. - Хм... Пульс и вправду частит. Вы не пешком ли шли сюда?

Ди Суза ответил, что приехал на такси.

- Вот как? - чуть озабоченно спросил Пол. - Тогда посидите, отдохните, вот так, очень хорошо... А когда вы отдохнете, спешить совершенно незачем, мы с вами пройдем ко мне в кабинет, там вы приляжете на кушетку, а я сяду на стул у вашего изголовья, и, когда вы окончательно успокоитесь, я посвечу вот этим, - он вынул из кармана фонарик в виде карандаша и показал его ди Сузе, - в ваши глаза...

- О боже! - воскликнул ди Суза. - Что это?

- Фонарик, - ответил Пол. Он включил его и еще раз показал ди Сузе. Видите?

Но ди Суза не успокаивался.

- А что потом?

- Когда вы почувствуете себя хорошо и расслабитесь, я задам вам несколько вопросов о том, что вы видели в тот вечер, когда исчезла мисс Теннант. Вот и все. Ничего страшного, не правда ли?

- Так-то оно так, только я не уверен, получится ли у меня, - жалобно ответил ди Суза. - Право же, я не...

- Посмотрим, посмотрим, - сказал, поднимаясь, Пол. - Будьте добры на минутку встать.

Он отобрал у ди Сузы из рук стакан и вывел его на середину комнаты.

- Будьте добры, - сказал он, - сдвиньте пятки вместе и закройте глаза... Вот так! Очень хорошо! А теперь попрошу вас представить себе, что вы падаете...

Неслышными шагами он подошел к ди Сузе и встал рядом, чтобы подхватить его, если тот и в самом деле упадет.

- Вперед или назад?

- Вперед, пожалуйста. Глаза не открывайте и представьте себе, что вы падаете...

Прошла почти минута, все оставалось по-прежнему. Тихо и размеренно Пол повторил:

- Закройте глаза и представьте, что вы падаете... Закройте глаза и представьте, что вы падаете... Тихо падаете, медленно падаете, падаете, падаете...

Внезапно у камина раздался грохот. Ди Суза в ужасе вскрикнул.

Пол и Фицпатрик повернулись. Возле камина на полу, растянувшись во весь рост, лежал Этуелл и непонимающе смотрел на них.

Ди Суза отпер дверь в свою квартиру и, вбежав в гостиную, бросился на тахту.

- О боже! - вскрикнул он. - Прости меня, грешного! Чарлз, налей, пожалуйста, мне большой стакан розового джина, а мистеру Фицпатрику еще чего-нибудь.

Сделав над собой усилие, Чарлз поднялся с кресла перед телевизором и подошел к бару.

- Чего вам? - спросил он у Фицпатрика.

- Спасибо, ничего.

Чарлз пожал плечами, словно говоря "как угодно", бросил в стакан несколько кубиков льда, плеснул тоника и до половины наполнил джином.

- Значит, он не оправдал ваших надежд, а? - протянув стакан ди Сузе, спросил Чарлз и не спеша уселся в свое кресло перед телевизором.

- Мистер ди Суза в этом не виноват.

- Нет, виноват! - принялся настаивать ди Суза. - Чего только ни делал доктор Пол - бедняга, мне было очень жаль его! - но так и не сумел меня загипнотизировать. "Невосприимчив", - сказал он про меня. Невосприимчив! Подумать только! - Он немного оживился. - Должен сказать, что и вправду получилось смешно, когда мистер Этуелл растянулся на полу...

На экране пошли титры, и Чарлз выключил телевизор.

- Что же все-таки произошло? - спросил он, теперь уже склонный проявить больше интереса к приключениям ди Сузы.

- Ты бы умер от смеха, милый! С нами был один полицейский, и, когда доктор пытался меня загипнотизировать, этот детина, - не поверишь! - впал в транс. Вот ужас-то!

- А почему доктор не сделал тебе какого-нибудь укола?

- Перестань! Он-то хотел, но ты же знаешь, как я боюсь уколов!

- По правде говоря, - вздохнул Чарлз, - я так и не понял, что, собственно, хотели у

тебя узнать.

- Номер машины, - ответил Фицпатрик, поглядывая на часы. - Господи, неужто так поздно? - Он встал. - Огромное вам спасибо, мистер ди Суза, не смею больше утруждать вас своим присутствием.

- Номер какой машины?

- Я же тебе рассказывал! - рассердился ди Суза. - Той машины, на которой увезли приятельницу мистера Фицпатрика...

- Зеленой "фиесты", что ли? Той, в которой, по-твоему, сидели грабители?

- Вы видели эту машину? - Фицпатрик снова сел.

- Видел, - ответил Чарлз. - В тот вечер мой приятель чуть не довел себя до истерики: кричал, что они украдут его норковую шубу. Жаль, между прочим, что не украли, - фыркнул он.

- Ты первый обратил внимание на эту машину! - возмутился ди Суза. - Ты показал ее мне, как только я переступил порог...

- Только для того, чтобы доказать, что ты не прав: штрафуют и после шести.

- А при чем тут штраф? - не понял Фицпатрик.

- В седьмом часу я вышел в магазин и увидел, как на лобовое стекло этой машины наклеивают штрафной талон за стоянку в неположенном месте. - Чарлз повернулся к ди Сузе. - Между прочим, талон наклеила та старуха, с которой ты скандалил на прошлой неделе.

- А, та!

- Подождите, - сказал Фицпатрик. - А где был водитель машины, когда все это происходило?

- Откуда мне знать? - пожал плечами Чарлз. - Пошел облегчиться или еще что-нибудь в этом роде...

- Понятно. Подождите, я повторю снова. Вы видели, как на лобовое стекло той самой машины, в которой позже уехала Клэр, наклеивали штрафной талон. Так?

Чарлз и ди Суза озадаченно переглянулись.

- Пожалуй, да... - нехотя протянул Чарлз.

- Можно от вас позвонить? - Фицпатрик вскочил со стула.

13

Когда он на следующий день явился к себе в редакцию, в просторном зале, где размещался отдел новостей, было почти пусто. Большинство репортеров еще металось по городу в поисках материала, а корректорам и редакторам, которые вместе с многочисленными заграничными и местными корреспондентами, репортерами и фотографами объединенными усилиями создадут завтрашнюю газету, предстояло приступить к работе лишь после обеда.

Смазливая секретарша, опекавшая его и еще двух специальных корреспондентов, стоя возле телетайпов, пила кока-колу и болтала с секретаршей главного редактора отдела новостей. Увидев Фицпатрика, она стала пробираться к нему сквозь шеренгу письменных столов, стоявших в боевом порядке под плакатом: "Добывать информацию поточней и побыстрей!"

- Привет! - отсалютовала она на манер индейцев из американских вестернов.

Фицпатрик усмехнулся. Утром он получил задание написать статью о том, как в разных странах борются с засухой, и только что вернулся после встречи с человеком, уговаривавшим "Би-би-си" проиграть сделанную им запись барабанного боя, с помощью которого племя моговков вызывает дождь.

- Что нового в нашей конюшне? - спросил он, ослабляя узел галстука.

Секретарша взяла со стола свой блокнот.

- Какие новости сначала: плохие или не очень плохие?

- Опять "удачный" день, а?

Он достал из кармана сигареты и зажигалку и повесил пиджак на спинку стула. Хотя от станции метро Фицпатрик шел медленно и держался теневой стороны Флит-стрит, тем не менее его голубая рубашка на спине была мокрой от пота.

Секретарша кивнула.

- Звонили из гаража, сказали, что вам надо менять коробку скоростей...

- О господи! Я проехал всего двадцать пять тысяч миль!

- Ничего не поделаешь, - рассудила она, передернув плечами. - Велели позвонить и сказать, ставить новую коробку или нет... - Она перевернула страницу. - Посмотрим, что еще хорошего есть для вас... Звонил главный гидрогеолог Института геологии и сказал, что вы неверно процитировали его в своей статье. Просил, чтобы вы позвонили ему, как только...

Фицпатрик тяжело опустился на стул и на секунду закрыл лицо руками.

- Был звонок от Джо по поводу того, пойдете вы сегодня вечером на прием или нет...

- В такую жару? Будь умницей, придумай, как бы отвертеться, и позвони ему.

- Не ему, а ей. И голос у нее очень приятный.

- Тогда скажи: сегодня нет.

Он подтащил к себе пишущую машинку и начал вставлять в нее бумагу. К машинке была прикреплена записка: "Каждая выкуренная сигарета укорачивает твою жизнь на пять минут".

- Между прочим, принес этот малый из Управления водными ресурсами цифры по обессоливанию? - спросил он, закуривая.

- Принес. Я как раз собиралась их перепечатать.

- Что еще?

- Звонил инспектор Этуелл. Спрашивал, не сможете ли вы пообедать с ним сегодня? По-моему, он хочет поговорить о чем-то важном.

- Отлично, - сказал Фицпатрик, печатая на верху страницы свою фамилию и название статьи. - Где и когда?

Секретарша перевернула листок настольного календаря.

- Я обещала ему позвонить. В два часа у вас встреча в "Эль вино" с вашим приятелем из "Санди таймс"...

- Черт побери! Послушай, позвони, извинись за меня, скажи, что возникло непредвиденное обстоятельство и мы сможем повидаться на следующей неделе. Потом выясни у Этуелла, где он хочет встретиться. Если он скажет, в "Чеширском сыре", объясни ему, что в это время там полно американских туристов, и предложи встретиться в "Трэте" на Чэнсери-лейн в любое удобное для него время. Ясно?

- А вы не забыли про конференцию в час дня? Я же вам говорила...

- Бог с ним...

Фицпатрик раскрыл блокнот со стенограммой и принялся печатать.

- Вот так всегда: на международную солидарность времени не хватает! Секретарша отвернулась, чтобы ответить по телефону, замигавшему сигнальной лампочкой на соседнем столе.

- Думаете, все? - спросила она, закончив разговор.

- Извини, лапочка, но мне некогда, - не отрываясь от машинки, сказал Фицпатрик. Потом, словно что-то припомнив, спросил: - А мой финансовый отчет уже подписан?

- После конференции вас желает видеть ответственный секретарь, пропела она. Он поднял глаза.

- Значит, на обед у меня не будет денег?

Секретарша со страдальческим выражением открыла ящик и вытащила оттуда сумочку.

- Сколько вам нужно на этот раз? - спросила она.

Когда Фицпатрик вошел в ресторан, Этуелл уже сидел за столиком на переполненном посетителями втором этаже и, смакуя виски, внимательно изучал меню.

- Реджи, извини, что опоздал, - сказал Фицпатрик, потрепав Этуелла по плечу. - Меня вызвал ответственный секретарь, и я просидел у него дольше, чем можно было ожидать.

- Я знал, что рано или поздно они поймут, какое сокровище имеют в твоём лице...

Фицпатрик засмеялся и сел, а официант, который подвел его к столику, встряхнув, положил ему на колени розовую салфетку.

Заказав "кампари" с сельтерской, Фицпатрик надорвал пакет с хлебными палочками и вытянул одну из них.

- Итак, что нового?

- Говорит ли тебе что-нибудь имя: Марта Пирс? Марта Пирс из Майами-Бич?

- Марта Пирс? - нахмурился Фицпатрик. Отломив кусочек палочки, он бросил его в рот. - Нет, ничего...

- Клэр никогда не упоминала о ней? - удивился Этуелл.

- Нет, ни разу. А кто это такая?

Жестом фокусника, вытаскивающего из шляпы кролика, Этуелл вручил ему листок бумаги, на котором был написан адрес Пирс и номер ее телефона.

- Эта женщина взяла в аренду ту самую машину, в которой уехала Клэр!

- И ты так быстро ее нашел?

Этуелл пожал плечами, словно говоря: быстро, когда знаешь, как это делается.

- Сегодня утром я первым делом отправился в Центральное бюро по взысканию штрафов за нарушение движения и заставил их найти все талоны, выписанные двенадцатого августа между шестью и половиной седьмого вечера. Потом сел на телефон и начал обзванивать все агентства по прокату машин, сверяя регистрационные номера. И только одна машина - слава богу! оказалась "фиестой". Она принадлежит агентству "Херц". У них я и выяснил все остальное.

Фицпатрику принесли "кампари", затем появился официант, чтобы принять заказ.

- Я бы взял, если есть в меню, дыню, сырокопченую ветчину и холодную лососину, - сказал Этуелл, выбирая два самых дорогих блюда.

- Есть. Мне то же самое, - попросил официанта Фицпатрик. - И бутылку "вердиччо". - Он снова повернулся к Этуеллу. - Что еще ты узнал?

- Эта Пирс взяла машину в агентстве "Херц" в Мэйфейре рано утром десятого августа, а вернула ее утром тринадцатого.

- То есть на следующий день после исчезновения Клэр...

- Именно. Послушай, ты случайно не знаешь, есть у нее американская виза?

- Есть, - кивнул Фицпатрик. - Туристская виза. Она получила ее, когда летала в прошлом году в Нью-Йорк.

- Значит, при желании ничто не могло помешать ей отправиться в Майами?
- Ничто. - Фицпатрик попробовал "вердиччо", которое откупорил официант. - Но что ей делать в Майами? Она там никогда не была, никого не знает...

- Эту Пирс она как будто знает...

- Понятно... - Фицпатрик снова посмотрел на листок, который дал ему Этуэлл. - Так как, по-твоему, мне быть? Позвонить ей и спросить, в чем дело, что ли?

- Не знаю. Понятия не имею. На первый взгляд вроде самое разумное позвонить. Но шестое чувство подсказывает мне, что делать этого нельзя. У твоей газеты случайно нет отделения в Майами?

- Только в Нью-Йорке. А что? Почему ты спросил?

- Было бы неплохо попросить кого-нибудь сначала походить вокруг этой Пирс и принюхаться. Посмотреть, что да как, понятно?

Фицпатрик кивнул.

- Из нашего нью-йоркского отделения время от времени в Майами ездят сотрудники за материалом о запуске в космос или очередном съезде, но, насколько мне известно, ничего интересного в ближайшие дни там не предвидится...

- Да-а, - задумался на секунду Этуэлл. - Знаешь, то, что я тебе сейчас предложу, несколько смахивает на детективную ситуацию, но дело в том, что я знаком в Майами с неким Эдуардом Липпенкоттом, отличным частным сыщиком. Что, если позвонить ему и попросить присмотреться к Пирс? Он мне кое-чем обязан, а ты таким образом хоть узнаешь, с кем тебе придется иметь дело...

14

- Какого черта ты приперлась сюда? - рассердился Квинтрелл, входя в библиотеку своего особняка, стоящего на берегу Стар-Айленд. - Сюда тебе приходиться запрещается, ты что, не знаешь?

- Извини меня, Ли, - вскричала, бросаясь ему навстречу, Марта Пирс. Но случилась беда! Жуткая! Я пыталась поймать тебя в театре, но мне сказали, что ты уже...

- Ближе к делу!

- Ли... - У Пирс задрожала нижняя губа. - Ли, ко мне только что приходил частный сыщик. Он... - Она принялась рыться в сумке в поисках носового платка. - Ли... он ищет Клэр Теннант! - выкрикнула она и залилась слезами.

Квинтрелл побледнел.

- Господи! - вырвалось у него, и взгляд его метнулся к окну. На лужайке, залитой светом ярко раскрашенных китайских фонариков, с десятков поваров и облаченных в ливреи слуг завершали сервировку изысканно убранного стола. - Ко мне вот-вот должны прибыть губернатор с женой и вся труппа лондонского балета!

- Ради бога, Ли! - рыдала в носовой платок Пирс.

Квинтрелл метнулся к бару и налил добрую порцию коньяку.

- Ну-ка, выпей! - сунул он ей в руку рюмку. - И расскажи подробно, что произошло.

Высморкавшись, Пирс глотнула коньяку. А потом отрывистыми фразами, всхлипывая и задыхаясь, поведала ему о визите Эдуарда Липпенкотта и снова зарыдала.

- О боже! - Квинтрелл прижал кончики пальцев к вискам, словно его вдруг поразила страшная головная боль. - Я и понятия не имел, что вы путешествовали под своими именами! Старик разнесет нас в пух и прах!

Пирс оторвалась от носового платка.

- Но мы всегда путешествуем под своими именами, - запротестовала она. Ты же это знаешь. Господи, Ли... - Она громко чихнула. - Если бы в тот раз в Париже, когда нас задержала полиция, мы предъявили фальшивые паспорта...

- Знаю, знаю! Все понял. - Головная боль, по-видимому, совсем доконала Квинтрелла. - Но что я скажу Старику? Он ведь с ума спятит, когда услышит про это!

- Неужели здесь только и думают, что о всемогущем Снэйте и о том, как он будет реагировать? - вскричала Пирс, и ее красные от слез глаза засверкали гневом. - Умоляю тебя, Ли, придумай, как отменить сегодняшнее "обоснование"!

У Квинтрелла отвисла челюсть.

- Ты хочешь сказать... ты хочешь сказать, что до сих пор не отменила?

- Конечно, не отменила! - возмутилась Пирс. - Ты отлично знаешь, что у меня нет права его отменять!

Квинтрелл уперся тупым взглядом в стоявшие на каминной доске часы.

- Уже почти половина двенадцатого! - словно не веря собственным глазам, сказал он. - Гинзел давно в пути.

- Свяжись с Кэйхиллом. Он сейчас у фонтана.

Снаружи донесся шум подъезжающих машин, шуршание шин на покрытой гравием аллее. Часы на камине пробили полчаса, и струнный оркестр заиграл "Лунный свет и розы".

- О боже, они уже приехали!

- Ли, ты должен позвонить Кэйхиллу!

- Что толку? Дюкасс покончит с Теннант до того, как они подъедут к фонтану.

- Пусть Кэйхилл свяжется с Гинзелом по радио и скажет ему, что "обоснование" отменяется.

Квинтрелл вынул из внутреннего кармана белого смокинга записную книжку и подошел к телефону.

- Это провал! - сказал он, набирая номер станции связи с телефонами, установленными в автомобилях. - Полный провал! Теперь не меньше месяца уйдет на то, чтобы сделать Теннант фальшивые документы. Не так-то просто отыскать среди недавно погибших женщину ее возраста и сложения... - Он остановился, чтобы назвать телефонистке номер телефона в машине Кэйхилла. - Найти ей место работы, сделать карту социального страхования... - Он опять остановился, на этот раз закрыв ухо рукой. - Алло? Кэйхилл? Это Квинтрелл. Слушай, у нас беда: мама заболела! Понял? Передай остальным. Да, жду.

Закрыв рукой микрофон, он повернулся к Пирс.

- Теперь надо подумать, как поумнее доложить Старику. Мне ему позвонить или... - Он снял руку с микрофона. - Что-о? - заорал он в телефон, и стекла его очков сразу запотели. - Но там все будет кончено, пока ты до них доберешься. Ладно, действуй! Действуй, черт побери!

И с силой швырнул трубку на рычаг.

- Когда не везет, так не везет во всем, - сказал он Пирс. - У Гинзела вышло из строя радио.

15

Фицпатрик проснулся внезапно: ему почудилось, что его зовет Клэр.

Несколько секунд он сидел неподвижно, ждал, когда она окликнет его еще раз. Но хотя в темной, удушливо жаркой спальне еще, казалось, эхом отзывался ее крик,

единственным звуком, который он слышал, было тиканье будильника.

Весь мокрый от пота, чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди, он снова упал на подушки.

До сих пор ему не приходило в голову, что ей может угрожать реальная опасность. Правда, после того как он нашел письмо из Института профилактической медицины, его встревожила мысль, что она может быть больна, но страх, который сейчас возник в нем, был гораздо сильнее.

Хотя они с Клэр никогда не относились всерьез к такому явлению, как телепатия, в их жизни бывали случаи, когда им казалось, будто они могут обмениваться мыслями на расстоянии. Фицпатрик вспомнил, как в начале года, например, Клэр вдруг охватило предчувствие чего-то дурного, и она поздно вечером позвонила ему в Амстердам. Он и вправду заболел, но полагал, что у него всего лишь простуда, ничего серьезного. По ее настоянию на следующее утро он пошел к врачу, тот определил, что у него вирусная пневмония, и тут же отправил его в больницу.

Фицпатрик не был суеверным, но никак не мог избавиться от ледящего душу чувства, что крик, который он слышал или который ему почудился, был тоже своего рода предвестием.

Но что он мог сделать? Звонить, как это сделала тогда Клэр, было некому.

Он взглянул на часы. 4.30. Девятое сентября, 4.30 утра. А может, все-таки позвонить кому-нибудь? В Майами сейчас половина двенадцатого поздно, но пожалуй, можно все-таки позвонить Липпенкотту.

Именно так он и поступит, решил Фицпатрик. Он выслал авиапочтой фотографию Клэр, и сейчас, вполне вероятно, у Липпенкотта есть какие-нибудь новости. А если нет, то пора напомнить ему о его обязанностях...

Фицпатрик включил лампу рядом с кроватью и открыл записную книжку на букве "л". Затем, закурив сигарету, набрал номер домашнего телефона Липпенкотта.

Через несколько секунд ему ответила женщина, судя по голосу молодая, его имя было ей знакомо.

- Нет, совсем не поздно, - уверила его она. - По правде говоря, Эд только что явился домой. Вот он...

Последовало короткое молчание, затем раздался голос Липпенкотта:

- Мистер Фицпатрик? Рад вас слышать! - Голос был приветливый и дружелюбный, с американским акцентом. - Чересчур поздно? Нет, конечно. Мы обслуживаем клиентов двадцать четыре часа в сутки и второй чашкой кофе угощаем бесплатно. Как Реджи?

- Ничего. Передает вам привет.

- Давно я его не видел. Последний раз мы встретились год назад, когда я приезжал в Брайтон на съезд Всемирной ассоциации детективов. Отличный он малый... А знаете, просто удивительно, что вы позвонили мне именно сейчас, продолжал Липпенкотт. - Сказать вам, у кого я только что был? У Марты Пирс! Ну как?

- В самом деле?

- Не очень-то радуйтесь, - предупредил Липпенкотт. - Я не слишком уверен, что мой визит к ней нам очень поможет, как бы не было наоборот. Скажите, вы хорошо знаете Майами?

- Я ни разу там не был.

- Так вот, эта дамочка, Марта Пирс, живет в роскошной квартире, в фешенебельном районе, таком, как ваш Мэйфейр... Ей далеко за сорок, и выглядит она

соответственно возрасту. Работает в приемной у одного здешнего врача, довольно известного и, между прочим, англичанина... Должен сказать, что, прежде чем явиться к ней с визитом, я послал одного из своих людей узнать, не видал ли кто-нибудь, чтобы женщина, похожая по описанию на мисс Теннант, входила или выходила из дома, где живет эта Пирс. Нет, никто не видел. Я также проверил, не числится ли за Пирс каких-либо грехов. Тоже нет... Поэтому я решил, что ничего не потеряю, если пойду и выложу ей все напрямую... Я думал, она на меня накинется, оказалось - ничего подобного. Она не отрицает, что в августе была в Лондоне и что арендовала там "фиесту" в агентстве "Херц". Но упорно отказывается от того, что знает мисс Теннант, не говоря уже о том, что была у нее.

- Но это же чепуха! - отозвался Фицпатрик. - Если она не приходила к Клэр, то каким же образом нам удалось ее вычислить?

- Она утверждает, что ездила в Челси за покупками, а потом ужинала с друзьями в ресторане на Кингс-роуд.

- Тогда почему ее машина очутилась на Тайт-стрит? Не знаю, помните ли вы Лондон, но от Тайт-стрит до Кингс-роуд добрых десять минут ходьбы.

- Верно. Перед тем как пойти к Пирс, я посмотрел карту Лондона. И когда высказал ей это соображение, она ответила, что плохо знает тот район и что ближе, чем на Тайт-стрит, не нашлось места припарковать машину. Резонно?

- Пожалуй, - согласился Фицпатрик. - Но чем она объясняет то, что видели, как она уезжала вместе с Клэр, а какой-то мужчина выносил чемоданы Клэр?

- Опять же она излагает довольно правдоподобную историю. Говорит, что отвозила домой супружескую пару, с которой была в ресторане, и что ваш свидетель видел именно их, когда они садились в машину...

- А что же по поводу мужчины с чемоданами? Интересно, кто это едет на ужин с чемоданами?

- Пирс утверждает, что это были не чемоданы, а картонные коробки с ручками.

- Что?

- Картонные коробки с ручками. Может, вы сами сумеете проверить ее объяснение? По ее словам, она купила кое-какие вещи в магазине фирмы "Ягер" на Кингс-роуд. "Ягер" - так вроде это произносится?

- Да...

- Так вот, в "Ягере" покупки, судя по всему, положили в две серые картонные коробки с пластиковыми ручками. И хотя коробки были не особенно тяжелыми, мужчина, который с ней был, настоял, по словам Пирс, на том, чтобы донести их от ресторана до машины.

- Эти коробки все еще у нее?

- Нет. Но она показала мне пальто и брючный костюм с этикетками от "Ягера".

- Насколько мне помнится, - неуверенно сказал Фицпатрик, - "Ягер" действительно пользуется такими коробками. Месяц назад я купил у них костюм, и его упаковали в серую коробку с пластиковой ручкой...

- Итак, я понял, ваш свидетель находился в квартире на третьем этаже и в соседнем подъезде, верно?

- Да.

- И все события, очевидцем которых он был, происходили после наступления темноты?

- К тому времени, когда они уехали, наверняка было совсем темно.

- Скажите, мистер Фицпатрик, насколько надежен этот ваш свидетель? Мне начинает казаться, что он не очень-то разобрался в том, что видел, и сделал неверные выводы. Это возможно?

- Боюсь, что очень даже возможно!

16

На самом же деле радио у Гинзела было в полном порядке. Минут за десять до того, как его начал вызывать Кэйхилл, напарник Гинзела, рослый негр с сонными глазами, по имени Энджелло, обменялся приветствием с водителем встречного грузовика, который предупредил, что на развилке возле Брикелл-авеню стоят полицейские и штрафуют всех подряд.

Тогда-то Гинзел впервые заметил, что мотор их машины как-то странно стучит.

- Как ты думаешь, что это такое? - спросил он у Энджелло.

Энджелло выключил радио, чтобы лучше прислушаться.

- Может, трансмиссия полетела?

Опасаясь серьезной поломки, Гинзел остановился и вместе с Энджелло несколько минут безуспешно пытался отыскать причину странного стука.

Так ничего и не добившись, оба залезли в кабину и снова тронулись в путь, начисто позабыв о том, что выключили радио.

Дюкасс раскладывал хирургические инструменты на подносе со специальной прокладкой, которая держала их как магнит, когда из динамика, висевшего на передней стенке прицепа, раздался голос Энджелло:

- У нас забарахлил мотор, ребята. Какая-то неполадка. Хорошо бы на всякий случай проверить, как действуют ваши электроаппараты. Ясно?

Дюкасс взглянул на часы и громко выругался. До назначенного часа осталось всего пятнадцать минут - некогда разбираться с неполадками.

Осторожно, чтобы не потерять равновесия - прицеп мотало из стороны в сторону, - он протиснулся мимо подстилки, на которой лежала Клэр, и подошел к пульту управления.

- Придется проверить все сверху донизу и по порядку, - сказал он двум своим помощникам в резиновых фартуках.

Дюкасс щелкнул выключателями в первом ряду, и фальшивая перегородка в задней части прицепа разошлась на две половины, которые начали поворачиваться вокруг своей оси, обнаруживая ряды завернутых в холст туш. Как только две секции фальшивой перегородки стали параллельно друг другу, они поехали в разные стороны, пока не замерли в пазах вдоль стенок прицепа.

Дюкасс щелкнул очередным выключателем, и пандус, на котором стоял разбитый "фольксваген", мягко поплыл между рядов туш и замер у самых дверей.

- С этим как будто все в порядке, - сказал Дюкасс. - Теперь проверим травматическое оборудование.

Он повернулся к пульту и дернул на себя какой-то рычаг. На этот раз по рельсам, проложенным от передней перегородки прицепа к задней, двинулось специально оборудованное зубоветеринарное кресло. Оно остановилось в шести дюймах от "фольксвагена". На противоположном конце рельсовой дорожки, на уровне кресла, была смонтирована секция "фольксвагена", состоящая из верхней стойки, к которой крепится лобовое стекло, части приборной доски, рулевой колонки с рулевым колесом и ножных педалей. Из стойки и приборной доски угрожающе торчали осколки стекла.

Как только кресло очутилось возле "фольксвагена", по обе стороны прицепа

замигали красные огни.

- Всем ясно? - спросил Дюкасс, поднимая руку к очередному выключателю. - А теперь...

Ударил струя сжатого воздуха, и кресло, точно ракета, устремилось вперед по рельсам, пока не остановилось, задрожав, в семи с четвертью дюймах от рулевого колеса.

- Прекрасно. - Дюкасс снова посмотрел на часы. - Мы уже, наверное, почти доехали, поэтому, пока давление воздуха поднимается, давайте-ка посадим Теннант в кресло и пристегнем ремни.

В черно-желтой патрульной машине, что шла на восток по шоссе Саут-Дикси, полицейский, сидевший рядом с водителем, вдруг повернулся к своему напарнику.

- Послушай, сержант, - оглядываясь назад, сказал он, - не этот ли фургон с мясом кто-то пытался вызвать по радио несколько минут назад?

Сержант посмотрел в боковое зеркало.

- Если это он, то что-то уж очень быстро гонит.

- Давай остановим, а?

Сержант ответил не сразу. Пока дежурство шло без происшествий, но они подъезжали как раз к тому месту, где разрешен поворот патрульным машинам и каретам "скорой помощи".

- Давай.

Включив "мигалку", сержант перебрался в левый ряд, тормознул, завизжав шинами по асфальту, развернулся и помчался в обратном направлении.

Обогнав несколько машин, он пристроился позади огромного десятиколесного рефрижератора и начал определять его скорость.

- Так я и думал, - проворчал он. - Вот сукин сын, прет как одержимый! Ну-ка, давай выясним, в чем дело...

Второй полицейский, взяв мегафон, поднес его ко рту.

- Полиция! - размеренно и четко произнес он. - Посмотрите в зеркало, уменьшите скорость, подайте в сторону и остановитесь!

Тотчас загорелись красные тормозные огни рефрижератора. Замигал сигнал поворота, фургон стал прижиматься к обочине, быстро гася скорость.

Обе машины остановились. Полицейские, отстегнув привязные ремни, надели свои соломенные шляпы и вылезли на испещренное пятнами нефти шоссе.

Гинзел уже опустил стекло в окне, когда сержант не спеша подошел к кабине.

- Что случилось, сержант? - спросил он.

- Заглуши мотор и предъяви права.

Гинзел вытер вспотевшие ладони о белый комбинезон, вынул из кармана документ и вручил его сержанту.

- Все в порядке, - сказал сержант, проверив права. - А теперь, может, объяснишь мне, почему ты превысил скорость на целых десять миль, а?

Гинзел ткнул кулаком в рулевое колесо.

- Так я и знал! - повернулся он к Энджелу. - Показатель скорости снова врет!

Сержант покачал головой, словно досадуя на то, что Гинзел не сумел придумать отговорки поумнее.

- А что с вашим радио? Тоже в неисправности, а?

Гинзел бросил на него озадаченный взгляд, нагнулся и покрутил ручку приемника. Внезапно в кабину ворвался шум голосов. "У тебя что, зуб на меня?" -

мучительно громко допытывался кто-то. "Еще какой!" - послышался ответ. "Что представляет собой ваш десять-двадцать тире один-восемь?"

Гинзел выключил звук и, бросив недобрый взгляд на Энджелю, снова повернулся к сержанту. Рядом уже стоял патрульный, он с фонариком в руках обошел фургон, осмотрев кузов и шины.

- Все в порядке? - спросил его сержант.

Патрульный кивнул.

- Проверить сцепление?

Сержант начал что-то говорить, но слова его утонули в грохоте проходившей мимо бензиновой цистерны. Он повернулся к Гинзелу и, как только шум стих, сказал.

- На этот раз я не стану тебя штрафовать. Но только потому, что мы слышали, как ваш диспетчер велел вам вернуться на склад.

- На склад? Почему? Что случилось?

- Твоя мать заболела.

На лице Гинзела - весьма кстати - появилось испуганное выражение.

- О господи! - взъерошив рукой волосы, простонал он.

- Где ваш склад?

- Возле Ориндж-Боул...

- Ладно, разрешаю тебе развернуться там, где разворачивается "скорая помощь". -

Сержант показал на разрыв в осевой линии в четверти мили от них. - Понятно? Поезжай туда и жди меня. Не очень-то расстраивайся, приятель, - добавил он, в то время как его напарник уже зашагал к патрульной машине. - И помни, заботься о безопасности на шоссе, ты заботишься о собственной жизни.

Сержант отошел от кабины и, как только на шоссе появился просвет, дал фургону знак трогаться.

Когда фургон двинулся с места, трое сидевших в прицепе спрятали свои кольты сорок пятого калибра в кобуру.

Мигали красные предупредительные огни, и кресло, действие которого они проверили минут десять назад, снова стояло наготове. Только теперь в нем сидела Клэр Теннант.

- Отстегните ремни, - приказал своим помощникам Дюкасс. - На сегодня бал отменяется.

17

Фицпатрик пообещал ди Сузе, что позвонит, как только узнает что-нибудь новое. Поэтому, приняв душ и приготовив себе чашку кофе, он позвонил и пересказал все, что сообщил ему Липпенкотт четыре часа назад.

Ди Суза обиделся.

- Но я уверен, что это была мисс Теннант! - настаивал он. - На ней был брючный костюм, какие сейчас в моде, а на голове - завязанная сзади пестрая косынка... Что же касается утверждения этой Пирс, будто они несли картонные коробки - придумает же! - то это полная чепуха. Это были чемоданы. И не серые, а коричневые. Одинаковые коричневые чемоданы с ремнями... Может, что другое у меня и начинает сдавать, - добавил он, - но на зрение я пока не жалуюсь!

Фицпатрик пришел в редакцию как раз перед совещанием по тематике, которое начиналось в 10.30. Поскольку до разгара осенней рекламной шумихи еще оставалось несколько недель, завтрашняя газета не должна быть толстой, страницы ее в основном займут статьи, посвященные проблемам садоводства, темам, интересующим женщин,

и телевизионным программам на уик-энд.

Как часто бывало по пятницам, Фицпатрик и на этот раз ушел с совещания, ничего не предложив и не получив никакого задания. У его секретарши был выходной, утренние газеты он успел просмотреть еще дома, поэтому, захватив из столовой стаканчик кофе, который почти невозможно было пить, он принялся отыскивать, что бы почитать.

На соседних столах он нашел "Спортс иллюстрейтед", "Ньюсуик" и "Тайм". Усевшись на свое место, он положил ноги на металлическую, всю в царапинах, крышку стола и начал листать "Тайм".

Но мысли его были далеко. Уверенность ди Сузы, утверждавшего, будто он видел, как уезжала именно Клэр, а не кто-нибудь другой, и еще более обезоруживающее обстоятельство - то, что он совершенно точно описал ее чемоданы, - разожгли в Фицпатрике прежние страхи.

А не взять ли неиспользованную часть отпуска и не махнуть ли в Майами, чтобы самому все разнюхать?

Отложив в сторону "Тайм", он принялся подсчитывать, во что примерно ему обойдется такая поездка, и довольно быстро пришел к выводу, что о 8800-мильном путешествии туда и обратно за собственный счет - при том, что фунт стерлингов по отношению к доллару по-прежнему очень обесценен, - не может быть и речи.

Он скомкал листок бумаги, на котором производил подсчеты, кинул его в корзинку и снова взялся за "Тайм".

Журнал раскрылся на странице, где на снимке из самолета выходит Фрэнк Манчини, воздев над головой руки, словно боксер, приветствующий своих болельщиков. Рядом была помещена фотография брата президента: он был в клетчатой рубашке, в одной руке банка с пивом, в другой - плакат с надписью: "Защищайте свое право носить оружие". Ниже шел заголовок: "Борьба за контроль над оружием", а под ним: "С такими друзьями и враги не нужны".

Фицпатрик начал читать статью: "В разгар полемики по поводу законопроекта о контроле над продажей огнестрельного оружия (см. "Тайм" от 11 авг.) у президента вдруг появились неожиданный противник и еще более неожиданный союзник. Против принятия законопроекта выступает родной брат президента, а за - человек, способный играть по-крупному, издатель порнографических журналов Фрэнк Манчини ("Настоящий законопроект - первое разумное предложение за все семь лет правления")".

Фицпатрик потерял интерес к статье. Но только он собрался было перевернуть страницу, как его взгляд упал на абзац в конце первой колонки: "Находясь в фешенебельной клинике в Майами-Бич, где ему предстоит операция по пересадке сердца, Манчини объясняет свое в корне изменившееся отношение к проблеме контроля над оружием тем, что..."

"Минутку! - подумал Фицпатрик, закрывая журнал, чтобы взглянуть на обложку и убедиться, не попался ли ему старый номер. - Если Манчини в Майами, может, я сумею уговорить начальство послать меня туда?"

Как корреспондент, специализирующийся на научно-популярных статьях, Фицпатрик любил считать, что он сам себе хозяин. В действительности же у него было два босса: редактор отдела новостей и редактор отдела статей и очерков. От мысли попытаться уговорить редактора отдела новостей командировать его в Майами он отказался сразу, поскольку сообщение о предполагающейся пересадке сердца

Манчини могло занять не более одного абзаца, да и то в колонке, где публиковались сообщения из Америки. По той же причине это событие не представляло интереса и для отдела статей и очерков: в Англии Манчини мало кому был известен. Однако на этом материале можно сочинить историю о страданиях, выпадающих и на долю людей богатых, излюбленная тема (по крайней мере этого убеждения твердо держались на Флит-стрит) газет с массовым тиражом. А зацепившись за нее, попробовать нанизать еще сотни две слов о том, как делают пересадки в Англии.

Отчетливо сознавая, что стоящая перед ним задача не из легких, Фицпатрик тем не менее решил попытать счастья и направил свои стопы в кабинет редактора отдела статей и очерков.

- Ты слышал, что Фрэнку Манчини собираются сделать пересадку сердца? спросил Фицпатрик, стараясь говорить так, будто это было величайшее после распятия Христа событие.

Но редактора отдела статей и очерков, худого, бледного молодого человека с манчестерским выговором, было не так-то легко провести.

- Впервые слышу, что у него вообще есть сердце, - отозвался он, поднимая глаза от гранок, правкой которых был занят. - Ну и что в связи с этим?

Фицпатрик положил перед ним журнал.

- Вот, - указал он на сообщение про Манчини. - Из этого можно выжать интересное интервью по поводу трансплантации.

Редактор прочитал несколько строк.

- Но тут говорится, что он в клинике в Майами! - воскликнул он. - Если ты думаешь, что я пошлю тебя в Майами, то очень ошибаешься!

Повернувшись вместе с креслом, он снял со стоявшей на столе наколки вырезку из газеты и сунул ее Фицпатрику.

- Если тебе нечего делать, посмотри-ка...

- Я занимался этим еще месяц назад. Напечатали всего раз. - Фицпатрик вернул ему вырезку. - Послушай, - не отставал он, - а вдруг мне удастся разузнать, кто донор? Поговорить с его женой, детьми, родителями... А еще лучше, если донором окажется женщина. Что скажешь? Король женоненавистников с женским сердцем!

Редактор столкнул очки на лоб и потер покрасневшие глаза.

- Идея неплохая, - согласился он, - но все равно - нет. Помимо того что вряд ли донор - женщина, нам предстоит сокращение расходов на пятнадцать процентов. И донора тебе ни за что не назовут. Это не положено.

- Знаем же мы ту, что отдала свое сердце Луи Вашкански. Ее звали Дениз Дарваль...

- Только потому, что это была первая пересадка сердца, - возразил редактор. - С тех пор многое изменилось.

Фицпатрик решил, что надо попробовать другой подход.

- Знаешь, можно сделать неплохую статью о контроле над оружием.

Редактор сделал такое движение, будто спускает воду в туалете.

- Эту тему заездили окончательно.

- Минутку! Никто не писал о различных марках оружия, которые...

- Тоже не для нас! Во всяком случае, пока законопроект не выкинут на помойку.

Фицпатрик пошел ва-банк.

- Ладно, скажу тебе правду. Мне нужно слетать в Майами дня на два по личным делам.

- Я бы тоже не прочь! Знаешь, приятель, моя жена говорит, что, если я осмелюсь только намекнуть, что на будущий год повезу ее и детей опять в Богнор, она меня бросит.

- Я еду в Майами не отдыхать...

- Ты вообще туда не едешь, и точка. По крайней мере не за счет моего отдела.

Фицпатрик повернулся и пошел к двери. Но редактор уже начал оттаивать.

- Тебе очень нужно в Майами? - крикнул он вдогонку.

- Очень. Вопрос жизни и смерти.

- Чего же ты сразу не сказал, глупый ты человек? А потом, почему ты уверен, что сумеешь пробраться к Манчини? Он сам публикует интервью, а не дает их.

- Я уже звонил в его контору в Нью-Йорке, - солгал Фицпатрик. - Можно считать, что договорился.

Редактор на секунду задумался.

- А ты согласен, пока будешь там, сочинить статью про Майами-Бич для нашего рождественского приложения? Мы готовим путеводитель для туристов.

- За поездку в Майами я готов сочинить тебе статью хоть про тамошние клозеты!

18

- Через десять минут наш самолет совершит посадку в международном аэропорту города Майами, - возвестила стюардесса. - Прошу не курить и пристегнуть привязные ремни.

Фицпатрик собрал книжки и брошюры, купленные перед отлетом из Лондона, и стал запихивать их в портфель. Потом сложил откидной столик, на котором работал, перевел часы на пять часов назад - по местному времени было без двух минут девять вечера, - пристегнул ремни и принялся просматривать свои записи.

Стремясь выиграть побольше времени для поисков Клэр, он заранее набросал статью для рождественского приложения. Статья, решил он, будет написана в чуть циничном тоне - не настолько, правда, чтобы руководитель отдела рекламы помчался сломя голову к редактору отдела статей и очерков и начал кричать, что, если оскорбительные выпады не будут изъяты, им не миновать убытков, но так, чтобы читатель понял: автор статьи - журналист, а не сочинитель рекламы. Он начал объяснения, что Майами и Майами-Бич - это два разных города: Майами - промышленный и торговый центр Флориды, а Майами-Бич - центр отдыха и развлечений, и расположен он на длинном, узком острове, соединенном с материком несколькими перемычками с дорогами, идущими по гребню.

Дальше шли два абзаца, посвященных истории. Когда-то сонная рыбацкая деревушка с населением менее трехсот человек, Майами с появлением в 1896 году железной дороги "Флорида Исткоуст рейлуэй" превратился в город. Горстка кишачих крокодилами и москитами островов в заливе Бискейн сначала вообще никого не интересовала, и только в 1910 году миллионер из Индианы Карл Фишер привез туда рабочих, механизмы и слонов и начал долгую, трудную борьбу за превращение песчаных дюн, мангровых топей и пальмовых зарослей в пляжи и сады с тропической растительностью.

Потом Фицпатрик перешел к описанию теперешнего Майами-Бич, города-курорта, где нет ни промышленных предприятий, ни аэродрома, ни железной дороги, ни автобусных линий, ни даже кладбища и где даже в зимний сезон на каждого местного жителя приходится тридцать туристов. На этом острове нет почти ничего, кроме магазинов, жилых домов и отелей. Отели эти стоят так близко друг к

другу, что с главной проезжей улицы острова, Коллинз-авеню, почти не видно океана. Он назвал отели, обставленные с невероятной роскошью, "ледяными дворцами", ибо благодаря кондиционерам температура воздуха в них никогда не поднимается выше шестидесяти восьми градусов*, чтобы дамы, помимо брильянтов, могли носить еще и норку.

* +68° по Фаренгейту соответствует примерно +18° по Цельсию.

Если останется время, решил Фицпатрик, он сходит в океанариум, а обо всем прочем: о музеях, зоологических садах, парках, полях для игры в гольф и ипподромах - напишет, пользуясь сведениями из рекламных проспектов, которые, конечно же, можно найти в Бюро по туризму и в Торговой палате.

Обрадованный тем, что ему удалось одолеть половину этого нудного задания, он отложил черновик в сторону и стал смотреть в иллюминатор. Из-под плоскости правого крыла показалось нечто похожее на кольцо из драгоценных камней, небрежно брошенное на черный бархат - острова Ки-Бискейн, Вирджиния-Ки, Фишер-Айленд и Майами-Бич.

А соединяли эти острова с плоским материком, усыпанным еще более ослепительными драгоценными камнями, несколько длинных узких лент из медленно движущихся красных и белых огней - это непрерывным потоком по дорогам имени Риккенбеккера, Макартура и Джулии Таттл шли машины, понял он.

Острова скрылись под крылом самолета, и вскоре перед взглядом Фицпатрика появилось переплетение ярко освещенных улиц и проспектов столицы штата Флорида - Майами.

Его вдруг охватило уныние. Даже если Клэр где-то внизу - а из того, что он прочел, он не понял, чем мог привлечь ее Майами, - как разыскать ее? По сравнению с той задачей, которую он поставил перед собой, найти иголку в стоге сена - детская забава.

Он принялся заполнять таможенную декларацию, а когда закончил и надел туфли, самолет уже зашел на последний круг и замигал огнями, предупреждая о подходе к посадочной полосе.

Они быстро снижались, и, как только колеса коснулись земли, Фицпатрик снова прильнул к иллюминатору в надежде разглядеть знаменитых норных сов, которые живут в заповеднике между взлетно-посадочными полосами. В своей статье он уже упомянул, что во Флориде их полным-полно, однако ни одной совы он не увидел.

Пройдя пограничный и таможенный контроль, Фицпатрик взял чемодан и пишущую машинку и направился к выходу.

Он вовсе не считал, что Липпенкотт обязательно должен быть похож на Хамфри Богарта в фильме "Мальтийский сокол", но человек с книгой Гиббона* "История упадка и гибели Римской империи" (по которой, предупредил Липпенкотт, Фицпатрик сможет его узнать) никак не соответствовал тому, каким он его себе представлял. Липпенкотт оказался мужчиной больше шести футов ростом, с широким открытым лицом, густыми каштановыми волосами и аккуратно подстриженной бородкой. На нем были затемненные авиаторские очки, джинсы и куртка нараспашку - черная, кожаная, с косыми карманами. На груди поверх футболки висел огромный серебряный медальон.

* Гиббон, Эдуард (1737 - 1794) - английский историк.

Фицпатрик вначале решил, что кто-то другой с той же целью использовал Гиббона, но тем не менее рискнул подойти.

- Эд? Эд Липпенкотт?

- Майк? Привет! Добро пожаловать в Майами!

Покончив со знакомством, Липпенкотт поднял чемодан Фицпатрика, и они стали пробираться к выходу.

- Сколько времени вы предполагаете пробыть в Майами?

- Самое большее неделю. Уговорил редактора поручить мне статью про Фрэнка Манчини.

- Да, я слышал, что он здесь. А о чем конкретно?

- Ему будут делать пересадку сердца, - ответил Фицпатрик, и как раз в это время усиленный динамиками голос объявил о прибытии очередного рейса.

- Пересадку чего? - не расслышал Липпенкотт.

- Пересадку сердца. Надеюсь, что сердца, а не то меня ждут крупные неприятности. Хотя в его конторе официально не подтвердили, что ему предстоит пересадка сердца, отрицать тоже не стали, а это уже кое-что значит.

Автоматические двери раздвинулись, и они очутились на улице. На западе еще пылало алое пламя субтропического заката, и воздух был теплый и густой, как кровь.

- Меня самого чуть инфаркт не хватил, когда я услышал, что он выступает за закон о контроле над оружием, - сказал Липпенкотт, пока они пробирались сквозь медленно движущийся поток машин, такси и аэропортовых автобусов. Я не шучу, он в самом деле призывает голосовать за проект. Этому посвящены целые страницы во всех его газетах, теле- и радиопередачи. Он даже советует пикетировать сенаторов и конгрессменов! - Он помолчал, гася сигарету. - Все это весьма похвально, только хорошо бы спросить его: коли он стал так беспокоиться о росте преступности в стране, почему он не принимает никаких мер, чтобы уменьшить количество насилий, которые показывают нам его телевизионные станции каждый вечер? Известно ли вам, что большинство детей в нашей стране, прежде чем стать взрослыми, успевают увидеть по телевизору что-то около тридцати пяти тысяч убийств? Тридцать пять тысяч! А мы еще удивляемся, когда слышим, что число зверских преступлений растет не по дням, а по часам!

- Он, наверное, скажет, что его стараниями их стало меньше, - ответил Фицпатрик. - Но это хороший вопрос, я внесу его в свой список.

Липпенкотт привел его на просторную, залитую ярким светом стоянку для машин.

- Между прочим, в какой он больнице?

- В какой-то клинике Снэйта.

- Черт побери! Да ведь как раз там работает Марта Пирс! Разве я вам не говорил?

- Вроде нет... Скажите, Эд, вы случайно не знаете, тот ли это Снэйт, в связи с которым было столько шума года два назад? Он предлагал заранее готовить органы для трансплантации.

- Он самый.

Фицпатрика это сообщение взволновало.

- А что? Вы его знаете?

- Я знаю о нем. Он считался превосходным хирургом. Работать с ним было трудно, но впечатление он производил. По правде говоря, как раз накануне скандала ходили слухи, что его выдвинут на Нобелевскую премию.

- Так почему же он кончил тем, что руководит клиникой для стариков здесь, в Майами?

Фицпатрик пожал плечами.

- Наверное, скрывается...

- Скрывается и заколачивает деньги!

Липпенкотт подошел к многоцветному фургону-"крайслеру" с хромированными дисками на колесах, отпер заднюю дверь и поставил на пол чемодан и машинку. Внутри, заметил Фицпатрик, была черная стеганая обивка, посреди салона стоял столик красного дерева с двумя скамейками, покрытыми искусственным мехом, а рядом с полным бутылок баром находилось что-то похожее на электродуховку.

И уж никак с этой обстановкой не вязались наклейки и надписи, которыми был облеплен задний бампер машины. Одна из наклеек гласила: "Если тебе не по душе полиция, в следующий раз, когда будешь в беде, сразу зови священника".

- Итак, когда же вы намерены повидаться с Пирс? - спросил Липпенкотт, запирая заднюю дверь.

- Еще не знаю. Я пытался звонить ей из Лондона, но ее никогда не бывает дома. Может, завтра утром.

- Если ди Суза говорит правду и действительно видел, как Клэр села в машину Пирс, тогда, должен признаться, я ничего не понимаю. Зачем доказывать свое алиби, словно ей предъявляют обвинение в убийстве, когда куда проще сказать: "Да, я ее знаю, она здесь, все в порядке, я передам ей, что вы звонили, до свидания!"

Липпенкотт обошел машину и открыл переднюю дверцу Фицпатрику.

- Во всяком случае, спешить не следует, - продолжал он, убирая с сиденья журнал "Рэмпартс". - Может, с первого взгляда это незаметно, но Майами - город, где довольно много преступного элемента.

- В Майами? - Фицпатрик сел в машину.

- Представьте себе! - Липпенкотт уселся рядом, включил фары и зажигание и нажал клавишу стереомагнитофона. Фицпатрик собрался с духом, ожидая, что на него сейчас обрушится лавина рок-музыки. Но вместо этого в машине зазвучал серебристый каскад струнных инструментов из первой части Хаффнеровской симфонии Моцарта. - В Майами на зиму раньше съезжалась вся мафия, - продолжал Липпенкотт. - Один раз они тут все собрались: Джейк и Мейр Лански, Джо Адонис, Винсент Эло, Фил Тросточка, Ковалик... Даже Аль Капоне отдал богу душу на одном из островов в заливе Бискейн... Кифтаувер многое сделал, чтобы очистить город от преступного элемента, но, когда в конце пятидесятых годов Кастро выгнал с Кубы Батисту, тамошние гангстеры, прикрыв свои заведения, перебрались сюда... Сегодня Майами можно назвать кокаиновой столицей мира. В нашем городе торговля наркотиками приносит ежегодно доход в восемь миллиардов долларов...

Липпенкотт включил скорость и начал выезжать со стоянки.

- Поэтому, друг мой, действуйте осторожно, - посоветовал он. - И если завязнете в ситуации, которая вам будет не по зубам, звоните мне. Может она и мне окажется не по зубам, но по крайней мере нас будет двое.

На следующее утро из-за разницы во времени Фицпатрик проснулся на рассвете. Он остановился в одном из недорогих отелей на южной оконечности Майами-Бич, поэтому, выпив кофе из автомата, он отправился прогуляться по парку вдоль океана, совсем пустому, если не считать какой-то пары, бежавшей трусцой вдоль кромки прибоа.

Когда он вернулся в отель, было уже без четверти восемь. В Лондоне без четверти час. Настроившись преодолеть нежелание духа и тела подчиняться разнице во времени, Фицпатрик позвонил и попросил принести ему завтрак: апельсиновый сок, яичницу с беконом и кофе.

Покончив с завтраком, он выставил в коридор столик, на котором привезли еду, и повесил на дверную ручку картонку с надписью: "Просьба не беспокоить". Потом достал из чемодана портативный магнитофон и поставил его рядом с телефоном. Набрав номер автомата, который постоянно читает молитвы, он проверил, идет ли запись, а затем попросил телефонистку соединить его с номером Марты Пирс.

Ответила ему, судя по голосу и акценту, пожилая негритянка.

- Будьте добры позвать миссис Пирс.

- Не знаю, дома ли она, - буркнула женщина. - А кто ее спрашивает?

- Майкл Фицпатрик.

На другом конце трубку не положили, а скорее бросили, и он слышал, как женщина удалялась, громко топя и что-то бурча себе под нос.

Прошло, показалось ему, несколько минут, прежде чем она вернулась.

- Миссис Пирс нет дома.

- Может, вы скажете мне номер телефона, где я мог бы ее найти?

- Извините, мистер, я прихожу сюда только убирать.

Фицпатрик сказал намеренно оживленным тоном:

- Нет так нет. А можно в таком случае поговорить с мисс Теннант?

- С кем?

- С Клэр Теннант. Насколько мне известно, она гостит у миссис Пирс.

- Здесь никакой Теннант нет.

- Вы не ошибаетесь? Мисс Теннант, англичанка, высокая и...

- Не ошибаюсь. Послушайте, откуда вы звоните-то?

Фицпатрик назвал свой отель и дал номер телефона.

- Пожалуйста, попросите миссис Пирс, когда она вернется, позвонить мне.

Женщина пробормотала что-то в ответ, но он ничего не понял, а когда начал благодарить ее, она, не дослушав, повесила трубку.

- Вот чертовка! - громко выругался он. Потом попросил телефонистку соединить его с клиникой Снэйта. Но и там Пирс не было, и она не должна была появиться.

Он закурил и стал думать, что делать дальше. Смысла караулить ее возле дома вроде нет: он понятия ведь не имеет, как она выглядит, да и Клэр - он теперь не сомневался - у нее не живет. Он посмотрел на часы: без четверти девять. В девять ровно, решил Фицпатрик, он позвонит в контору Манчини, уточнит, когда и где состоится интервью, а затем проведет часа два в океанариуме. Пирс вряд ли позвонит в первой половине дня, а если он через полчаса тронется в путь, то к полудню вернется обратно.

Но уйти ему удалось только в половине одиннадцатого.

Когда Манчини сообщил по телексу в Лондон о своей согласии на интервью, ни о каких условиях речи не было. Однако, позвонив к нему в контору, Фицпатрик узнал, что не только должен представить заранее список вопросов, но и получить от Манчини "добро" на свою статью до ее публикации.

После долгих споров пришли к компромиссу: контора не будет настаивать на представлении заранее списка вопросов при условии, что Фицпатрик обещает не интересоваться предыдущими браками Манчини. Если же он позволит им просмотреть

окончательный вариант статьи, чтобы, как они выразились, "выправить фактические ошибки, а не точку зрения автора", они не будут настаивать на согласовании текста с Манчини.

Но затем, когда торг был завершён, ему преподнесли новый сюрприз: Манчини не в Майами, а в клинике на Багамских островах. Однако не успел Фицпатрик возмутиться, как было сказано, что для него заказан вертолёт, который через четыре дня доставит его на остров и обратно.

Фицпатрик собрал свои бумаги, завязал галстук, надел пиджак и в лифте спустился в вестибюль.

Дождаясь, пока портье возьмет у него ключ от номера, Фицпатрик достал карту города и начал ее изучать. Он убедился, что вороне, если ей захочется побывать в океанариуме, лететь всего пять миль, а вот ему придется, сделав разворот в северной части Майами, проехать целых пятнадцать миль.

Когда портье освободился, Фицпатрик спросил у него, правильны ли его расчеты.

- Боюсь, что да, мистер Фицпатрик, - ответил портье. - Между нами и Вирджиния-Ки нет мостов. Вам вот что придется сделать...

19

В океанариуме Фицпатрик очутился только в четверть двенадцатого. На поездку ушло тридцать пять минут. Сначала по дороге Макартура он перебрался на материк, потом машина пошла на юг по Бискейн-бульвару, мимо тропического парка вдоль залива, затем по Брикелл-авеню (где ее задержали на десять минут демонстранты, требующие более строгого соблюдения законов), а оттуда - опять через залив, только на этот раз по дороге Риккенбеккера.

Купив входной билет и путеводитель, Фицпатрик по длинной, обсаженной деревьями аллее с цветочной полосой посередине спустился к зданию океанариума. Над входом чуть шевелились от легкого ветерка флаги, но в парке было удушливо жарко и влажно.

Ускорив шаг, он прошел мимо двух каменных дельфинов и очутился в сумрачном, охлаждаемом кондиционерами вестибюле.

Поостыв возле просмотровых окон помещения, которое в путеводителе именовалось "главным океанариумом" и представляло собой наполненный водой бассейн шириной в восемьдесят футов и глубиной в шестнадцать футов, где жили бутылконосые дельфины, морские черепахи, мурены и гигантский морской окунь, он перешел к меньшему по размерам бассейну, в котором обитали сверкающие яркой чешуей рифовые рыбы.

Выбравшись вновь на улицу, он прошагал под монорельсовой дорогой, минут десять наблюдал за игрой двух огромных черно-белых дельфинов-касаток, а потом направился на другую сторону парка, где среди деревьев проглядывал золотой геодезический купол.

По дороге он заглянул в кафетерий, выпил виски и снова тронулся в путь, но не успел уйти далеко, как услышал, что его зовут. Он обернулся и увидел, что к нему бегут два рослых человека.

Тот, что был повыше и постарше, улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

- Мистер Фицпатрик! - обрадовался он. - Наконец-то мы вас нашли. - И, сняв серую соломенную шляпу, тыльной стороной огромной ручищи вытер со лба пот. - Ну и жара! - Он обмахивался шляпой. - Меня зовут Моралес, а этот джентльмен, - он кивнул в сторону своего лысеющего спутника, с пухлой, как у младенца,

физиономией, украшенной бакенбардами и тонкой полоской черных усиков, - мистер Санчес. - Моралес помолчал, чтобы смахнуть каплю пота с кончика похожего на луковицу, чуть тронутого рябинками носа. - Мы из иммиграционной службы. - У него был акцент уроженца Кубы.

- Мистер Фицпатрик, у вас случайно нет при себе паспорта? - спросил Санчес. Голос у него был более низкий, чем у Моралеса, и говорил он с менее заметным акцентом.

- Паспорта? - Фицпатрик снял темные очки и поочередно оглядел обоих мужчин. - Нет, я оставил его у себя в номере. А в чем дело?

- Не хотелось бы огорчать вас, - печально покачал головой Моралес, - но к вам в номер забрались грабители.

- Не может быть! - удивился Фицпатрик. - Не прошло и часа, как я уехал... А кроме того, - добавил он с вдруг вспыхнувшим подозрением, откуда вы узнали, где меня искать?

- Нам сказал портье, - объяснил Санчес. - Грабители, кажется, почти ничего не взяли, поэтому мы и решили, что их, по-видимому, интересовал ваш паспорт. В Майами за паспорт платят большие деньги.

- О господи! - вздохнул Фицпатрик. - Только этого мне не хватало...

Моралес пожал плечами, словно говоря: "И такое случается".

- В следующий раз лучше храните свой паспорт в сейфе отеля, понятно?

Фицпатрик кивнул.

- Машинку мою украли? - спросил он. - И магнитофон, наверное, тоже?

- Магнитофон? - В небольших, близко посаженных глазках Моралеса вспыхнула тревога. - Никакого магнитофона я не видел. - Он повернулся к Санчесу. - Ты видел магнитофон?

Санчес решительно замотал головой.

- Нет, магнитофона там не было. - Он посмотрел на часы. - По правде говоря, нам хотелось бы, чтобы вы поехали с нами в отель составить список пропавших вещей. Не возражаете?

Моралес надел шляпу, готовясь тронуться в путь.

- Мы вас долго не задержим, - объяснил он. - И потом доставим обратно в океанариум.

- Хорошо, - согласился Фицпатрик. Но, когда они втроем пошли к выходу, он вдруг остановился. - Я хотел бы взглянуть на ваши карточки.

Кубинцы обменялись недоуменным взглядом.

- Ваши удостоверения личности...

- А-а! - Моралес улыбнулся, снова блеснув золотыми зубами. - Конечно, конечно! - заспешил он. - Мы покажем их вам в машине.

Фицпатрику вдруг припомнились разговоры о невиданном росте преступности в Америке.

- Если не возражаете, я хотел бы посмотреть их сейчас.

Моралес стер с лица улыбку.

- Когда сядем в машину, - повторил он, беря Фицпатрика под руку. Пошли...

- Прошу извинить меня, но, пока я не увижу ваших удостоверений, я никуда не пойду.

Санчес пробормотал что-то по-испански, и Моралес, нырнув в карман, вынул черный, крокодиловой кожи бумажник. Фицпатрик успел заметить, что под пиджаком

через плечо у него висит кобура с автоматическим револьвером.

- Удовлетворены? - Он взмахнул перед носом Фицпатрика какой-то карточкой, которая, как тот догадался, была всего лишь водительскими правами.

Фицпатрик уже сообразил, что, даже если в его номер действительно залезли воры, вряд ли его будут разыскивать, и уж никак не чиновники иммиграционной службы. Кто же тогда эти люди и зачем он им понадобился? Если бы подобная ситуация возникла на экране кинотеатра, он бы четко знал, как следует поступить. Надо поехать с ними, выяснить, в чем дело, и затем наброситься на них с кулаками. А может, прямо сейчас наброситься на них? Если бы они не были вдвоем, он непременно пустил бы в ход кулаки. Но вступать в драку с двумя дюжими молодчиками, которые к тому же при оружии, чистое безумие.

Он оглянулся в надежде, что поблизости окажется один из охранников океанариума. Их можно отличить по тропическому шлему на голове. Раньше они попадались на каждом шагу, теперь же кругом были только посетители. Оставалось одно: бежать, и бежать быстро.

Пока Моралес засовывал свой бумажник обратно в карман, Фицпатрик круто развернулся и изо всех сил помчался вниз по аллее.

- Tu madre!* - раздалось у него за спиной.

* Грубое ругательство по-испански.

Впереди был мост, по которому шли люди. Вероятно, там запасной выход из океанариума, решил он. Но, подбежав, понял, что это всего лишь один из переходов на небольшой, заросший деревьями островок, окруженный рвом с водой. Судя по раздававшимся за спиной звукам, кубинцы приближались, а потому ему ничего не оставалось, как перебежать через мост.

Очутившись на острове, он повернул налево. И увидел, что кубинцы разделились. Пока Моралес расталкивал локтями образовавшуюся на мосту толпу, Санчес кинулся к следующему, параллельному первому, мосту.

Задыхаясь от быстрого бега, Фицпатрик круто остановился, не зная, что делать дальше.

И вдруг он заметил, что в нескольких шагах от него на двух оранжевого цвета фермах через ров перекинута широкая доска с поручнями, на которых висели два спасательных пояса, - по-видимому, платформа, откуда служители кидают в ров корм.

Пробравшись сквозь толпу, стоящую у поручней, он пригляделся повнимательней. Если сделать попытку перебраться через ров по платформе, то первые десять шагов придется пройти по узкой-преузкой ферме. Удовольствие сомнительное, и тем не менее, поскольку кубинцы приближаются с двух сторон, другого выбора нет, решил он.

Смахнув со лба пот, он перелез через поручни и ступил на ближайшую ферму. Раскинув руки, как это делают канатоходцы, медленно и осторожно переставляя ноги, он двинулся к платформе.

Ему начали аплодировать, решив, что это входит в программу развлечений в океанариуме.

Аплодисменты стали громче, когда на соседнюю ферму ступил Моралес и пошел вслед за Фицпатриком.

Фицпатрик догадался, что происходит, но не позволил себе обернуться. Он продолжал двигаться вперед по узкой перекладине.

Оставалось еще четыре медленных, осторожных шага, и он у цели. Схватившись за поручни, он подтянулся и влез на платформу.

Моралес повернул голову и крикнул что-то Санчесу. Движение это было совсем незначительным, но из-за него он потерял равновесие. Он падал медленно, сделал сальто и ударился о воду животом, окатив зрителей фонтанчиком брызг.

Поскольку Моралес очутился в воде, Фицпатрик теперь не боялся встретиться с Санчесом лицом к лицу. Но где он? Последний раз Фицпатрик видел Санчеса, когда тот устремился назад, туда, где он должен сойти на берег, спустившись с платформы.

Зажав в кулаке на манер кастета свою данхилловскую зажигалку и три монеты, Фицпатрик пустился его разыскивать.

Тем временем Моралес вынырнул из воды. Смахнув с лица длинные черные волосы, он попытался скрыть свое замешательство и весело помахал зрителям.

Хотя они знали то, чего не знал он: во рву обитали акулы-людоеды, никто не проявил беспокойства. Если бы он закричал, позвал на помощь или проявил хотя бы малейшие признаки испуга, реакция зрителей была бы иной. Но Моралес улыбался, и они бездействовали, ибо не раз видели, как ныряльщики кормят из рук мантовых скатов, мурен и гигантского морского окуня с головой бульдога, а дрессировщики гарцуют верхом на дельфине-касатке.

Шагая по колени в воде, Моралес поднял голову и огляделся. Вылезти из рва шириной в двадцать пять футов не очень-то просто, сообразил он. Ступенек нигде не видно, а над водой высотой по меньшей мере фута в четыре сплошь идет стена из бетона.

И тут он заметил, что под мостом, по которому он шел раньше, проходит труба, соединяющая остров с парком. К ней, решил он, ему и следует добраться. Он взберется на трубу, а с нее - на мост.

Когда Моралес двинулся к трубе, маленький мальчик в толпе зрителей дернул отца за куртку.

- Папа, а почему этот дядя в воде?

Зная, что покоя не будет, пока он не даст ответа на вопрос, отец сказал первое, что пришло в голову:

- Наверное, рекламирует какое-то средство, отгоняющее акул...

Догадку его быстро подхватили. Матери стали поднимать детей, чтобы им было лучше видно, а все, кто захватил с собой фотоаппараты и кинокамеры, приготовились запечатлеть то, что обещало быть кульминацией их посещения океанариума.

Первой присутствие Моралеса учуяла тигровая акула четырнадцати футов длиной, что резвилась на противоположной стороне рва. Она не спеша повернулась, и по ее широкой темной спине забегали блики от солнечных лучей. Еле заметно шевеля серпообразным хвостом, она устремилась туда, откуда исходили сигналы, которые она ощущала сенсорными клетками, пучками расположенными вдоль ее тела с обоих боков.

Заметив появление акулы, чей темный спинной плавник разрезал воду без единого всплеска, толпа зашевелилась и взволнованно зашептала.

Моралес обернулся, чтобы посмотреть, что так привлекло внимание зрителей, и чуть не потерял сознание от страха.

Шагая по воде, он с ужасом увидел менее чем в трех футах справа огромную черную тень - она скользнула и, круто развернувшись, прошла рядом с другой стороны.

Во время падения Моралес поцарапал щиколотку о стальную ферму. Царапина была крохотной, и вытекшая из нее капля крови тотчас растворилась в воде.

Моралес даже не подозревал, что оцарапал ногу, но тигровая акула уже давно об этом знала. Как и все ее собратья, она безошибочно чуяла мельчайшую долю крови в воде.

Акула снова развернулась и на этот раз прошла так близко, что Моралес еле удержался на ногах. Восхищенная толпа разразилась громким: "Ole!"*

* Традиционный возглас, которым зрители подбадривают тореадора во время корриды.

Пожилая дама в белых шортах до колен повернулась к стоявшему рядом с ней и перегнувшемуся через поручни мужчине.

- Как вы думаете, с ним ничего не случится? - спросила она. - Может, позвать служителя?

Мужчина лизнул мороженое.

- Успокойтесь, мэм, - ответил он, по-техасски растягивая слова. - Если бы что было не так, служителя давно бы уже вызвали.

Жена техасца, повиснув на поручнях, из-за его спины успокаивающе улыбнулась пожилой даме.

- Вчера в "Тропическом раю" нам показали схватку человека с крокодилом, - сказала она. - Раз там ничего не случилось, значит, и здесь не случится.

Тигровая акула снова скользнула мимо Моралеса и, чуть коснувшись его шершавым, точно наждак, плавником, разрежала ему ладонь правой руки. А затем, погрузив спинной плавник под воду и оставляя за собой шлейф бурлящей пены, она устремилась прямо к его ногам. Потом вдруг перевернулась и, расправив грудные плавники, замерла. На глаза у нее напозла защитная перепонка, огромные челюсти раскрылись и, лязгнув, схватили левое бедро Моралеса стальным капканом.

Пока тигровая акула тащила истощенного человека на середину рва, с обеих сторон появились другие акулы.

Онемевшие от ужаса зрители только сейчас начали приходить в себя. Одни пытались прикрыть рукой глаза детям, другие начали швырять в акул чем попало: в воду полетели спасательные пояса, банки из-под кока-колы, даже фотоаппараты и туфли.

Все было без толку. Через несколько секунд вода превратилась в кровавую пену, а обезумевшие акулы дрались за то, что осталось от Моралеса.

20

- Сегодня в океанариуме города Майами, штат Флорида, произошел случай, который будет занесен в красную папку: нападение акул на человека с летальным исходом, - объявил телеобозреватель, покончив с сообщением о вспыхнувшей в Чикаго войне между гангстерами. - Жертвой оказался Анхел Моралес, который упал в ров, где живут акулы-людоеды.

Липпенкотт подождал секунду и, убедившись, что следующее сообщение он уже слышал в шестичасовой передаче новостей, выключил телевизор.

- Так, - повернулся он к Фишпатрику. - И что же произошло после того, как исчез Санчес?

- Ничего особенного. Я решил вернуться и сцапать Моралеса, когда он вылезет из воды, и тут узнал, что случилось. - Он пожал плечами. - Наверное, нужно было тут же

заявить в полицию, но я подумал, что лучше, пожалуй, провести расследование собственными силами, чем просидеть полночи в полицейском участке, где мне будут задавать вопросы, на которые я не смогу ответить...

Приятельница Липпенкотта Линда Хьюит, потушив в пепельнице сигарету, поднялась с места. Стройная, узкокостная, с привлекательным мальчишеским лицом в веснушках и коротко остриженными рыжими волосами, она была медсестрой в психиатрическом отделении больницы имени Джексона.

- Пойду переоденусь и придумаю, где лучше постелить Майку, - сказала она, разглаживая полы своего белого больничного халатика. - А потом приготовлю ужин. Нет возражений?

Фицпатрик принялся было извиняться за то, что причинил им беспокойство, но они и слышать ничего не хотели.

- Пока Санчес на свободе, - заметил Липпенкотт, - вам безопасней оставаться здесь, чем в отеле.

Линда была с ним полностью согласна.

- Только извините, что у нас такой беспорядок, - сказала она, оглядывая комнату так, будто видела ее впервые. Кроме телевизора, кушетки и двух качалок, в комнате были два стеклянных ящика с моделями судов, стилизованный под старину телефонный аппарат из меди и множество разбросанных где попало гравюр с изображением яхт. - Эд, наверное, говорил вам, что мы лишь недавно сюда перебрались, а так как оба работаем с утра до ночи, все не удается навести в доме порядок.

В дверь позвонили.

- Наверное, Дик Бьюкэнен, - заметил Липпенкотт.

Линда направилась было к двери, но он остановил ее.

- Лучше я, - сказал он, вставая и вынимая из висящей на спинке стула кобуры "смит-вессон". - На всякий случай, - пояснил он.

Через минуту Липпенкотт вернулся в сопровождении своего толстого, добродушного помощника, который, хотя они всего час назад виделись, снова с жаром потряс Фицпатрику руку.

- Вещи ваши я принес, - сказал он. - Звонили из вашей газеты, просили им позвонить. А в половине третьего звонила Пирс... И еще одно, - добавил он, вынимая из нагрудного кармана клетчатого пиджака бланк телеграммы. - Ее принесли, как раз когда я там был...

Липпенкотт протянул Бьюкэнэну банку пива.

- Майк, а вы?

Фицпатрик поднял глаза.

- Что?

- Еще пива?

- Нет, спасибо. - Он перечитал телеграмму. - С ума сойти!

- В чем дело? - спросил Бьюкэнен.

- Это из редакции. Послушайте: "Требуется текст нападения акулы океанариуме для утреннего выпуска тчк фото есть тчк".

- И что же вы будете делать? - засмеялся Липпенкотт.

Фицпатрик скомкал телеграмму и бросил ее в корзинку.

- Меня ведь не было, когда ее принесли. И кроме того, если они уже получили фотографии, значит, получают и текст...

- Тогда зачем же они обращаются к вам?

- Наверное, надеются, что их собственный корреспондент отыщет такие подробности, каких не будет в других газетах... Господи, если бы они только знали!

- Вы и вправду не хотите им звонить? А то - пожалуйста. - Липпенкотт кивнул на аппарат, стоящий на штабеле из телефонных справочников в углу комнаты.

Фицпатрик покачал головой.

- Пока я не решу, как себя вести, не будем ничего усложнять.

- Ладно, - согласился Липпенкотт. - В таком случае почему бы нам не посидеть на воздухе и не обсудить, как действовать?

Он раздвинул стеклянную дверь и вывел их на настил из красного дерева. Вокруг кумкаута, который пророс прямо в пробитое в полу отверстие, стояла еще упакованная в пластик садовая мебель. Отсюда был виден залив, и за широкой полосой свежего дерна, окаймленного можжевельником, - деревянный причал. У причала стояла на якоре быстроходная прогулочная яхта, которую Липпенкотт, как сказала Линда не без некоторой обиды, бережет "как зеницу ока". Яхта, названная по имени героя детективов Реймонда Чэндлера "Марлоу", была длинной, белоснежной, с чисто прибранным баком, окруженным высокими поручнями, с покатою рулевой рубкой с панорамным обзором и солярием на корме.

Бьюкэнен открыл банку с пивом и сделал большой глоток.

- Нашли Санчеса? - как только уселись, спросил он.

- Нет еще, - ответил Липпенкотт, охотясь на комара, который начал жужжать возле него.

Бьюкэнен ослабил узел галстука.

- А как насчет Майка? Его тоже ищут?

- Ищут. Но под описание Майка, какое им удалось собрать, подходят еще десять тысяч человек.

- Я разговаривал с портье. Правда, толку от этого было мало, но он вспомнил, что утром кто-то интересовался Майком. Клянется, что не сказал, куда Майк пошел.

- Врет, - заметил Липпенкотт. - Если не он, так кто же им сказал?

- Может, они были в вестибюле, когда я расспрашивал, как добраться до океанариума? - предположил Фицпатрик.

Но Липпенкотт с ним не согласился.

- Если бы они там были, им не пришлось бы вас так долго разыскивать.

- Допустим. Но если их не было в вестибюле, каким образом они меня узнали?

- Да-а... - Липпенкотт в раздумье поглаживал бородку. - Майк, кто, кроме нас, знает о вашем пребывании в Майами?

- Человек шесть у нас в редакции, мои родители, Реджи Этуелл - вот, пожалуй, и все...

- И вероятно, у вас нет оснований считать, что кто-либо из них способен нанять двух кубинцев, чтобы отыскать вас?

- Вряд ли... - заставил себя улыбнуться Фицпатрик.

Липпенкотт вынул сигару и принялся снимать с нее целлофановую обертку.

- По-моему, произошло вот что, - начал он. - Пирс, узнав, что вы звонили, послала к вам в отель Моралеса и Санчеса. Они пришли вскоре после вашего ухода и сказали портье, что хотят вас видеть. Портье ответил, что вас нет, и объяснил, куда вы поехали. Может, ему сунули несколько долларов, а может, и нет. Это не имеет значения... Зато имеет значение... - он бросил целлофановую обертку в пустой

цветочный горшок и потянулся за зажигалкой, тот факт, что им не пришлось искать вас в океанариуме с помощью объявления по радио. Они подошли прямо к вам... Следовательно, у них была ваша фотография. Кто мог ее им дать? Только Пирс. - Он помолчал, раскуривая сигару. - Тогда возникает действительно интересный вопрос: откуда у Пирс ваша фотография?

- Взяла у Клэр? - сразу сообразил Фицпатрик.

- Именно! - кивнул Липпенкотт. - Дик! - Обратился он к Бьюкэнену. - У тебя, по-моему, есть приятель в отделе медицинской экспертизы?

- Да. Джесси Заккермен.

- Как ты думаешь, можно узнать у этого Заккермена, нет ли среди вещей Моралеса фотографий?

- Среди вещей Моралеса? - недоуменно переспросил Бьюкэнен. - Каких вещей? Его же, черт побери, сожрали акулы!

- Я не забыл, - с ноткой раздражения в голосе отозвался Липпенкотт. Но ты же понимаешь, что им вряд ли предоставили возможность спокойно переварить беднягу, а?

- Пожалуй. - Бьюкэнен встал. - Позвонить ему?

- Подожди. Если фотография существует и она была у Моралеса, а не у Санчеса, спроси, можно ли взглянуть на нее?

- Почему нет? - пожал плечами Бьюкэнен.

- А они не станут тебя расспрашивать?

- С этим я как-нибудь справлюсь.

- Если у вас нет возражений, - повернулся к Фицпатрику Липпенкотт, - я предлагаю сделать следующее: если ваша фотография у Моралеса, мы идем в полицию, если же нет... тогда я не знаю, как поступить. Попробуем завтра повидаться с Пирс...

Минут через пять Бьюкэнен вернулся на террасу, весело потирая руки.

- Повезло! У Моралеса были с собой две фотографии, и, по словам Джесси, похоже, что на них - Майк. На одной - он с девушкой, а на другой - держит собаку.

- У вас есть собака? - спросил Липпенкотт.

- Была, - кивнул Фицпатрик. - Немецкая овчарка?

- Он просто сказал: "Держит собаку". Нет... "Большую собаку", - уточнил Бьюкэнен.

- Чего же ты ждешь? - воскликнул Липпенкотт. - Поднимайся и поезжай в экспертизу.

Клятвенно заверив друг друга, что на днях они непременно вместе пообедают, Заккермен с Бьюкэненом миновали лабиринт коридоров и подошли к лаборатории в дальнем углу здания, где располагалась медицинская экспертиза округа Дэйд.

- Патологоанатома, - сказал Заккермен перед тем, как отворить дверь, зовут Росс Митчелл. - Он одобрительно кивнул. - Неплохой малый...

В ярко освещенной комнате стоял рентгеновский аппарат, несколько стеклянных шкафчиков с инструментами, раковины и три огромных, с эмалированными крышками стола, над каждым из которых висели автоматические весы, микрофон, ручной душ и прибор для отсасывания. Ближайший к двери стол окружало человек шесть мужчин в зеленых операционных костюмах, резиновых фартуках и резиновых сапогах.

Старший из них взглянул вверх очков, приклеенных к переносице лейкопластырем.

- Привет, ребята! - крикнул он. - Заходите.

Заккермен представил Бьюкэнена присутствующим и, пожелав ему весело провести время, отправился домой.

Стараясь не дышать глубоко, Бьюкэнэн осторожно подошел к столу.

- Разделали его под орех! - заметил Митчелл и, сморщив нос, кивнул на то, что лежало на столе. - Джесси сказал, что вы интересуетесь этим малым...

Только Бьюкэнэн открыл рот, чтобы ответить, как один из мужчин повернулся и положил что-то на весы, предоставив ему возможность увидеть погибшего кубинца во всей красе.

- О господи! - не удержался Бьюкэнэн.

- Фунтов тридцать общего веса нашего приятеля, пожалуй, так и пропало без вести, - заметил помощник Митчелла, сняв с весов мешок с останками и шлепнув его на стол.

Митчелл пожал плечами.

- Доложим судебному медику, что он был на диете, - подмигнул он Бьюкэнэну. - Джесси сказал, что вы хотите посмотреть вещи покойного?

- Если вы не возражаете...

- Пожалуйста!

Бьюкэнена подвели к покрытому нержавеющей сталью столу для инструментов, на котором лежали автоматический браунинг, излохмаченные остатки кобуры, тяжелый золотой портсигар, согнутый чуть ли не пополам, связка ключей, часы фирмы "Ролекс" - как ни странно, они до сих пор шли - и черный, крокодиловой кожи бумажник, в котором было несколько кредитных карточек, водительские права, около двухсот долларов разными купюрами и два скрученных от пребывания в воде моментальных снимка.

Бьюкэнэн расправил первую фотографию. На ней был изображен Моралес и высокий темноволосый молодой человек в цветастой рубашке и темных очках. Его можно было принять за Фицпатрика, но Бьюкэнэн весьма в этом сомневался.

На второй фотографии тот же молодой человек стоял рядом с девицей, которая держала спаниеля. На этот раз очков на нем не было, а близко поставленными глазками он очень напоминал Моралеса.

Бьюкэнэн больше не сомневался: человек на фотографии был явно не Майкл Фицпатрик.

21

Марта Пирс жила в одном из старых многоэтажных домов на западной стороне Коллинз-авеню. Вооруженный привратник по внутреннему телефону известил ее о прибытии Липпенкотта и Фицпатрика, и они поднялись в лифте на самый верхний этаж.

Когда они подошли к ее квартире, Марта Пирс в брючном костюме из белого шелка и солнечных очках в роговой оправе - воплощение хладнокровия и самообладания - ожидала их у дверей.

- С мистером Липпенкоттом я уже знакома, - сказала она, протягивая ему холеную руку. - А вы, значит, мистер Фицпатрик?

Распространяя вокруг аромат дорогих французских духов "Chant d'Arômes", она провела их в огромную гостиную, обставленную с помпезностью, граничащей с эксцентричностью: диваны и стулья в стиле Людовика XV, рояль с золоченой инкрустацией, в центре комнаты - стол, крышка которого покоилась на трех

переплетенных золотых драконах. Стены были увешаны картинами в пышных золоченых рамах - цветы работы художников XVIII века, а с высоченного потолка свисали две огромные хрустальные люстры.

Только теперь Фицпатрик понял, почему Липпенкотт надел костюм и галстук.

Из гостиной их провели на вымощенную керамической плиткой террасу, где стояли кадки с цветущим кустарником и апельсиновыми деревьями, согнувшимися под тяжестью золотых плодов. В дальнем углу на жердочке белый попугай старательно чистил перышки.

- Прошу, - сказала Пирс, подводя их к плетеному столу, накрытому к чаю.

И в ту же секунду, словно по мановению волшебной палочки, появилась темнокожая горничная в наколке и фартучке с тяжело нагруженным серебряным подносом.

- Скажите, мистер Фицпатрик, - обратилась к нему Пирс, расставляя на столе чайную посуду тонкого фарфора, - вам удалось что-нибудь узнать о вашей приятельнице?

- Пока нет, - ответил Фицпатрик, явно смущенный всей этой обстановкой. Хотя Липпенкотт достаточно подробно описал ему и саму Пирс, и ее квартиру, тем не менее он никак не ожидал встретить столь изысканный прием. Внезапно мысль о том, что эта женщина может быть каким-то образом связана с исчезновением Клэр, не говоря уже о событиях в океанариуме, показалась ему нелепой.

Сокрушенно покачав головой, Пирс налила в чашки китайского чая с жасмином и принялась пересказывать Фицпатрику историю, которую в прошлую среду поведала Липпенкотту.

- После того как мистер Липпенкотт побывал у вас, я еще раз встретился с тем джентльменом, который навел нас на ваш след. Прошу извинить меня за настойчивость, но этот господин по-прежнему утверждает, что Клэр, то есть мисс Теннант, села в вашу машину... - сказал Фицпатрик, как только она закончила свое повествование.

Пирс схватилась за горло.

- Боже мой! - в растерянности воскликнула она. - Какой ужас!

- Позвольте сказать вам, - продолжал Фицпатрик, тщательно подбирая слова, - что я не прошу вас нарушать обещание, которое вы, возможно, дали мисс Теннант. Если она просила вас никому не говорить, где она, то вы, конечно... словом, вы в трудном положении...

- Простите, мистер Фицпатрик, - перебила Пирс, прикоснувшись к его руке, - но я, кажется, понимаю, что вы хотите сказать... Поверьте, если бы я действительно знала, где находится мисс Теннант, я бы сочла своим долгом успокоить вас. Но, как вам, по-видимому, уже сообщил мистер Липпенкотт, я никогда не видела этой молодой дамы... Могу только искренне сожалеть об этом, - задумчиво добавила она, - поскольку она представляется мне очаровательным созданием.

Липпенкотт откашлялся.

- А с человеком по имени Анхел Моралес вы не знакомы, мэм?

- Анхел Моралес? - Пирс на мгновение задумалась. - Нет. Уверена, что нет, хотя где-то я слышала это имя... - Она сделала глоток. - Впрочем, подождите! - Казалось, она вспомнила что-то неприятное. - Кажется, фамилия того человека, что погиб несколько дней назад в океанариуме, Моралес?

Липпенкотт кивнул.

- Но я прочла в газетах, что это был отъявленный бандит! - воскликнула Пирс. Казалось, ее возмутило одно только предположение, что она могла знать такого человека, как Моралес, и она начала нервно теребить одну из золотых сережек. - Боже мой, какая нелепость... Вы что же, считаете, что он тоже замешан в исчезновении мисс Теннант?

- Вполне возможно, мэм, - мрачно отозвался Липпенкотт. - Очень даже возможно.

- Понятно... - Некоторое время Пирс молча созерцала свою чашку и вдруг поднялась из-за стола. - Надеюсь, джентльмены извинят меня - я сию минуту вернусь.

Весь ее облик и манера держаться производили такое впечатление, что даже Липпенкотт, которого трудно было заподозрить в избытке старомодной учтивости, привстал со стула.

Пирс вернулась, неся в руках номер газеты "Вашингтон пост".

- Пожалуйста, не вставайте, - сказала она, протянув газету Липпенкотту. Она указала на статью, отмеченную малиновым крестом. - Прошу вас прочесть вот это...

В статье говорилось, что все большее число фирм во избежание злоупотреблений при подборе кадров проверяют кандидатов на должность с помощью детекторов лжи.

- Ну что вы, мэм! - Липпенкотт передал газету Фицпатрику. - У нас и в мыслях нет подвергать вас испытанию на детекторе лжи!

- А как же иначе вы уверитесь в том, что я сказала правду?

- Попросим ваших друзей в Лондоне, с которыми вы ужинали в день исчезновения мисс Теннант, подтвердить ваши слова...

Пирс снова потеряла серьгу.

- Вот как раз этого мне очень не хотелось бы, - мягко сказала она. - Я не сомневаюсь, что вы сумеете побеседовать с ними вполне тактично, и тем не менее мне не хотелось бы, чтобы мои друзья знали, что мною интересуется частный детектив.

Липпенкотт понимающе кивнул.

- Совсем не обязательно мне самому расспрашивать ваших друзей, заметил он. - Это может сделать и мистер Фицпатрик, когда вернется в Лондон на будущей неделе.

- Не обижайтесь на меня, - Пирс обезоруживающе улыбнулась Фицпатрику, но если их начнет расспрашивать представитель прессы, это вряд ли что-нибудь изменит... Нет, нет, что ни говорите, но наилучший способ, мне кажется, подвергнуть меня испытанию на поли... - И она запнулась, сделав вид, что с трудом припоминает нужное слово.

- На полиграфе, - подсказал Липпенкотт.

- Да, да, именно на полиграфе! - Она одарила Липпенкотта и Фицпатрика благодарной улыбкой; оба озадаченно переглянулись, а Пирс с воодушевлением продолжала: - Давайте я повторю свой рассказ перед полиграфом, тогда сразу же все разъяснится и никого больше не нужно будет беспокоить!.. А пока, добавила она, словно не сознавая того впечатления, которое произвели ее слова, - не угодно ли еще чаю?

22

- Привет, дружище, - протянув руку и радостно улыбаясь, Рассел Юнкер устремился навстречу Липпенкотту через всю приемную, устланную толстым ковром. - Сто лет мы с тобой не виделись!

Юнкер был вице-президентом агентства по подбору руководящих кадров, и именно в его конторе через четверть часа Марта Пирс должна была подвергнуться проверке на детекторе лжи. Высокий, худощавый, бледнокожий, с хитрым лицом и

рыжими, уже начинающими редеть на макушке волосами, Юнкер был в элегантном, сером в елочку костюме. Из кармана жилета свисала золотая цепочка с эмблемой товарищества студенческих лет, на ногах - начищенные до блеска коричневые мокасины.

Липпенкотт познакомил его с Фицпатриком, и они прошли в комнату, которая после оживленной атмосферы приемной напоминала барокамеру. Стены этой глухой, без единого окна комнаты были обшиты звукопоглощающей плиткой, а меблировку составляли лишь несколько стульев, зеркало и стол, на котором стоял полиграф - большой ящик из матового металла с множеством индикаторов, роликом миллиметровки и тремя самописцами.

Они сели. После того как Юнкер с Липпенкоттом обменялись новостями, рассказав, чем каждый занимался со времени их последней встречи, Липпенкотт спросил:

- А по этому делу тебе нужны еще какие-то сведения?

Закинув большие костлявые руки за голову, Юнкер задумался.

- Пожалуй, все ясно. Пирс либо врет, либо говорит правду. Если врет, то врет нахально, и тогда эта штука, - он кивнул на стоявший перед ним аппарат, - быстро выведет ее на чистую воду. Вот и все.

- А я вовсе не уверен, что она лжет, - с тоской в голосе отозвался Липпенкотт. - Мне все время кажется, что мы зря теряем время и деньги. Слышал ли ты когда-нибудь, чтобы человек, прекрасно понимающий, что ему придется врать, сам напрашивался на такую проверку?

Юнкер отрицательно покачал головой.

- Если на то пошло, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь напрашивался на испытание детектором лжи, доказывая, что не имел никакого отношения к девице, бросившей своего дружка. Государственным преступлением это уж никак не назовешь...

На пульте селектора замигала сигнальная лампочка. Юнкер нажал кнопку.

- Да?

- Пришла миссис Марта Пирс, ей было назначено на два тридцать.

- Скажите, что я сейчас выйду, - ответил Юнкер. - И, пожалуйста, милочка, не беспокойте меня в течение часа, хорошо?

Юнкер отпустил кнопку и быстро поднялся.

- Нам, наверное, следует перейти в соседнюю комнату? - спросил Липпенкотт.

- Да, если не возражаете, - сказал Юнкер, снимая висевший за дверью белый халат. - Не беспокойтесь, - обратился он к Фицпатрику, - здесь установлены скрытые микрофоны, а увидеть все вы сможете через зеркало: с той стороны это прозрачное стекло.

Не успели Липпенкотт с Фицпатриком выйти, как в комнате появилась Марта Пирс, одетая так, будто она собралась в Париж на бега. Наблюдавшие за ней сквозь зеркало Липпенкотт и Фицпатрик увидели, как она сняла шляпу с цветами, затем длинные перчатки и уселась на стул перед полиграфом. Юнкер объяснил ей процедуру испытания и дал подписать документ, удостоверяющий, что по окончании испытания она не будет иметь никаких претензий ни к Юнкеру лично, ни к его компании. Затем он открыл блокнот и попросил ее рассказать как можно подробнее, где она была и что делала в тот вечер, когда исчезла Клэр.

Пирс снова повторила все, что уже рассказывала раньше.

- Прекрасно, - заметил Юнкер, встав из-за стола и подойдя к Пирс. - А теперь попробуем подсоединить вас к аппаратуре.

- А это для чего? - спросила Пирс, когда Юнкер протянул поперек ее груди две черные резиновые гофрированные трубки.

- Для регистрации изменений в ритме дыхания, - ответил Юнкер, закрепив трубки в зажимах по бокам кресла. - А вот это, - продолжал он, прикрепляя датчик к ее правой ладони, - для измерения потоотделения... Ну, а с этим устройством вы наверняка знакомы, - добавил Юнкер, накладывая на левую руку Пирс манжету тонометра. - Этот прибор будет фиксировать изменения в частоте пульса и кровяного давления. - И, накачивая манжету воздухом, спросил: - Вам удобно?

- Все в порядке.

- Ну и прекрасно. А теперь постарайтесь расслабиться, смотрите на стену прямо перед собой и на все мои вопросы отвечайте только "да" или "нет". Понятно? Только "да" или "нет".

Он включил детектор. Ролик миллиметровки начал медленно вращаться.

Задав несколько пробных вопросов, Юнкер подкрутил какое-то устройство и, взяв авторучку, сказал:

- Ну что ж, миссис Пирс, я думаю, мы можем начать...

Монотонным, бесстрастным голосом Юнкер не спеша задавал вопрос за вопросом, на которые Пирс отвечала "да" и "нет". В течение всей процедуры Юнкер не спускал глаз с паутинки красных линий, выводимых тремя самописцами на ролик миллиметровки, и, задавая очередной вопрос, делал отметку.

- Вы честно отвечали на все мои вопросы? - спросил он наконец.

- Да, - не задумываясь, ответила Пирс.

Юнкер выключил детектор. Несколько минут он внимательно просматривал кольца бумажной ленты, затем сказал:

- Если вы не возражаете, я хотел бы еще раз повторить несколько вопросов. И на этом закончим. Вас по-прежнему ничто не беспокоит?

Пирс уверила его, что чувствует себя прекрасно.

- Отлично. - Он снова включил детектор и откашлялся. - Прибегали ли вы когда-нибудь к услугам Анхела Моралеса?

- Нет, - твердо ответила Пирс.

Юнкер сделал отметку на бумажной ленте.

- Пользовались ли вы услугами Педро Санчеса?

- Нет.

- Не давали ли вы кому-нибудь задания использовать этих людей?

- Нет.

- Вы лично были знакомы с Моралесом или Санчесом?

- Нет.

- Спасибо, - ровным голосом поблагодарил ее Юнкер. - А теперь еще два-три вопроса о вечере двенадцатого августа... Была ли Клэр Теннант среди тех, с кем вы вместе ужинали двенадцатого августа?

- Да с какой стати! - возмутилась Пирс. - Я же вам сказала, что никогда...

- Отвечайте "да" или "нет", - не повышая голоса, остановил ее Юнкер. Я повторяю вопрос: была ли Клэр Теннант в числе тех, с кем вы ужинали вечером двенадцатого августа?

- Нет!

- Подавали ли вам на ужин тетерева?
- Да.
- За ужин расплачивались вы лично?
- Да.
- Заезжали ли вы с друзьями после ужина к Клэр Теннант?
- Нет.
- Встречались ли вы с Клэр Теннант наедине?
- Нет.
- Вы правдиво отвечали на все мои вопросы?

- Да.

Юнкер выключил детектор и встал.

- Благодарю вас, миссис Пирс, за то, что вы терпеливо выдержали всю эту процедуру.

Пирс словно не слышала его.

- Миссис Пирс! Мы закончили...

- Как? Уже все? - Пирс казалась удивленной.

- Все, - подтвердил Юнкер и нагнулся к ней, чтобы ослабить манжету тонометра. - Еще раз благодарю вас за то, что вы уделите нам столько времени.

- Ну и как я отвечала?

- Мне потребуется время, чтобы еще раз внимательно просмотреть записи, - объяснил ей Юнкер, снимая манжету с ее руки. - Завтра или послезавтра мистер Липпенкотт известит вас о результатах.

Юнкер снял с Пирс черные трубки, она поднялась с кресла и, подойдя к зеркалу, сквозь которое Фицпатрик и Липпенкотт наблюдали за ходом испытания, принялась надевать шляпу.

- Могу ли я предложить вам чего-нибудь выпить?

- Большое спасибо, но, если вы не возражаете, я, пожалуй, пойду. - Пирс сладко улыбнулась и взяла со стола сумочку и перчатки.

Проводив Пирс до лифта, Юнкер вернулся к своим гостям - в руках у него были три бумажных стаканчика с кофе. Вручив по стаканчику Липпенкотту и Фицпатрику, Юнкер тяжело опустился в кресло и начал расстегивать жилет.

- Ну что? - спросил Липпенкотт.

Юнкер хрустнул пальцами.

- Прежде чем прийти к окончательному выводу, нужно еще раз просмотреть все это. - И он кивком указал на ворох бумажной ленты, который они могли видеть сквозь прозрачное зеркало. - Не очень-то похоже, что она говорила правду, только правду, и ничего, кроме правды, - с самого начала и до самого конца!

23

Вернувшись с острова Гиппократы, где он брал интервью у Манчини, Фицпатрик застал Липпенкотта на борту яхты "Марлоу" - тот как раз заправлял новый ролик бумажной ленты в эхолот.

- Раз послезавтра вы уезжаете, - с улыбкой обратился к нему Липпенкотт, - я предлагаю завтра прокатиться до пролива. Как вам мое предложение?

- Отличная идея. - Сняв куртку, Фицпатрик бросил ее на скамью в рулевой рубке.

- Ну, как прошло интервью?

- Неплохо...

- Что-то в вашем ответе я не слышу твердости.

- Да нет, - заверил его Фицпатрик, - все в порядке.

Липпенкотт подошел к столу, на котором были сложены морские карты, и открыл ящик.

- Как, вы говорите, называется этот остров? - спросил он, перебирая карты.

- Остров Гиппократы.

- Ага, так я и думал. Это недалеко от восточного побережья Абако?

- Да. Рядом с Трежер-Кей.

Липпенкотт задвинул ящик движением бедра.

- Черт побери, даже ничего похожего не нахожу, - пробурчал он, раскладывая карту.

Фицпатрик подошел ближе и тоже взглянул на карту.

- Вот он, - сказал Фицпатрик, указывая на один из группы крошечных островков, обведенных лиловой линией. - Снэйт, по-видимому, переименовал его, а тут осталось старое название.

- А как вы туда добирались? На гидроплане?

- Нет. Вертолетом из Уотсон-Парка.

Липпенкотт отодвинул карту в сторону и присел на краешек стола.

- А с Манчини вы поладили?

- Знаете, он интересный собеседник. Просто кладезь информации. Я, пожалуй, снова слетаю к нему в Нью-Йорк после того, как ему сделают пересадку, и возьму еще одно интервью.

- А Снэйт? Вам удалось с ним встретиться?

- Мимоходом. Он зашел выпить с нами рюмку перед ленчем.

Липпенкотт вопросительно поднял брови.

- И что же?

- Не знаю... - растерянно ответил Фицпатрик. Дотянувшись до своей куртки, он вытащил из кармана пачку "Кэмел" и зажигалку. - Понимаете, Снэйт - один из тех субъектов, которые избегают смотреть людям в глаза. Более того, есть в нем, по-моему, что-то страшноватое... - Он помолчал, закуривая. - По правде говоря, и остров этот произвел на меня жутковатое впечатление. Глупости, конечно, но, знаете, меня там не покидало ощущение, будто за мной следят...

- Ничего удивительного, - пожал плечами Липпенкотт. - Вероятно, за вами и в самом деле следили. Не забывайте, что главное достоинство этой клиники ее уникальность, как выражаются специалисты по рекламе с Мэдисон-авеню, ее удаленность от чужих глаз.

- Возможно... Кстати, я заметил, что к листьям некоторых растений, растущих вдоль берега, прикреплены электроды. Мне показалось, и вы, пожалуйста, не смейтесь, что эти растения используются в качестве индикаторов стрессовых состояний.

- Что еще за индикаторы? - Липпенкотт рассмеялся.

- Видите ли... - начал Фицпатрик, как бы собираясь с мыслями. - Фамилия Бэкстер вам ничего не говорит? Клив Бэкстер?

- Впервые слышу.

- Так вот, этот Бэкстер перед тем, как открыть школу для обучения офицеров полиции работе с детекторами лжи, был сотрудником ЦРУ, и однажды ему пришла в голову мысль подключить полиграф к стоявшему в кабинете фикусу. Он решил определить, сколько потребуется времени, чтобы вода из корневой системы достигла листьев.

- Мне тоже иной раз приходят в голову дурацкие идеи, - отозвался Липпенкотт, нагнувшись, чтобы завязать шнурок на кроссовке.

- Со всеми, видимо, это случается. А потом, - продолжал свой рассказ Фицпатрик, - после нескольких неудачных попыток Бэкстеру захотелось узнать, как прореагирует фикус, если он возьмет да и подожжет один из листьев. И тут все датчики детектора лжи словно с ума посходили. Как будто растение догадалось, что у Бэкстера было на уме...

- Ага! - кивнул Липпенкотт. - Я, кажется, знаю, о ком вы говорите. Это происходило в конце шестидесятых, верно?

- Правильно. Первая работа Бэкстера называлась, по-моему, "Первичная реакция растений" и была опубликована в шестьдесят восьмом году. С тех пор написано уже немало исследований о взаимодействии между человеком и растением. Например, ученые из московского института психологии заявили, будто они получили научно подтвержденные доказательства того, что растения реагируют на широкий спектр человеческих чувств. Ходят слухи и о том, будто в американской армии ведутся опыты по использованию растений в качестве индикаторов стрессовых состояний человека.

- И вы думаете, что на своем острове Снэйт подсоединил растения к полиграфам? - заинтересовался Липпенкотт.

- А зачем же тогда было присоединять к листьям электроды? По-моему, только с этой целью.

- А сами вы его об этом не спросили?

- В том-то вся и штука, что я это заметил уже на обратном пути к вертолету.

Яхта, пришвартованная у пирса, плавно закачалась на волнах, поднятых проходившим мимо рыболовным судном, и Фицпатрик, подойдя к двери рубки, выбросил окурочок в воду.

- Есть еще одна деталь, подтверждающая мое предположение, - продолжал он, возвращаясь на место. - Вдоль всей береговой линии, с интервалом в пятьдесят ярдов, установлены столбы с телевизионными камерами и, я не сомневаюсь, инфракрасными прожекторами.

- И снова ничего удивительного, - отозвался Липпенкотт. - Если кому-то захочется сунуть нос на этот остров, добираться ему придется, безусловно, по морю.

- Подождите, но столбов-то этих установлено на побережье не меньше сотни. А это значит, что нужна сотня мониторов, и на каждые четыре - хотя бы один оператор. Иначе говоря, не менее двадцати пяти человек должны круглосуточно нести вахту. А если предположить, что рабочая смена продолжается восемь часов, значит, на одно обслуживание мониторов нужно семьдесят пять человек! - Фицпатрик покрутил головой. - Чепуха какая-то!.. Однако, - продолжал он, - есть способ обнаружить каждого злоумышленника, пытающегося проникнуть на остров, с помощью, скажем, всего восьми мониторов и шести операторов...

- Понимаю, - перебил его Липпенкотт. - Растения в месте высадки отреагируют на появление чужаков, и реакция эта будет немедленно зафиксирована полиграфом.

Фицпатрик кивнул.

- И полиграф автоматически включит в нужном секторе телевизионные камеры и инфракрасные прожекторы. А поскольку человеческий глаз не способен улавливать инфракрасное излучение, пришельцы даже не заподозрят, что они обнаружены, до тех пор, пока их не окружит вооруженная охрана...

- Знаете, что я по этому поводу думаю? - отозвался Липпенкотт. - Я думаю, что

все это ерунда! Едва ли Снэйт станет держать у себя семьдесят пять человек, чтобы они просиживали штаны возле телевизионных мониторов. Я думаю, что все эти телевизионные камеры, прожекторы и электроды - не что иное, как фальшивая система сигнализации наподобие тех, что устанавливают, желая отпугнуть грабителей.

- Может, и так. Но если я прав - а Снэйт ничуть не похож на человека, играющего в бирюльки, - то он чертовски здорово разбирается в этих полиграфах.

- А Пирс работает у Снэйта, и она, помните, сама попросила, чтобы ее испытали на детекторе лжи, желая "доказать", что никоим образом не замешана в исчезновении Клэр. Только в глубине души никто из нас ей не поверил.

Липпенкотт с силой втянул в себя воздух.

- Я не уверен, что...

- Минуту, Эд! - перебил его Фицпатрик, вдруг схватив свою куртку. Знаете, мне вдруг пришла в голову еще одна мысль! - Он вынул записную книжку-календарь и принялся лихорадочно листать ее. - Когда я пытался придумать, о чем бы еще спросить Снэйта - а говорить с ним все равно, что разговаривать с роботом, - я спросил его, по чему, уехав из Англии, он больше всего скучает. И он понес какую-то чушь о стилтонском сыре с портвейном и о выдержанном тетеревином мясе. Да-да, он определенно упомянул о тетереве...

- А какая связь между тетеревом, растениями-телепатами и полиграфами?

- Помните, Пирс сказала, что в тот вечер, двенадцатого августа, когда исчезла Клэр, сама она ужинала с друзьями? Она вспомнила про этот вечер все до мельчайших деталей, даже то, что на ужин им подали тетерева. - Он протянул Липпенкотту свою записную книжку-календарь. - Посмотрите, что написано на странице, помеченной двенадцатым августа.

- "Обед в час тридцать"... - прочел вслух Липпенкотт.

- Нет, нет, прочтите то, что напечатано типографским шрифтом в календаре рядом с датой.

- "Начало охоты на тетеревов..." - Он прочел эту фразу еще раз, изменив смысловое ударение, словно это должно было помочь в разрешении загадки. - Я что-то ничего не понимаю.

- Не понимаете? - удивился Фицпатрик, как будто эта фраза в календаре разом все разъясняла. - Пирс сказала, что двенадцатого на ужин им подали тетерева, так? Но если сезон охоты на тетеревов начался лишь в тот самый день, значит, этого быть не могло!

- А вдруг этого тетерева подстрелили на рассвете двенадцатого августа? - протянул Липпенкотт, подавляя зевоту.

- В том-то все и дело! В Англии тетерева принято подавать к столу только после того, как тушка повисит по меньшей мере неделю! Именно это имел в виду Снэйт, когда говорил о "выдержанном тетереве"!

- Ну и дела! - Липпенкотт оживился. - Но ведь Юнкер как раз и спрашивал Пирс об этом, когда проверял ее на детекторе.

- Вы это точно помните?

- Абсолютно. А насчет выдержки вы ничего не путаете?

- Уверен на все сто процентов...

Липпенкотт на секунду задумался.

- Знаете, Юнкер считает себя гурманом... Почему бы нам не позвонить ему? - сказал он и, прыгнув со стола, вышел из рулевой рубки.

Фицпатрик принялся ходить взад и вперед. Если Пирс во время испытания соврала про тетерева, то почему детектор не отреагировал на ее ложь? И почему в душе его каждый раз поднимается тревога при мысли о том, что Снэйт, по всей вероятности, превосходно разбирается в детекторах лжи? Какое-то внутреннее чувство подсказывало Фицпатрику, что это связано с сообщением о том, что в Институте психологии пользовались детекторами лжи при исследовании контактов между людьми и растениями. Но каким образом?

И вдруг он вспомнил: русские ученые, чтобы вызвать нужную реакцию, гипнотизировали своих подопытных.

И сразу же за этой мыслью мелькнула другая: секретные агенты и гипноз... Об этом, кажется, говорил доктор Пол в тот вечер, когда попытался загипнотизировать ди Сузу.

Да, да, Пол сказал тогда, что, если легенду выучить под гипнозом, она будет казаться самому агенту истинной и единственно верной.

Наконец-то сложная мозаика событий начала приобретать логические очертания. Значит, Пирс сама напросилась на испытание детектором лжи, потому что была уверена, что сможет обмануть детектор, и, следовательно, она сыграла определенную роль в принятом Клэр решении. Но если можно было загипнотизировать Пирс так, что она сумела перехитрить детектор лжи, то почему нельзя было провести сеанс гипноза и с Клэр, чтобы заставить ее уехать?

Липпенкотт, появившийся в дверях рубки, не успел и рта открыть, как Фицпатрик выложил ему только что родившуюся гипотезу.

Тот слушал, не перебивая, и все больше мрачнел.

- Да, все это очень интересно, если бы не один маленький, но очень существенный нюанс: дело в том, что тетерева едят либо на седьмой день после отстрела, либо в тот же день!

Итак, Пирс вполне могла в тот вечер насладиться за ужином тетеревиным мясом. По словам Юнкера, несколько лондонских ресторанов славятся именно тем, что двенадцатого августа подают на ужин тетеревов, доставленных самолетом из Шотландии.

24

В гостиной у Липпенкотта Юнкер снял пиджак и, повесив его на спинку кресла, сел.

- Ну, рассказывайте, - сказал он, сосредоточенно протирая солнечные очки, - что тут у вас стряслось?

- После того как Эд позвонил вам, - начал Фицпатрик, - я все никак не мог успокоиться. И решил сделать то, что следовало бы сделать с самого начала: позвонил в Лондон, и поговорил с управляющим ресторана, в котором ужинала Пирс.

- Молодец, соображаете, - одобрительно кивнул Юнкер, проверяя стекла очков на свет. - И он сказал, что у них в меню нет тетерева?

- Нет, есть. Кстати, они сегодня подают его. Но вот вечером двенадцатого августа в меню этого блюда не было! В этом он абсолютно уверен. Дело в том, что сейчас практически ни в одном из лондонских ресторанов двенадцатого августа не подают тетеревов - слишком дорого стало доставлять их из Шотландии самолетом.

Юнкер открыл портфель и вынул ролик миллиметровки - результат испытания Пирс на детекторе.

- Ничего не понимаю, - сказал он, расстилая бумажную ленту на полу. Ровным

счетом ничего. Обычно испытуемые попадают на каких-то мелочах, на несущественных деталях. Я дважды спрашивал Пирс, что они ели на ужин. И вот, взгляните сами... - Присев на корточки, он указал на следы самописцев в середине и в конце ленты. - Ни единого зубца, ни там, ни здесь. А теперь сравните это с показаниями приборов, когда Пирс совершенно определенно говорила неправду, - продолжал Юнкер, указывая на линии в самом начале ролика. Тогда, чтобы установить параметры теста, он намеренно задавал Пирс вопросы, в ответ на которые она могла сказать лишь заведомую ложь. - Видите, тут самописцы заматались!

Линда, которая вслед за Фицпатриком и Липпенкоттом тоже опустилась на пол, чтобы посмотреть, уселась поудобнее, поджав под себя ноги, и заметила:

- Может, она вовсе не врет, просто не помнит того, о чем ее спрашивали. Вот я, например, хоть убей, ни за что не вспомню, что ела на ужин две недели назад...

Юнкер выпрямился, перешагнув через бумажную ленту и снова сел в кресло.

- Это потому, что ничего необычного с вами две недели назад не произошло?

- Да откуда вы это знаете? - обиделась Линда.

- А разве что-то случилось?

- Нет, ничего, - вздохнула Линда.

- Скажите, а чем вас угощал Эд, когда впервые пригласил в ресторан? спросил Юнкер.

- Шницелем, - ответила Линда с деланным негодованием. - И это после того, как мы два часа смотрели фильм в открытом кинотеатре! Я поклялась в тот день никогда с ним больше не встречаться!

- Что и требовалось доказать! - сказал Юнкер, удовлетворенный тем, что его фокус удался.

Липпенкотт, обернувшись к Фицпатрику, подмигнул.

- Я всегда считал, что хорошее начало - половина дела, - сказал он достаточно громко, чтобы Линда могла его услышать.

Линда, улыбаясь, потянулась к нему и шутливо дернула за бороду.

Липпенкотт с трудом поднялся и пересел на диван.

- Предположим, Майк прав, и Пирс под гипнозом заучила свою версию, сказал он Юнкеру. - В таком случае ей удалось бы перехитрить детектор?

Юнкер хрустнул пальцами.

- Думаю, что да. Все возможно. Но мы возвращаемся к тому, с чего начали: а зачем ей все это?

Юнкер снова хрустнул пальцами, и на этот раз так громко, что Линда поморщилась.

- Можно мне задать вам несколько нескромных вопросов? - спросил он Фицпатрика.

- Пожалуйста.

- На некоторые из них ответить будет нелегко.

- Спрашивайте, - сказал Фицпатрик, усаживаясь в кресло.

- Не приходилось ли Клэр работать в государственных учреждениях типа министерства обороны?

Фицпатрик отрицательно покачал головой.

- Не бывала ли она в России или других странах Восточной Европы?

- Нет, никогда.

- Не увлекалась ли она наркотиками? Например, не курила ли марихуану, не

нюхала ли кокаин или что-нибудь в этом роде?

- За то время, что я с ней знаком, ничего подобного не замечал.

- А за мужчинами она не охотилась?

- Охотилась за мужчинами?! - Фицпатрик нахмурился. - Да вы что!.. начал он с негодованием, но Липпенкотт перебил его.

- Не кипятитесь, Майк. Вас спрашивают об этом не из пустого любопытства, должен признаться, именно эти вопросы я задал и Реджи Этуеллу, когда он впервые позвонил мне.

Успокоив Фицпатрика, Липпенкотт обратился к Юнкеру:

- По-видимому, Рассел, эта девица чиста, как капля утренней росы.

Но Юнкер не мог успокоиться. Ему не верилось, что человек мог быть безупречен.

- Этуелл проверил ее по картотеке Скотланд-Ярда?

- Проверил, - отозвался Липпенкотт, бросив на Фицпатрика виноватый взгляд.

- Так, ясно... - Юнкер обдумывал следующий вопрос. - Может, обстоятельства заставили ее заняться проституцией? - предположил он.

Липпенкотт покачал головой.

- Не та натура, не то воспитание и не та национальность.

Несколько минут они сидели молча.

Внезапно Юнкер вскочил со своего кресла.

- Можно от вас позвонить?

Липпенкотт, обернувшись, указал на телефон, стоящий на столике, который он купил накануне. Однако, уловив его нерешительность, добавил:

- Но если тебе неудобно звонить отсюда, есть еще один аппарат - в спальне...

- Подождите минуточку! - воскликнула Линда, вскакивая с места. - Там не прибрано.

Она выбежала из комнаты и вернулась через несколько минут.

- Как подниметесь наверх, поверните направо, а там вторая дверь налево, - сказала она Юнкеру. И, закрыв за ним дверь, она повернулась к Липпенкотту. - Что все это означает?

- То, что он пошел звонить из спальни? - усмехнулся тот в ответ. Вероятно, хочет переговорить со своими приятелями из ЦРУ...

- Из ЦРУ? - нахмурилась Линда. - Зачем ему понадобилось говорить с ЦРУ?

- Да ведь он раньше сотрудничал с ЦРУ, дорогая. Возможно, и сейчас продолжает работать на них.

- Ты же говорил мне, что он работает в агентстве по подбору руководящих кадров...

- Он действительно работает в этом агентстве, - ответил Липпенкотт, не скрывая раздражения. - Но это не мешает ему одновременно работать и на ЦРУ, а ЦРУ, как никакое другое правительственное учреждение, вложило уйму средств в разработку методики допросов. Уж если они не знают, как поступить в подобной ситуации, тогда никто нам не поможет...

Недоуменно пожав плечами, Линда вышла из комнаты, на сей раз она отправилась варить кофе.

Когда минут через пять она появилась снова, Юнкера все еще не было. Поставив поднос на столик и разлив кофе по кружкам, она сказала:

- Знаешь, Эд, мне, конечно, неприятно так отзываться о твоём приятеле, но этот

Юнкер не вызывает у меня симпатии. Право же, от него у меня просто дрожь по коже.

- Вероятно, после того, как ты узнала, что он сотрудничает с ЦРУ?

- Нет, это было всегда.

- Всегда? - Липпенкотт начал было ее переубеждать, но Линда прервала его тираду, кивнув на дверь, где появился Юнкер. Лицо у него было хмурое и бледнее обычного.

- Все в порядке? - спросил Липпенкотт.

- Вроде да, - отозвался Юнкер и, взяв свою кружку, сел в кресло. Похоже, что Пирс либо загипнотизировали, либо она сама привела себя в состояние гипноза...

- Привела сама себя в состояние гипноза? - Липпенкотт обвел всех удивленным взглядом. - Разве можно самого себя загипнотизировать?

Линда пододвинула ему кружку.

- Не так уж это трудно, - сказала она. - У нас пациентов, проходящих курс психотерапии, обучают методам самовнушения, чтобы снять те или иные симптомы.

На секунду она умолкла, закурила самодельную сигарету из листьев марихуаны и, глубоко затянувшись, передала ее Липпенкотту.

- Самовнушение также широко применяется в акушерстве, чтобы сократить продолжительность схваток и снять болевые ощущения.

Юнкер кивнул.

- А кроме этого, - добавил он, - аутогипноз входит в программу подготовки американских военных летчиков. Так что не учитывать такую возможность нельзя...

- Но если Пирс удалось таким способом перехитрить полиграф, - сказал Фицпатрик, - как же нам заставить ее сказать правду?

- Действительно, как? - спросил Юнкера Липпенкотт.

- Вообще-то говоря... - почесав в задумчивости щеку, нерешительно произнес Юнкер.

- Ввести пентотал натрия? - подсказал ему Липпенкотт.

Юнкер покачал головой.

- Можно попробовать, но сам по себе этот препарат малоэффективен.

- Что же тогда?

- ЭСТ.

- ЭСТ?! - Глаза Линды расширились от ужаса. - Электросудорожная терапия? Да ваша Пирс никогда на это не пойдет!

Юнкер сухо улыбнулся.

- Безусловно, милочка, ее согласия нам получить не удастся.

- Хватит тянуть волюнку, Рассел, - рассердился Липпенкотт. - Что ты надумал?

Юнкер поднялся и, сунув руки в карманы, подошел к окну.

- Я просто размышляю вслух, не более, - не оборачиваясь сказал он. Предположим, мне удастся достать аппарат для ЭСТ. Только предположим...

Во взгляде Линды, устремленном на Липпенкотта, явно читалось: этому человеку не место в нашем доме. Но, убедившись, что Липпенкотт ничего подобного говорить Юнкеру не собирается, она сама с вызовом спросила его:

- И что потом? - На ее тонком лице появилось угрожающее выражение.

- А потом, - бесстрастно продолжал Юнкер, - мы пропустим сотню вольт через лобные доли ее головного мозга и еще раз проверим ее на детекторе.

- Сукин сын! - взорвалась Линда. - Как вам могла прийти в голову такая дикая мысль!

Выхватив сигарету у Липпенкотта, она вскочила и, пробежав прямо по расстеленной на полу бумажной ленте, пулей вылетела из комнаты, громко хлопнув дверью.

Раскрыв от изумления рот, Юнкер повернулся к Фицпатрику и Липпенкотту.

- Что я такого сказал? - спросил он, переводя взгляд с одного на другого.

Наверху хлопнула дверь.

Липпенкотт устало поднялся с дивана и направился к двери.

- Пойду поговорю с ней, - сказал он. - И знаешь, Рассел, когда мы вернемся, сделай одолжение, не упоминай при ней больше об ЭСТ, ладно? В конце концов, ты ведь предложил это чисто теоретически.

- Чисто теоретически? - Юнкер даже обиделся. - А что тут нереального. Я могу достать и медикаменты, и нужную аппаратуру, а у Линды как раз есть психиатрическая практика.

- Минуту! - перебил их Фицпатрик, встревоженный тем оборотом, какой начала приобретать их беседа. - Лучше скажите, каким образом, помимо всего прочего, вы собираетесь пронести эту аппаратуру в квартиру Пирс?

- Все, что требуется, можно уложить в два небольших чемодана.

- Предположим, - не унимался Фицпатрик, - но ведь не станет же Пирс лежать и вспоминать старую добрую Англию, пока вы будете прилаживать к ее голове электроды!

- Именно поэтому вначале ей надо будет ввести пентотал натрия...

Фицпатрик перевел непонимающий взгляд на Липпенкотта.

- Сделать укол несложно, - согласился Липпенкотт. - Когда мы установили за ней слежку, я первым делом обнаружил, что по утрам к ней приходит медсестра. По словам привратника - а ему об этом рассказала горничная, Пирс проходит сейчас курс каких-то инъекций. Что-то там ей колют: не то гормоны, не то витамины... Кстати, - продолжал Липпенкотт, обходя комнату и зажигая лампы, - медсестра приходит в половине восьмого - за час до появления горничной или уборщицы.

В водянистых глазах Юнкера внезапно вспыхнули искорки заинтересованности.

- Я тебя понял, приятель. Мы должны задержать настоящую сестру и вместо нее направить к Пирс нашего человека. Пирс скажут, что ее медсестра заболела, и вместо обычного лекарства ей сделают нужную нам инъекцию...

- Подожди, Рассел! - решительно перебил его Липпенкотт, снова опускаясь на диван. - Я не хочу, чтобы ты счел меня бестактным или неблагодарным, но позволь задать тебе один вопрос: ты соображаешь, о чем говоришь? Это не провокационный вопрос, мне просто неясно, понимаешь ты или нет.

- Да, я не специалист в таких делах, если ты это имеешь в виду...

- А тот, с кем ты только что разговаривал?

Юнкер кивнул.

- Нас консультирует самый авторитетный специалист...

- Я заметил, ты упорно повторяешь слово "нас", - сказал Липпенкотт. Это означает, что ты тоже будешь принимать в этом участие?

- Видишь ли, - заерзал Юнкер, - все не так-то просто...

- Ладно, ладно, - перебил его Липпенкотт, явно не желая выслушивать многословное объяснение. - Скажи, какова степень риска?

- Для нее или для вас?

- Господи, конечно, для нее! Чем мы рискуем, я и сам прекрасно знаю. Ты

хочешь, чтобы я тебе все подробно обрисовал?

- Не стоит! - Юнкер протестующе поднял руку. - При условии, что укол этот сделает вполне квалифицированный человек - а для этого вам как раз и нужна Линда, - Пирс подвергается риску не больше, чем когда она едет в машине по шоссе. Кстати, сколько ей лет?

- Около пятидесяти.

- Понятно, - задумался Юнкер. - Если Пирс под пятьдесят и ей колют гормоны, значит, у нее тяжелый климакс и, вполне возможно, началась депрессия. - Он пожал плечами. - В таком случае электрошок может даже принести ей определенную пользу, - с улыбкой добавил он.

Липпенкотт откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

- Это безумие, Рассел. Ты ведь и сам это сознаешь, верно? Чистое безумие!

Юнкер взял у Липпенкотта одну из его длинных тонких сигар, прикурил от зажигалки Фицпатрика и стал разглаживать смятую бумажную ленту от детектора, по которой прошагала Линда.

- Решайте сами. Что касается меня, то я могу обеспечить вас всем необходимым, за исключением исполнителей. - Он начал сворачивать миллиметровку в рулон.

В комнате повисла напряженная тишина. Фицпатрик, который все никак не мог успокоиться после расспросов по поводу Клэр, спросил:

- Мистер Юнкер, позвольте мне задать вам один непростой вопрос: почему вы так горячо взялись помочь нам?

Юнкер не успел и рта раскрыть, как за него ответил Липпенкотт:

- Он считает, что Пирс имеет отношение к делу, которое может интересовать ЦРУ. Его старая любовь к этой конторе не ржавеет. - Он пристально посмотрел на Юнкера. - Верно, Рассел?

Юнкер наконец скрутил бумажную ленту в ролик и сунул его в портфель.

- Скажем так, я не люблю неразгаданных тайн, - ответил он, ничуть не обидевшись на язвительное замечание Липпенкотта. - Ну, так что вы решили? спросил он, надевая пиджак.

- Когда ты сумеешь достать все необходимое? - спросил его Липпенкотт.

Юнкер налил себе из кофейника остывшего кофе.

- К утру в понедельник. Самое позднее - во вторник.

- Как у вас с командировкой? Сможете задержаться еще на пару дней? спросил Липпенкотт у Фицпатрика.

- О господи! - вздохнул Фицпатрик. - Меня и так уже ждут неприятности: ведь я не послал репортажа о происшествии в океанариуме. И тем не менее...

- Договорились, - сказал Липпенкотт, направляясь к двери. - Пойду поговорю с Линдой. Если через десять минут я не вернусь, вызывайте полицию.

25

В следующий вторник, ровно без двадцати восемь, Липпенкотт и Фицпатрик появились возле дома Пирс. В руках у Фицпатрика был букет цветов и фирменная сумка авиакомпании ТВА, а Липпенкотт нес чемодан.

- Доброе утро, господа! - весело приветствовал их привратник. - Вы к миссис Пирс?

- Память у вас отменная, - усмехнулся Липпенкотт.

- Без хорошей памяти мне здесь делать нечего, - ответил привратник, польщенный комплиментом. Он подошел к столу и поднял трубку телефона внутренней связи. -

Она вас ожидает, не так ли?

- Да, конечно, - ответил Фицпатрик, указав глазами на букет, - я обещал заглянуть к ней по пути в аэропорт, попрощаться.

Привратник понимающе кивнул.

- Я вас спрашиваю только потому, - сказал он, набирая номер квартиры Пирс, - что буквально две минуты назад к ней кто-то поднялся.

Он приложил трубку к уху.

- Здесь внизу два джентльмена, они пришли к миссис Пирс. Мистер Липпенкотт и мистер... - Он запнулся, забыв вторую фамилию.

- Фицпатрик.

- Мистер Фицпатрик. Хорошо, я их пропускаю.

Дверь квартиры Пирс открыла суровая Линда в белом медицинском халате.

- Все в порядке, дорогая? - спросил Липпенкотт.

Линда молча повернулась и повела их через холл и коридор в спальню.

Спальня Пирс, так же как и гостиная, была обставлена изысканно. На широкой кровати с балдахином в отороченном норкой черном пеньюаре и черных пушистых комнатных туфлях лежала Пирс. Она была без сознания.

Липпенкотт опустил чемодан на пол и, быстро оглядевшись, убрал со столика вазу с цветами и журналы мод, а столик поставил возле кровати. Пока Фицпатрик, расстегнув молнию, рылся в сумке, он поставил на журнальный столик чемодан и открыл его. Аккуратно переложенные бумажными салфетками, там лежали кислородный прибор с маской, резиновый роторасширитель, несколько электродов и аппарат ЭСТ, состоящий из компактного трансформатора в футляре тикового дерева и таймера-регулятора. Липпенкотт вытащил сначала все мелкие вещи, а затем осторожно извлек аппарат ЭСТ, который он установил на журнальном столике, рядом с двумя портативными магнитофонами - один из них принес Юнкер, второй принадлежал Фицпатрику. Липпенкотт включил аппарат ЭСТ в ближайшую розетку и начал разматывать шнур электродов.

- Ты точно знаешь, что она еще не завтракала? - спросил он Линду, вставившую иглы в пластмассовые шприцы одноразового пользования.

- Она сама мне сказала.

- А на кухне ты проверила? - снова спросил он ее, подсоединяя электроды к трансформатору.

Линда набрала в шприц атрофин, который тормозит слюноотделение, и сейчас рассматривала шприц на свет, желая убедиться, что там нет пузырька воздуха.

- Разумеется, я сходила на кухню и все проверила. - Она отложила шприц и набрала во второй суцинилхолин, расслабляюще действующий на мышечную ткань.

Убедившись, что у Пирс нет зубных протезов, Линда установила роторасширитель. Затем, протерев спиртом ее левое запястье, осторожно ввела в мягкую бледную кожу сначала содержимое одного шприца, затем другого, после чего приложила контакты электродов к вискам Пирс и, крепко зажав рукой челюсть, повернулась к Липпенкотту.

- Давай!

Липпенкотт нажал кнопку на верхней панели ЭСТ и послал заряд в 120 вольт в мозг лежащей без сознания Пирс.

Когда впервые начали применять электроконвульсивную терапию, мускулы пациента реагировали на разряд иной раз настолько сильно, что сеанс электрошока

кончался вывихами конечностей или даже переломами. Однако теперь благодаря инъекции сучинилхолина вызванная таким образом эпилепсия проявилась у Пирс только в легком подергивании шейных и лицевых мускулов.

Линда быстро сняла электроды, вынула роторасширитель, надела на свою подопечную кислородную маску и энергично заработала резиновой грушей кислородного прибора.

Как только кислородный прибор стал не нужен, Липпенкотт быстро убрал его в чемодан, куда он уже сложил все остальное, и вынес чемодан в холл.

Вернувшись в спальню, он увидел, что Линда сидит возле Пирс и растирает ей руки, чтобы привести в чувство.

- Миссис Пирс, миссис Пирс, вы меня слышите? - громко повторяла она.

Щеки Пирс порозовели, и наконец она с трудом открыла глаза.

- Что со мной? - спросила она тонким, надтреснутым голосом.

Линда поднесла чашку с водой к ее губам.

- Вы потеряли сознание, как только я сделала вам укол.

Пирс повернула голову на подушке и непонимающе уставилась на мужчин.

- А этим господам что здесь надо?

- Вы же сами попросили их зайти, - объяснила Линда. - Неужели не помните? Вы хотели им что-то рассказать.

Пирс снова растерянно уставилась на Линду.

- Хотела им что-то рассказать?..

Линда утвердительно кивнула.

- Вы собирались им рассказать про Клэр... Клэр Теннант.

Линда незаметно подала знак Фицпатрику, чтобы он включил магнитофон.

- Клэр Теннант?..

Линда не отрываясь смотрела на Пирс.

- Да-да, именно, про Клэр Теннант. Вы ведь знаете Клэр Теннант?

Пирс закрыла глаза и утвердительно кивнула.

- Что вы хотите знать про нее?

Пока Липпенкотт передавал в дверях квартиры магнитофон и чемодан с аппаратом ЭСТ одному из сотрудников Юнкера, Фицпатрик подошел к окну спальни.

В течение двадцати пяти минут Пирс рассказала им все, что они хотели знать: где сейчас находится Клэр, как ее похитили, кто и зачем.

В первое мгновение Фицпатрика охватила непреодолимая ненависть к Пирс, Снэйту и Манчини, но затем он понял главное - Клэр жива - и тут только наконец осознал, что в руках у него сенсационный материал. Сенсация столетия!

Теперь он четко знал, что ему делать: как только он даст показания полиции, нужно сразу же передать по телефону информацию в свою газету.

Но ведь это значит - отказаться от своего счастья! Фицпатрик подумал о том, какие деньги он мог бы получить за этот материал, если бы не работал на газету. Можно было бы предложить репортаж тому, кто больше заплатит, а потом написать книгу, которая, без сомнения, будет иметь шумный успех - почище других бестселлеров. А дальше больше: продать права журналам, иностранным издательствам, затем при содействии различных книжных клубов выпустить книгу в твердом переплете, повторно издать в мягкой обложке и, наконец, продать права на съемку кинофильма.

Конечно, после такого золотого дождя пришлось бы переселиться туда, где

налоги поменьше, но это не самое страшное. Они с Клэр могли бы купить домик, скажем, где-нибудь в Ирландии... Кстати, мысль об Ирландии очень недурна со всех точек зрения. Когда они на рождественские каникулы ездили с Клэр к его родителям в Ирландию, ей там очень понравилось. И к тому же Клэр сможет продолжать работать, если захочет... Ведь от Дублина до Лондона около часа лету и, если Клэр оставит британское подданство, она сможет летать туда сколько угодно.

Итак, сейчас важно выиграть время, хоть несколько часов, - надо уволиться с работы и подыскать себе литературного агента.

Фицпатрик обернулся, услышав голос вошедшего в комнату Липпенкотта тот напомнил Линде, что пора уходить.

- Как вы себя сейчас чувствуете? Все в порядке? - спросила Линда у Пирс, поспешно укладывая инструменты в медицинскую сумку. - Могу я вам еще чем-нибудь помочь?

Та слабо улыбнулась.

- Нет, спасибо, вы так добры...

Проводив Линду до двери, Липпенкотт вернулся в спальню, лицо у него было озадаченное.

- Ох, уж эти женщины... - вздохнул он, направляясь к стилизованному под старину телефону, стоявшему на одной из тумбочек возле кровати. Сняв трубку, очень вычурную, отделанную слоновой костью с позолотой, он набрал номер. Несмотря на все, что нам удалось узнать, Линда продолжает считать, что цель отнюдь не оправдывает средства!

- Куда вы собираетесь звонить?

- Как куда, разумеется, в полицию...

Фицпатрик бросился к телефону и быстро нажал на рычаг.

- Послушайте, Эд, так ли уж необходимо прямо сейчас обо всем сообщать в полицию?

- То есть как это? Конечно, необходимо! Нужно немедленно вызвать полицию!

- А разве нельзя сообщить в полицию сегодня вечером или завтра утром? Ведь нам теперь известно, что Клэр цела и невредима... - Фицпатрик взъерошил волосы. - Понимаете, Эд, я не знаю, как бы вам лучше объяснить, но мне нужно время, чтобы утрясти свои дела. Всего несколько часов. Ведь после всех наших мытарств несколько часов ничего не решают, правда? И поверьте мне - это очень важно не только для меня, но и для Клэр...

- Майк, - мягко сказал Липпенкотт, - я понимаю ваши чувства и представляю себе, что вы сейчас переживаете. Но вся эта история - не ковбойский фильм. Вы и так сделали больше, чем можно было ожидать, так что пускай теперь этим делом занимается полиция. Верно?

Внезапно Фицпатрику стало ясно: Липпенкотт решил, будто он хочет выиграть время, чтобы спасти Клэр и отомстить за нее Снэйту и Манчини.

Чувство стыда охватило Фицпатрика.

- Вы правы, - сказал он, отвернувшись, - нужно позвонить в полицию.

26

У входа в гостиницу, расположенную как раз напротив дома Пирс, остановилось такси, и из него вышли двое модно одетых мужчин: Пол Гинзел и Педро Санчес. В руках у Гинзела была газета "Уолл-стрит джорнэл", Санчес нес чемоданчик-дипломат из дорогой натуральной кожи.

Пока Санчес расплачивался с водителем, Гинзел обернулся, разглядывая полицейские машины, стоящие возле дома Пирс.

- В этом году полиция что-то рано начала собирать добровольные пожертвования, - сказал он, сунув доллар швейцару.

Приподняв форменную фуражку, тот подхватил шутку:

- Более того, они и слушать не хотят, если кто-то отказывается выложить денежки. - И толкнул перед ними вращающуюся дверь. - Полиция находится в этом доме уже полчаса.

Войдя в гостиницу, мужчины сняли шляпы и, пройдя через шумный, многолюдный холл к лифтам, поднялись на пятый этаж. Там они вышли на площадку, быстро прошли по коридору, где комнаты выходили окнами на Коллинз-авеню, затем вернулись и уже другим лифтом поднялись на шестой этаж. Снова быстро пройдя по коридору, они наконец нашли то, что искали, - дверь, на ручке которой висела табличка "Просьба не беспокоить".

Убедившись, что за ними никто не следит, оба быстро надели хирургические перчатки и натянули резиновые маски. Санчес вставил в щель под дверью номера острый деревянный клин, а Гинзел тихонько постучался.

- К вам посыльный, - сказал он.

Мужской голос раздраженно спросил:

- В чем дело?

- Вам срочный пакет.

- Оставьте у двери.

Гинзел объяснил, что оставлять пакеты под дверью запрещено, и снова настойчиво постучал.

- Ну хорошо, иду, - отозвался человек, - черт бы вас побрал...

Раздался звук отодвигаемых задвижек. Как только дверь приоткрылась, Гинзел тут же ногою вбил под нее клин.

Мужчина попытался захлопнуть дверь, однако это ему не удалось.

В мгновение ока Гинзел выхватил из свернутой в трубку газеты ножницы для резки металла и без труда перекусил дверную цепочку. Санчес с разбегу навалился на дверь, и находившийся в номере мужчина отлетел к кровати, на которой лежала рыжеволосая девица.

Проникнув в номер, Гинзел быстро запер дверь изнутри, а Санчес выхватил из внутреннего кармана автоматический револьвер.

- Ну-ка, вы оба - быстро в ванную! - скомандовал он.

Мужчина поплотнее запахнул халат и бочком стал пробираться к стулу, на котором висела одежда. Его лысина покрылась капельками пота.

- Ну чего вы, ребята, - миролюбиво проговорил он, стараясь, чтобы голос его не выдал волнения, - если вам нужны деньги...

Санчес взвел курок пистолета.

- Даю тебе, жирный боров, ровно десять секунд, чтобы ты убрался в ванную. Иначе пришью на месте. А ну, пошел!

Угроза, подкрепленная щелчком курка, оказала на обоих обитателей номера мгновенное действие. Прикрываясь простыней, девица соскользнула с кровати и бросилась в ванную.

Когда она пробежала мимо Санчеса, тот сорвал с нее простыню - девица оказалась в чем мать родила, если не считать пояса и черных чулок.

- А ну-ка, приятель, - Санчес кинул простыню мужчине, - рви ее на полосы.

Пока Санчес связывал обитателей номера, Гинзел, стянув маску, подошел к окну и приподнял пластинку жалюзи.

Убедившись, что на противоположной стороне улицы пока все спокойно, Гинзел открыл чемоданчик и вынул стеклорез, резиновую присоску, несколько обойм патронов сорок пятого калибра со срезанной головкой, тридцатисантиметровый глушитель и так называемый карманный вариант автомата Томпсона - компактный автомат МАК-10 из анодированной стали.

Автомат длиной менее тридцати сантиметров и весом всего два с половиной килограмма имел радиус стрельбы в сто восемь ярдов и скорострельность 1445 выстрелов в минуту. А если накрутить глушитель, стрельба из него становится почти бесшумной.

Гинзел накрутил глушитель на ствол автомата, закрепил пустотелый приклад, снова подошел к окну и, наведя автомат на подъезд, где жила Пирс, прицелился. Затем, отложив автомат, раздвинул створки жалюзи сантиметров на десять, поплевал на присоску и придавил ее к стеклу, после чего начал вырезать кружок стекла вокруг присоски.

- Ну как, все в порядке? - спросил Гинзел, уступая Санчесу место у окна, чтобы тот тоже подготовился к стрельбе.

- Да. Вроде бы.

Гинзел снова запустил руку в чемоданчик и извлек оттуда бинокль и транзисторный приемник. Вытянув телескопическую антенну, он включил транзистор и припал к нему ухом.

- Ну что ты там возишься? - бросил ему Санчес через плечо.

- В последнее время нас стала беспокоить Пирс, - пояснил Гинзел, подсоединяя наушник к транзистору. - Поэтому, как только этот Фицпатрик объявился здесь, мы решили установить микрофон-передатчик в ее телефоне.

- Микрофон-передатчик?

- Да, он улавливает каждое сказанное в комнате слово, даже тогда, когда трубка лежит на рычаге. - Гинзел поправил антенну и поплотнее вставил в ухо наушник. - Ну вот, я их слышу, - с довольным видом объявил он. - Слышу громко и отчетливо.

- Если вы могли их подслушивать, то какого черта вы тянули столько времени и позвали меня только теперь?

- Да из-за Старика. Пришлось долго убеждать его, что это не просто обыкновенное мокрое дело, а единственный выход в данных обстоятельствах...

Санчес сокрушенно покачал головой.

- Ему чертовски повезло, кажется, пришли вовремя, - сказал он. Кстати, куда он сам подался?

- Старик-то? - Гинзел, держа в руках транзистор, отошел от окна и прилег на кровать. - На остров, куда же еще.

- Знаешь, - задумчиво продолжал Санчес, - мне его даже немного жаль. Всю жизнь вкалывал как идиот, и вот надо же, в такую передрыгу влип.

- Что ты мелешь? "Влип в передрыгу"!

- Как что? Кранты ему! Крышка. Завтра он будет считать себя счастливым, если ему удастся устроиться куда-нибудь санитаром, чтобы брить пациентов перед операцией.

Гинзел тихонько рассмеялся.

- Ты что, спятил? Он только-только начал разворачиваться. Квинтрелл говорит, что через год он сможет пригласить на свой остров специалистов-медиков и продемонстрировать свои операции на настоящих пациентах. А дальше, как утверждает Квинтрелл, перед ним прямая дорога в Нобелевские лауреаты!

- Вот выдадут ордер на его арест, и даже дорога назад в Штаты будет для него навсегда закрыта!

- Как только разберутся, чем он там занимается на своем острове, ему все простят. Так уже было с Вернером фон Брауном. Ведь до работы в НАСА этот сукин сын делал ракеты, которые в годы войны отправили на тот свет не одну тысячу англичашек!

- Все так, но...

- Тише! - Гинзел плотнее прижал наушник и с минуту напряженно прислушивался. - Вроде пора. - Он кивнул. - Да, точно, они сейчас выйдут!

Лейтенант полиции Бернارد Доэрти, плотный мужчина с синеватыми щеками и жестким ежиком волос, вытащил из заднего кармана темно-бордовых брюк потертую карточку и начал перечислять Пирс все права, которыми она может воспользоваться. Читал он монотонным скрипучим голосом, медленно и громко, словно имел дело с тугой на ухо особой.

- Вам все ясно? - спросил он.

Пирс все в том же пеньюаре сидела на одном из маленьких золоченых стульчиков в гостиной. Она вяло кивнула лейтенанту и снова принялась тереть кружевной платочек.

- Сейчас мы поедem в Главное полицейское управление, где вас попросят сделать еще одно заявление, - объявил Доэрти. - Только на этот раз в письменном виде. Хотите позвонить своему адвокату?

- Моему адвокату?

- Ну конечно, мэм, вашему адвокату. Ведь у вас, я надеюсь, есть адвокат?

- Наверное, да...

- То есть как это - "наверное"?

Обменявшись недоуменным взглядом с другими полицейскими, Доэрти предпринял новую попытку:

- Миссис Пирс, пожалуйста, постарайтесь понять, - терпеливо начал втолковывать он. - Вы имеете право вызвать адвоката. Хотите воспользоваться этим правом?

Пирс пожалала плечами и, не отвечая, тихонько замурлыкала какую-то мелодию.

- Интересно, что вы такое проделали с этой дамочкой? - спросил он Липпенкотта. - Ведь она двух слов связать не может...

- Ну со мной-то она говорила! - возразил тот, показывая кассету, на которую были записаны показания Пирс. - Видите ли, Берни, если уж говорить начистоту, допрос никогда не был вашим коронным номером!

Доэрти выхватил у него из рук кассету и, держа ее прямо перед глазами Пирс, спросил:

- Мэм, вы не хотите рассказать мне, как эти люди заставили вас расколоться?

- Мне задавали вопросы, - ответила она безразличным тоном и снова начала напевать себе под нос.

- Они, видите ли, задавали ей вопросы, - признал свое поражение Доэрти. - Передай вниз нашим, что мы выезжаем через десять минут! - крикнул он полицейскому, стоявшему у входной двери. - Да, и вот еще что, - добавил он, пытаясь застегнуть верхнюю пуговицу своей белой рубашки с короткими рукавами. -

Проследи, чтобы никаких посторонних не было ни в подъезде, ни поблизости от него.

Полицейский вышел, и, пока Доэрти снова задавал вопросы Липпенкотту и Фицпатрику, женщина в полицейской форме отвела Пирс в спальню, где горничная помогла ей одеться и собрала в сумку самое необходимое.

Когда они вернулись в гостиную, Доэрти поднялся и, отстегнув кобуру, натянул пиджак в яркую, ядовитого цвета полоску.

- Наручники нужны? - спросил один из полицейских в штатском, кивком указав на Пирс.

Доэрти покачал головой.

Выпроводив всех на лестничную площадку, Доэрти подождал, пока один из полицейских опечатал дверь квартиры Пирс. Пропустив вперед уборщицу и горничную, которая несла клетку с попугаем хозяйки, а вслед за ними полицейского, опечатавшего дверь, он жестом пригласил Пирс, женщину из полиции, Липпенкотта и Фицпатрика войти вместе с ним в лифт.

Пока кабина лифта спускалась на первый этаж, никто не проронил ни слова.

В вестибюле их ждала группа полицейских в форме.

Доэрти попросил своих спутников собраться в середине вестибюля, затем он надел солнцезащитные очки и вышел на крыльцо. Убедившись, что на улице спокойно, он обернулся и жестом пригласил остальных следовать за ним.

Когда до тротуара оставалось несколько ступенек, шедший перед Пирс Фицпатрик вдруг почувствовал, как что-то пролетело мимо его головы. Затем раздался звук, напоминающий удар теннисной ракетки по мячу.

Фицпатрик обернулся и с изумлением увидел, как Пирс словно отпрянула назад к дверям подъезда. В ту же секунду в воздухе возникло красноватое облачко и он ощутил на лице прикосновение чего-то липкого и теплого.

Облачко рассеялось, и перед глазами Фицпатрика, как в замедленной съемке, проплыли руки Марты Пирс, безжизненно откинувшаяся голова...

Все это промелькнуло перед ним мгновенно, словно в ночном кошмаре, но ему показалось, что этому кошмару не будет конца.

Краем глаза он увидел, как, мягко осев, рухнули на ступеньки женщина в форме и один из полицейских в штатском, но в ту же секунду внимание его отвлек пронзительный вой сигнала, который донесся от автомобиля, стоявшего на противоположной стороне улицы.

Он обернулся и лишь успел заметить, как с визгом рванулся с места открытый белый "шевроле".

Водитель двухцветного "крайслера", мчавшегося по улице, вынужден был резко затормозить, чтобы не столкнуться с "шевроле", и "крайслер" пошел юзом.

Раздался визг шин по асфальту, тупой удар и звон стекла: шедший сзади автомобиль-"универсал" врезался в "крайслер". А в следующее мгновение в образовавшуюся пробку воткнулся маленький голубой пикап.

Тем временем внезапно стартовавший от обочины "шевроле" уже вырулил на проезжую часть и мчался по улице на полном газу. Вслед за ним катился по асфальту хромированный колпак с колеса "крайслера".

- "Шевроле"! - крикнул кто-то, перекрывая непрекращающийся вой машин. Стреляли из "шевроле"!

Резкий запах пороха заполнил комнату. Санчес отвел ствол автомата от амбразуры в оконном стекле и спокойно, как в тире, ждал, что скажет Гинзел о

результатах его стрельбы.

Разрывные пули автоматной очереди отбросили тело Пирс немного дальше, чем рассчитал Гинзел, и он даже не сразу увидел ее.

Марта Пирс лежала на спине, повернув голову набок, широко раскинув руки и ноги. В затылке зияла огромная дыра, Гинзел отчетливо увидел это в бинокль.

- В яблочко, - прокомментировал он.

В то же мгновение одна из полицейских машин, включив сирену и красную мигалку на крыше, рванулась вслед за белым "шевроле".

- Будь моя воля, я бы заодно пришел и Фицпатрика...

- А раньше ты не мог об этом сказать?! - Санчес с раздражением загнал новую обойму в автомат и поднял приклад к плечу.

- Спокойно! - Гинзел опустил бинокль и строго взглянул на Санчеса. Старик строго-настрого приказал провести всю операцию как снайперскую стрельбу по одной цели. Он и так придет в ярость, когда узнает, что ты уложил еще нескольких легавых...

Оба сняли перчатки и вытерли потные руки о покрывало с кровати. Затем подобрали свои шляпы, пустой чемоданчик-дипломат, газету "Уолл-стрит джорнэл" и в последний раз глянули в окно.

По обеим сторонам улицы начала собираться толпа, машины застопорили движение, некоторые водители даже взобрались на бамперы машин, чтобы лучше все видеть.

Рукой, обернутой платком, который он вытащил из нагрудного кармана пиджака, Гинзел осторожно отодвинул задвижку, и, тихо притворив за собой дверь, двое мужчин вышли в пустынный коридор. Выбравшись из гостиницы через черный ход, они пять минут спустя уже сидели в такси и мчались в международный аэропорт Майами, только теперь каждый из них стал богаче на двадцать тысяч долларов по сравнению с той минутой, когда они переступили порог гостиницы.

- Так или иначе, но у нас по крайней мере есть теперь ордер на арест, объявил Доэрти, входя в следственное помещение Главного управления полиции, занимавшее современное здание из кирпича и бетона в центре Майами. - Мы арестуем его за отказ предстать перед правосудием.

- За отказ предстать перед правосудием?! - Фицпатрик с нескрываемым изумлением обвел глазами прокуренную комнату в надежде, что кто-то подтвердит, что он ослышался. Однако опровержения не последовало.

Доэрти придвинул к себе кресло и плюхнулся в него.

- Этого вполне достаточно, чтобы начать переговоры о выдаче преступника американским властям...

- А поскольку врачи Снэйта утверждают, что состояние здоровья не позволяет ему прибыть для дачи показаний, процедура выдачи может затянуться на долгие годы, - заметил Липпенкотт. - Он же тем временем уничтожит все улики, на основании которых мы могли бы упрятать его за решетку. Более важно сейчас другое: что он сделает с молодой женщиной?

Доэрти пожал плечами.

- Об этом надо было думать раньше, прежде чем начинать свои дурацкие фокусы, которые заставили Пирс расколоться.

Липпенкотт вынул длинную тонкую сигару и потянулся за коробкой спичек, лежавшей перед Доэрти.

- Надо же быть таким ослом, чтобы лишиться главного свидетеля! Ну да ладно. А

что с водителем белого "шевроле"? Ведь этот тип, черт побери, наверняка из одной шайки с теми, кто стрелял в Пирс!

- Угу. - Доэрти прикурил новую сигарету от только что выкуренной, которую он бросил на пол и притушил каблуком. - И ты и я отлично знаем это. Однако водитель - его фамилия Кэйхилл - упорно твердит, что остановился у гостиницы просто купить коробку сигар, а когда увидел жуткую сцену на противоположной стороне улицы, со страху поспешил смыться. Нам крупно повезет, - добавил он угрюмо, - если мы сумеем привлечь его хотя бы за создание аварийной ситуации и превышение скорости...

- Но ведь Пирс призналась, что вместе со Снэйтом виновна в похищении и убийстве людей! - взорвался Фицпатрик. - Она же подробно рассказала, как они обдeldывали свои делишки. Назвала фамилии, даты, указала место действия. И после всего этого вы не находите ничего лучшего, как обвинить Снэйта в том, что он не явился для допроса в полицейский участок или как это у вас там называется?.. Бог ты мой, ну и дела!

Доэрти кивнул.

- Все правильно, - сказал он мрачно. - Кстати, сынок, тебе полезно кое-что знать: если бы даже Пирс перед тем, как давать показания, знала о своих правах - а эти показания, имейте в виду, были получены вами в нарушение четвертой поправки к конституции, - все равно без доказательств того, что преступления, в которых она обвиняется, действительно имели место, мы не сможем вынудить Снэйта предстать перед судом и уж тем более - не можем засадить его за решетку.

Вскочив с места, Фицпатрик начал натягивать пиджак.

- Куда это вы собрались? - осведомился Доэрти.

- Сегодня я вам больше не нужен?

- Уж не надумали ли вы позвонить в свою газету, чтобы передать материал об этой истории?

- А что, нельзя?

- Боюсь, что нет. Мы еще не решили, что делать дальше, и пока все это не подlezит огласке.

Фицпатрик с сомнением покачал головой.

- Вряд ли это удастся, - сказал он, направляясь к выходу. - В вашей стране такие новости не утаишь...

- Кстати, Берни, - сказал один из находящихся в комнате агентов ФБР, поскольку эти господа проходят по делу свидетелями, может, учитывая обстоятельства, их следует поместить под круглосуточную защиту полиции? - Он подмигнул. - Надеюсь, ты меня понимаешь?

Фицпатрик попытался было протестовать, но тут раздался телефонный звонок, и дежурный полицейский попросил Доэрти к телефону.

- Вам звонят от прокурора судебного округа.

Доэрти тихо выругался.

- Узнай, что им от меня надо.

Полицейский некоторое время слушал своего собеседника, а затем, прикрыв трубку рукой, сказал:

- Вы, может, лучше сами поговорите. Оказывается, у нас есть соглашение о взаимной выдаче преступников с Багамскими островами, а вот с островами Абако - нет.

Доэрти нахмурился и повернулся в своем крутящемся кресле.

- Абако? Какого черта дались им эти острова Абако?

Полицейский протянул ему трубку.

- Остров Гиппократ, где окопался Снэйт, является частью группы островов Абако. И вот окружной прокурор говорит, что вряд ли нам удастся добиться выдачи этого негодяя!

27

Вместе с Липпенкоттом и охранником из ФБР Фицпатрик сидел перед телевизором, делая вид, будто с интересом смотрит старый вестерн.

На самом же деле он ломал голову над тем, как спасти Клэр. Эта мысль пришла к нему сразу, как только он узнал, что ни США, ни Англия не имеют с Абако соглашений о взаимной выдаче преступников. И если поначалу такой шаг казался ему героическим, но нереальным, то теперь с каждым днем он утверждался во мнении, что никто другой не способен вызволить Клэр с острова Гиппократ.

Правда, ФБР считало, что в данный момент Клэр находится в большей безопасности, чем когда-либо с момента ее похищения ("Снэйт не посмеет и пальцем ее тронуть, - сказал представитель ФБР Фицпатрику, - ведь теперь она для него незаменима как заложница"), тем не менее его это не убедило. Если никаких попыток арестовать Снэйта не будет предпринято до тех пор, пока он не совершит ошибки (что, в общем-то, весьма маловероятно) и не окажется в стране, с которой США имеют соглашение о выдаче преступников, - для чего ему вообще тогда заложница?

Яхта "Марлоу" стояла на якоре у причала в конце сада. Топлива в баках было вполне достаточно, чтобы добраться до острова, и к тому же Фицпатрик был опытным моряком - о чем ФБР даже не подозревало. Если бы ему удалось ускользнуть незаметно из дому ближе к полуночи, то в момент, когда обнаружат его исчезновение, Фицпатрик уже будет находиться в территориальных водах Абако, а там американские пограничники ему не страшны. Вооруженный револьвером Липпенкотта, он захватит в плен Снэйта, потребует освободить Клэр и вместе с ней вернется в Майами на вертолете Снэйта.

Теоретически все было просто, но Фицпатрик знал, что на самом деле это далеко не так. Район моря, который ему предстояло пересечь, известен во всем мире как один из самых сложных для мореплавания: тут и отмели, и песчаные банки, и подводные скалы, и приливные волны. А кроме того, даже если ему удастся благополучно добраться до острова, трудно будет незаметно проскочить мимо этих проклятых растений.

Интересно, действительно ли растения реагируют на человека в стрессовом состоянии, или же, как считает Липпенкотт, они просто выполняют функцию какой-то ультрасовременной, дурацкой системы оповещения? Фицпатрик старался убедить себя, что растения - это всего лишь часть неодушевленной природы, но то, что многие ученые придерживаются иного мнения, не давало ему покоя. Ведь уже несколько ученых в мире: Элдон Бирд из лаборатории ВМС в Мэриленде, Иван Гунар, заведующий кафедрой физиологии растений Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве, и Марсель Фогель, химик-аналитик из концерна ИБМ, успешно повторили большинство опытов, поставленных Кливом Бэкстером.

И если растения действительно реагируют на стресс, то это означает, что ему не удастся проскользнуть мимо них незамеченным. От одной этой мысли Фицпатрика бросало в жар.

Правда, люди научились справляться со стрессом, и доказательство тому широко распространившееся увлечение всевозможными курсами по обучению методам медитации и бум в продаже домашних установок для биообратной связи. Однако, как считал Фицпатрик, у него уже нет времени осваивать методы медитации, и, даже если удастся добыть биоустановку, не вызвав подозрений ФБР, пройдет немало времени, прежде чем он научится пользоваться ею и сможет применить установку в экстремальных условиях, с которыми неизбежно столкнется на острове Гиппократ.

Итак, остается один путь: если, несмотря на все препятствия, ему удастся достичь острова, бороться со стрессом придется при помощи медикаментов. Одним из средств, угнетающе действующих на центральную нервную систему, является нембутал. Если минут за пятнадцать до того, как сойти на берег, принять две стомиллиграммовые капсулы нембутала, он предотвратит стресс и избавится от ощущения тревоги. Правда, в течение двух часов после этого он будет не в состоянии что-либо делать. Но тут он вспомнил, что амфетамин часто используется врачами как противоядие при отравлении снотворным. Как и некоторые его коллеги журналисты, Фицпатрик всегда имел при себе метадрин на случай, если попадется какой-либо сенсационный материал и понадобится работать без сна и отдыха несколько суток. Может быть, как только он минует эти растения, ему следует принять пару таблеток метадрин? По идее эти медикаменты должны оказать взаимокомпенсирующее действие: он избежит и чрезмерного возбуждения, и сонливости.

И все же безумие - вообразить, будто он сможет справиться со Снэйтом в одиночку! Однако Фицпатрик убедил себя, что это возможно. Если подобная операция вообще реальна, то ее может осуществить только один человек. Чем больше людей будут в нее вовлечены, тем больше шансов, что их обнаружат и поднимется тревога.

Итак, что же делать: пойти на заведомый риск и сложить голову на чужбине или же сидеть и ждать?

И Фицпатрик решил рискнуть. Или по крайней мере начать готовиться к путешествию. В конце концов, не исключена возможность, что власти сами найдут способ спасти Клэр до того, как он пустится в плавание.

Фицпатрик громко объявил: что фильм ему наскучил и он отправляется спать. Однако, поднявшись в свою комнату, он принял таблетку метадрин и начал разрабатывать подробный план операции. Наутро у него уже готова была схема действий, где каждому его шагу соответствовал определенный квадратик "за" и "против", и все квадратики были соединены между собой стрелками.

Ему еще предстояло проработать некоторые детали: придумать, как пересечь полосу песка, не оставив следов; узнать, где Липпенкотт хранит ночью свой револьвер и патроны, и, чтобы удалиться с чистой совестью, выяснить, застрахована ли яхта. Он оставит одно письмо для Липпенкотта и второе с пометкой: "Отправить в случае моей смерти" - для родителей. Надо бы оставить новое завещание (то, что хранится у его душеприказчиков в Лондоне, составлено до того, как он познакомился с Клэр, и, согласно этому завещанию, все его имущество должно перейти к родителям). Однако, чтобы составить новое завещание, понадобятся свидетели, а это непременно вызовет подозрения. Поэтому сейчас ничего иного не остается, как просить родителей рассчитаться с Липпенкоттом за яхту из денег, вырученных от продажи его имущества, а остаток отдать Клэр, если она будет к тому времени жива.

Фицпатрик когда-то был верующим католиком. Теперь же он с удивлением заметил, что мысли о возможной смерти как бы вновь раздули веру в его душе. Он

даже всерьез задумался: не вернуться ли в лоно церкви, но тут же выкинул эту идею из головы. Успех операции целиком зависит от удачи, да еще от его умения сохранять хладнокровие.

28 сентября незадолго до полуночи Фицпатрик тихо вышел из дома. В карманах брошенной на плечи штормовки лежал револьвер Липпенкотта и коробка патронов тридцать восьмого калибра. Он нес фирменную авиационную сумку, в которой были продукты, нож и карманный фонарик.

Пока все шло точно по плану. Этот вечер Фицпатрик провел как и два предыдущих: вместе с Липпенкоттом и охранником из ФБР играли в покер. Без четверти одиннадцать он вышел в кухню и вернулся с тремя кружками кофе. Поскольку накануне вечером игра затянулась допоздна - они закончили где-то около трех, - никого не удивило, что охранник вдруг начал отчаянно зевать. Немного погодя и Липпенкотт, потянувшись, заявил, что устал и хотел бы лечь пораньше.

Никто из них, конечно, не подозревал, что в кофе, который они только что выпили, Фицпатрик высыпал восемь стомиллиграммовых капсул нембутала.

К моменту, когда он переоделся и готов был выйти из дому, оба уже крепко спали - Липпенкотт в своей кровати, а бдительный страж - растянувшись в кресле перед телевизором.

Пройдя по саду под громкий аккомпанемент цикад, Фицпатрик вышел к пирсу. Вопреки прогнозу погоды, обещавшему грозовые дожди, небо было ясное и ярко сияли звезды. Поднявшись на борт яхты, Фицпатрик отпер дверь рубки и включил освещение. Он хорошо запомнил, где что находится: за рулевым колесом - приборная доска, на которой расположены масляный манометр, термометр, указатель уровня топлива, вольтметр, тахометр и амперметр. Помимо обычного компаса в рубке был еще и радиокompас, а также эхолот и электромагнитный лаг. Слева от рулевого колеса стоял стол с картами для прокладки курса, справа - судовой приемник-передатчик, работающий на двенадцати частотах, и шкафчик, в котором, помимо всего прочего, был набор сигнальных флагов, сигнальная лампа и коробка ракет на случай аварийной ситуации. Над скамьей висело несколько самонадувающихся спасательных жилетов с надписью: "В случае потери сознания переворачивает в воде лицом вверх".

Разложив свои вещи в рубке, Фицпатрик открыл ящик стола, вытащил параллельную линейку, циркуль, карандаш, резинку, таблицы приливов, четыре навигационные карты и принялся прокладывать курс.

Если не превышать установленную скорость и пройти по фарватеру, отмеченному буями, то выйти из порта будет несложно. Большую часть времени яхта должна идти по курсу параллельно дамбе Макартура, а выйдя из гавани, пройти между двумя буями, внутренним и внешним, после чего взять курс на следующий ориентир - маяк на острове Большой Исаак, самом северном из входящих в группу островов Большой Багамы. Однако осуществить все это будет не так просто: морская карта "Мыс Канаверал - Ки-Уэст" предупреждала о возможном магнитном склонении от трех до шести градусов в районе между заливом Юпитера и рифом Молассес. При этом надо учесть, что с севера проходит Гольфстрим, несущий свои воды со скоростью от двух до трех с половиной узлов. Проделав все необходимые расчеты, Фицпатрик обратился к другой карте - "Багамские острова и острова Абако". Когда остров Большой Исаак останется за кормой, он изменит курс и, пройдя по фарватеру северо-западного пролива Провиденс, обогнет южную оконечность острова Большой Абако. Согласно расчетам, он должен прийти на якорную стоянку Хоул завтра в половине третьего. Там

он поест, пристреляет револьвер Липпенкотта и поспит до захода солнца. А затем ему предстоит преодолеть заключительный отрезок пути и подойти к острову Гиппократы вскоре после полуночи.

Прокладывание курса заняло больше времени, чем предполагал Фицпатрик, поэтому он решил пренебречь инструкцией, которая требовала опробовать все оборудование, пока судно еще стоит на якоре, и немедленно двинулся в путь. Выйдя на палубу. Фицпатрик отдал носовые и кормовые швартовы. Поскольку ему приходилось одновременно выполнять обязанности и рулевого, и палубного матроса, он решил не сматывать пока швартовы и наружные кранцы, а сделать это потом.

Быстро вернувшись в рулевую рубку, Фицпатрик включил навигационные огни и нажал на кнопку стартера. Радуюсь, что не разбудил спящих в доме, он подал яхту сначала немного назад, затем включил переднюю скорость и тихо отвалил от пирса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В конце концов правопорядок
подменяется волонтаристским
администрированием.
Вольфганг Фридман.

Закон в изменяющемся обществе

28

Мадж Форрестол уже слышала о том, что случилось. Поэтому, когда ее муж начал снова пересказывать всю историю президенту и его супруге, она позволила себе погрузиться в собственные мысли.

Президент принимал гостей в небольшой бело-голубой столовой, расположенной в восточном крыле Белого дома. Эта комната с роскошной хрустальной люстрой XVIII века, обклеенная обоями с изображением событий Американской революции, всегда нравилась Мадж Форрестол, и если все планы сбудутся, она почти ничего менять в ней не станет. Что же касается комнаты, где перед обедом им подавали аперитивы, тут еще надо подумать. Пожалуй, туда стоит перевесить картину Сезанна, которая висит сейчас в желтой овальной комнате, а также заменить коричневые портьеры зелеными - в соответствии с оттенком зелени на картине.

- Боже мой! - воскликнул президент, откинув упавшую на лоб прядь седых волос.
- Вам доподлинно известно, что этот Снэйт умерщвлял людей, чтобы получать органы для трансплантации? И это происходило в Майами?

Форрестол кивнул.

- Тут замешан не только Снэйт, но и некоторые ведущие хирурги страны, четко произнес он с акцентом, выдававшим выходца из Новой Англии.

В одном из последних фильмов роль Форрестола исполнял Роберт Редфорд. Все сошлись во мнении, что сыграл он эту роль отлично, выглядел на экране таким же молодежавым, как и министр юстиции, держался с такой же непринужденностью и в общем был весьма привлекателен.

- Быть не может! Вы шутите? - воскликнул президент.

- Нет, не шучу. Снэйт по основной своей специальности хирург-кардиолог, поэтому, когда нужно было пересадить, скажем, почку, он приглашал одного из ведущих хирургов-урологов. Аналогичная картина и с печенью или с...

- Минуточку! - перебил Форрестола президент, и на лице его внезапно появилось выражение озабоченности. - Вы что же, утверждаете, будто эти хирурги действовали заодно со Снэйтом и связаны с ним одной веревочкой?

- Вовсе нет. Он все так хитроумно разработал, что остальные хирурги ничего не должны были знать. От них требовалось лишь сделать операцию, ничем не отличающуюся от тех, какие они делают едва ли не каждый день: пересадку определенного органа из организма донора с уже омертвевшим головным мозгом в полном соответствии с правилами, существующими в медицинской практике.

- Ну, пожалуйста, дорогой, - сморщив носик, взмолилась супруга президента, - может быть, не стоит говорить о таких вещах за ужином?

Мадж Форрестол вышла из своего мечтательного забытья.

- Это все Хэнк, это он во всем виноват, - сказала она, взглянув на мужа с лукавой укоризной. - Ему не следовало рассказывать сейчас эту историю.

Президент сочувственно улыбнулся, но переменить тему разговора не захотел.

- Ну и что же с Манчини? Ему сделали пересадку?

Форрестол отрицательно покачал головой.

- После того, что произошло, сделать ему пересадку было бы для Снэйта равносильно самоубийству.

Улыбка президента погасла.

- Жаль. Ведь тогда мы могли бы обвинить его в соучастии в заговоре с целью убийства.

- Обвинить его можно хоть сейчас, - отозвался Форрестол, поднося ко рту вилку с куском ярко-красного ростбифа. - Трудность заключается только в одном - доказать, что Манчини знал, откуда Снэйт берет органы для пересадки.

- Ну а что стало с дружкой Клэр Теннант? - спросил президент.

- С Фицпатриком? - Лицо у Форрестола вытянулось. - Точно не известно. Вчера утром яхта "Марлоу" была обнаружена в шестидесяти милях к северо-западу от Большой Багамы. На борту - никого...

- Что вы говорите! - воскликнула супруга президента, прижимая к губам салфетку. - Бедняга!

Президент, крякнув, спросил у Форрестола:

- А он опытный моряк?

- Похоже, что да. И весьма!

- Ну, даже если и так, - сказал президент, вспомнив времена когда он сам служил в военном флоте, - то мне лично не хотелось бы в одиночку идти на яхте в этом районе...

- А как вы думаете, что с ним случилось? - обратилась к Форрестолу супруга президента.

- Неизвестно. Яхта была в целости и сохранности, и все вещи, включая револьвер Липпенкотта и спасательную шлюпку, оказались на месте. Ни следов борьбы, ни пятен крови. Ничего подозрительного.

- Наверняка все газеты Майами называют это происшествие "новой загадкой Бермудского треугольника"...

Президент улыбнулся.

- Очевидно, - сказал он, подливая всем вина. - Уверен, что один из заголовков выглядит так: "Исчезновение журналиста, напоминающее загадку корабля "Мария Селеста"".

- Кстати, если не ошибаюсь, один из репортажей именно так и был назван, - сказал Форрестол, поднося бокал к носу, чтобы оценить букет вина. Он считал себя знатоком коллекционных вин, и "бордо", которым угощал их президент, показалось

ему, позволяющему себе пить в очень редких случаях, необыкновенно вкусным.

- А мне очень жаль этого молодого человека, - сказала супруга президента. - Он поступил как настоящий романтик...

- Романтик, но дурак, - отозвался президент. - Глупость, да и только...

- Все равно... - Супруга президента была растрогана. - Как по-вашему, что с ним могло случиться? - спросила она Форрестол.

- Вероятно, он вышел на палубу без страховочного конца, поскользнулся и упал за борт, - поспешил опередить министра юстиции президент. - А если яхта к тому же шла полным ходом... - Он выразительно пожал плечами.

- Возможно, вполне возможно, - сказал Форрестол. Взяв в руки вилку и нож, он снова принялся за еду. - Правда, я в этом абсолютно не уверен...

Президента явно заинтриговала эта история.

- Уж не считаете ли вы, Хэнк, что его утащил гигантский осьминог?

- В гигантских осьминогов сейчас никто уже не верит - мода на них прошла. Сейчас все говорят о летающих тарелках!

Присутствующие нервно рассмеялись.

- Существует предположение, что Фицпатрик все же достиг острова и сошел на берег. - продолжал Форрестол уже вполне серьезно. - Мы расспросили одного больного, который только что вернулся с острова, и тот рассказал, что действительно в ночь на воскресенье была предпринята попытка прикончить Снэйта. Все слышали какую-то возню, а на следующий день на вертолетной площадке были обнаружены следы, похожие на пятна крови. Вот и все, что нам пока известно. Если, правда, не считать того, что в течение двух дней после этого инцидента Снэйт не появлялся на людях, - добавил министр юстиции. Когда же он наконец появился, на лице его красовался здоровенный синяк и он слегка прихрамывал. Он сказал, будто упал в лаборатории с лестницы...

- Ну что ж, - философски заметил президент, отхлебнув из своего бокала. - Когда вы собираетесь потребовать выдачи этого Снэйта?

- Потребовать его выдачи? - нахмурился Форрестол. - Нам не удастся его заполучить. Я полагал, вы знаете об этом.

Президент был явно ошарашен.

- Я ничего об этом не знаю! А почему мы не сможем добиться его выдачи?

- Вы, наверное, забыли, господин президент, я вам уже докладывал, что года два назад острова Абако объявили о своей автономии. Факт сам по себе незначительный, но по сей день ни одна из крупных держав, включая США, не признала Абако в качестве независимого государства. Мы направили правительству Багамских островов все необходимые документы, а также просьбу о выдаче Снэйта, но, вынужден признаться, оно и знать ничего не желает.

- Черт побери! - Президент пощипал отвисшую складку под подбородком. А кто-нибудь подумал о том, чтобы переговорить об этом с английским министром по делам содружества наций? Ведь и Фицпатрик, и Теннант британские подданные. Может быть, этот министр сумеет оказать давление на правительство Багамских островов?

- Мы использовали все каналы, - ответил Форрестол, - но ничего не добились. Что касается правительства Багамских островов, то нажимать на него и требовать выдачи Снэйта после того, как острова Абако объявили о своей автономии, - дело политически щекотливое...

Президент в раздражении бросил салфетку на стол.

- Какого черта, Хэнк, почему вы раньше меня об этом не проинформировали? Как только эта история станет достоянием общественности, популярность закона о контроле над оружием резко пойдет на убыль.

- События в Майами никоим образом не связаны с принятием закона, улыбнулся Форрестол.

- Что значит "не связаны"! - взорвался президент. - Связаны, да еще как! Ведь мы уверяем общественность, что при наличии централизованной и достаточно профессиональной полиции населению нет нужды держать у себя оружие. Сдайте свое оружие, призываем мы всех, и Америка станет гораздо более спокойной и цивилизованной страной. И вот в тот самый момент, когда все больше людей начинают принимать нашу точку зрения, становится известно, что одно из самых злодейских преступлений совершалось у нас под носом и власти бессильны предпринять что-либо против преступников!

- Но позвольте! - Глаза Форрестола под голубыми контактными линзами блеснули. - Даже если бы каждый гражданин Соединенных Штатов, включая малых детей, был вооружен до зубов, все равно это не помешало бы Снэйту обделывать свои грязные делишки и оставаться безнаказанным.

Президент помрачнел.

- Все так. Но попробуйте втолковать это обывателю после того, как торговцы оружием преподнесут ему эту историю в выгодном для себя свете. Да, Хэнк, дело дрянь. Имейте это в виду!

Чувствуя, что атмосфера в комнате накалилась как перед грозой, супруга президента решила разрядить обстановку.

- А скажите, Хэнк, если этот Снэйт живет на Абако, почему мы не направим требование о его выдаче абаканцам? - спросила она, мило улыбаясь.

Президент кивнул. Дельный вопрос, жаль только, что он сам до этого не додумался.

- Действительно, - сказал он, - наверняка международное право не запрещает одному государству требовать выдачи преступника у другого государства даже в случае отсутствия специального на то соглашения.

- Конечно, запрета такого нет, - ответил Форре стол. - Но дипломаты очень щепетильно относятся к факту косвенного признания формально непризнанных государств, и в связи с этим государственный департамент опасается, что мы можем скомпрометировать себя, обратившись непосредственно к правительству Абако.

- Каким же образом вы себя скомпрометируете? - спросила супруга президента.

Форрестол на секунду задумался.

- Лучше всего я смогу вам это объяснить, если расскажу одну историю, случившуюся во время второй мировой войны, - начал он. - Генерал де Голль решил послать гориллу, пойманную во Французской Экваториальной Африке, в подарок президенту Рузвельту. Как только дипломаты в госдепе узнали об этом, они очень забеспокоились: дело в том, что мы еще не признали тогда правительство де Голля в изгнании. Госдеп считал, что принять подарок означает косвенно признать его. С другой стороны, они отдавали себе отчет в том, что отказ глубоко обидит де Голля. К счастью, сама горилла помогла решить эту проблему - она подохла по дороге в Штаты...

- Как жаль! - воскликнула Мадж Форрестол, абсолютно не понимая, к чему ее

муж рассказал эту историю.

- Так уж повелось, - продолжал Форрестол, - государства обычно не признают территорию, объявившую о своей независимости - и примером тому случай с островами Абако - до тех пор, пока режим не утвердит себя. Например, ни одно государство мира не признавало наши южные штаты во время Гражданской войны...

Он умолк, поскольку появились официанты, начавшие менять сервировку перед следующим блюдом.

- А вот и десерт, - сказала супруга президента. - Надеюсь, все любят ореховый торт?

Дворецкий, наклонившись, что-то прошептал ей на ухо.

- Ой, простите, - воскликнула первая леди, - кажется, орехового торта не будет, будет апельсиновый.

- Хэнк, я несколько погорячился, - неожиданно сказал президент, смягчившись. - Но мы должны найти какое-то решение, чтобы этот сукин сын Снэйт предстал перед Большим жюри, и как можно скорее.

Форрестол вздохнул.

- Конечно, вы правы, и я прекрасно это понимаю. Но, - он пожал плечами, - мы ничего не сумеем предпринять до тех пор, пока Снэйт не окажется в какой-нибудь стране, с которой у нас есть соглашение о выдаче преступников. Без этого я и представить себе не могу, что мы сможем сделать...

Президент задумчиво жевал.

- Хэнк, напомните-ка мне, - проговорил он, нарушив тяжкую тишину, воцарившуюся за столом, - каким образом израильтянам удалось вывезти Адольфа Эйхмана из Аргентины?

Форрестол и супруга президента обменялись недоуменными взглядами.

- Они... они похитили его, - ответил Форрестол осторожно. - Но, господин президент...

- Минуточку, Хэнк, - перебил его президент, все еще не отрывая глаз от тарелки. - А что было потом? - Он помахал в воздухе ложечкой. - То есть после того, как они его похитили?

- Дело это давнее, - начал Форрестол, тщательно подбирая слова, - но, насколько я помню, Аргентина потребовала его возвращения, а Израиль ответил отказом. Потом вопрос этот обсуждался в Совете Безопасности ООН, который потребовал от Израиля, если я не ошибаюсь, "возмещения ущерба в соответствии с Уставом ООН и международным правом".

- Но этого не сделали? - спросил президент.

Форрестол покачал головой.

- Израильтяне утверждали, будто Эйхман покинул Аргентину по собственной воле. Помимо всего прочего, было неясно, кто были его похитители - являлись ли они частными лицами, действовавшими по собственной инициативе, или совершили эту акцию с молчаливого согласия правительства Израиля. На самом деле это были, безусловно, агенты израильской службы безопасности...

- Безусловно! - с улыбкой заметил президент.

- В общем, все кончилось тем, что оба правительства опубликовали совместное заявление, из которого следовало, что они считают инцидент исчерпанным. Как вам хорошо известно, Эйхмана никто и не думал возвращать и никакого "возмещения ущерба" произведено не было.

Президент отодвинул тарелку и закинул руку за спинку стула.

- Следовательно, можно похитить человека в нарушение всех законов и выйти сухим из воды! - объявил он, очень довольный собой.

- Господин президент, - начал Форрестол, укоризненно покачав головой, если вы задумали то, что я предполагаю, лучше забудьте об этом. Арест скрывающегося от правосудия преступника официальными представителями одного государства на территории другого является *prima facie** нарушением международного права.

* Прежде всего (лат.).

- Пусть так. А скажите, американские судебные органы смогут вершить правосудие над лицом, доставленным в суд в нарушение международного права? спросил президент.

- Мне кажется, что подобные прецеденты уже были, но я должен это уточнить, - отозвался Форрестол без особого энтузиазма. - Я также должен уточнить, обладает ли лицо, арестованное в обход закона, правом возбудить судебное дело против лиц, виновных в его незаконном аресте и задержании... Извините, я не могу сию минуту удовлетворить ваше любопытство, поскольку вопросами международного права занимается мой заместитель.

- Прекрасно! - воскликнул президент, внезапно обрывая разговор. Он отодвинул стул и встал. - Не хотите ли пройти в соседнюю комнату, где нас ждет кофе?

- Черт побери, кажется, удалось! - воскликнул Форрестол, в волнении шлепнув руками по рулевому колесу своего "роллс-ройса" кофейного цвета. И протянув руку, сжал пальцы жены. - Ты знаешь, я уверен, что удалось!

- Ух ты, - выдохнула Мадж с таким облегчением, словно она никак не могла перевести дух с того момента, как они вышли из Белого дома. Она медленно повернула голову и посмотрела на мужа. - Знаешь, дорогой, мне иной раз кажется, что тебе нравится плести интриги ради самих интриг. Почему ты сразу не мог ему сказать, что, если ты не арестуешь Снэйта, тебе нечем будет похвалиться перед выборами?

- По трем причинам. Во-первых, он искренне верит во всю эту чушь, будто он и в самом деле президент с незапятнанной репутацией. И хотя мы оба прекрасно себе представляем, чем в действительности является закон о контроле над оружием - а ведь мне придется продолжать эту кампанию, - тем не менее об этом нельзя говорить вслух и даже вполголоса - как я это и делаю сейчас. Во-вторых, заручиться его поддержкой в таком щекотливом деле, как незаконный арест, далеко не просто - его к этому надо было подтолкнуть. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Мадж Форрестол закурила одну за другой две сигареты - одну для мужа, вторую для себя.

- И сказал Господь Моисею: "Враждуйте с мадианитянами и поражайте их..." - произнесла она.

- Именно так!

- Ну а в-третьих? - спросила Мадж, набрасывая на плечи белую норковую шубку.

- А в-третьих, если все это обернется против нас, я хочу, чтобы все узнали, что я не был ни горячим сторонником, ни противником этой идеи. Однако, - добавил он, - я не вижу причины, почему бы не попробовать. Во всяком случае, я получу прекрасную тему для предвыборных выступлений, а поскольку популярность президента к концу его пребывания на посту достигнет небывалого уровня, его поддержка моей кандидатуры будет дорого стоить. Совсем неплохо, а?

Машина остановилась перед красным светофором на углу Девятнадцатой улицы и Пенсильвания-авеню, и Форрестол, повернувшись, отбросил крышку плоского чемоданчика, лежавшего на заднем сиденье.

- Вот, посмотри, - сказал он, подавая жене папку с грифом "Секретно. Только для министра юстиции".

Мадж включила верхнюю лампочку и открыла папку.

- Это то самое дело?

Форрестол кивнул.

- Остров Гиппократ. Вчера я поручил отделению ФБР в Майами послать разведывательный самолет для облета и фотографирования острова.

Мадж поднесла фотографию поближе к свету.

- А что означают эти желтые точки?

- Это, дорогая, - сказал Форрестол, нажимая на педаль газа, - места возможного приземления группы специального назначения.

29

События разворачивались быстрее, чем предполагал министр юстиции. Уже на следующее утро, едва он вышел из-под душа, в ванной зазвонил телефон. Звонил президент.

- Послушайте, Хэнк, - начал он, - я не спал почти всю ночь и все думал о нашем вчерашнем разговоре. Вы знаете, что я решил?

- Что? - Форрестол постарался, чтобы в голосе его звучало искреннее удивление. - Вы о чем?

- Да все об этом Снэйте, черт побери. Я считаю, этого подлеца надо брать прямо на месте.

Вначале большинство советников президента выступило против идеи незаконного ареста Снэйта, причем Форрестол настаивал, чтобы арест рассматривался последним, а не первым из всех возможных вариантов.

Однако после того, как были одна за другой рассмотрены и отвергнуты все альтернативы, возражения против ареста ослабли. В тот вечер, заручившись наконец единогласной поддержкой советников, президент заметил:

- Какого черта, почему только израильтянам все сходит с рук, а нам нельзя?

После того как приняли решение об аресте, началась продолжительная дискуссия о практических путях его осуществления. Некоторые считали, что на остров следует направить специальную группу по борьбе с террористами. Другие, и в первую очередь директор ЦРУ, считали, что лучше осуществить операцию силами гражданских лиц, предпочтительно рекрутированных на Абако.

Наконец президент утвердил план операции, который он считал наиболее подходящим.

На рассвете 31 октября (с присущим ему нюхом на то, что может послужить сенсацией, президент настоял, чтобы начало операции перенесли на 48 часов назад, и назначил ее на канун дня Всех Святых) с эсминца "Холт" на берег должна сойти штурмовая группа, состоящая из солдат первого десантного батальона.

Операция получила кодовое название "Охота на ведьму". Провести ее следовало без излишнего шума и минимально используя военную силу. Президент дал следующие инструкции командиру штурмовой группы генерал-майору Марку Экланду, ветерану войны во Вьетнаме:

- Помните, вас посылают туда не за тем, чтобы убивать косоглазых. Вам поручена

полицейская операция - и пусть она такой и остается. Поэтому проследите, чтобы солдаты не раскрашивали свою форму под тигров и ничего не писали на касках.

Перед штурмовой группой ставилась задача захватить остров, освободить Клэр Теннант и, как гласило заранее заготовленное официальное коммюнике, "убедить д-ра Снэйта и некоторых из его помощников вернуться в США, чтобы помочь федеральным властям и властям штата в соответствии с законом провести расследование".

На основании данных аэрофотосъемки и другой разведывательной информации в форте Стюарт, штат Джорджия, был спешно построен очень точный макет острова Гиппократ. И там, в присутствии офицеров флота, десантники начали отрабатывать операцию по захвату острова.

А в Вашингтоне тем временем велась тщательная подготовка к возможным юридическим и дипломатическим последствиям этой акции. Все американские послы за рубежом были соответствующим образом проинструктированы, и в Вашингтоне специальная редакционная группа отработывала окончательный текст заявления, с которым президент обратится к согражданам вечером в канун дня Всех Святых.

И вот, когда до намеченной даты высадки оставалось всего пять дней, судьба решила нанести планам президента абсолютно непредвиденный удар.

Ураган "Хильда" начал свое существование вполне невинно - к западу от островов Зеленого Мыса образовалась зона пониженного давления.

Постепенно эта зона стала заполняться теплым влажным воздухом, и в атмосфере образовался гигантский пузырь, который начал подниматься вверх. А на освободившееся место устремился холодный воздух, который также стал нагреваться и насыщаться водяными парами.

В силу вращения Земли вокруг своей оси этот вертикальный столб воздуха стал медленно двигаться против часовой стрелки. Чем выше поднимался воздух, тем больше он охлаждался, пока не достиг точки росы. И тогда образовались грозовые тучи, хлынул тропический ливень. Скрытая энергия, значительно превышающая энергию термоядерного взрыва, все выше взметала столб воздуха, заставляя его вращаться быстрее и быстрее. Облачность предельно понизилась, а ветер все нагнетал тучи, которые, словно огромные черные покрывала, спиралью закручивались к эпицентру урагана.

Ветер быстро менял направление, и очень скоро он погнал тучи, словно в гигантской центрифуге, по замкнутому кругу. В огромной воронке, простиравшейся на триста миль, образовался "глаз" урагана - коридор шириной в пятнадцать миль и высотой в десять. Его "стенки" составляли бешено несущиеся облака, а внутри был неестественный штиль и ясная, солнечная погода. Атмосферное давление в эпицентре урагана было настолько низким, что волны океана "втягивались" в него, поднимаясь на несколько футов выше обычного.

Ураган "Хильда", набрав силу, двинулся со скоростью двенадцать миль в час в сторону американского континента.

Впервые он был замечен метеорологическим спутником 12 октября, и Национальный центр по наблюдению за ураганами сообщил о нем по телетайпу всем метеорологическим станциям от Майами до Сан-Хуана. К 14 октября ураган "Хильда" настолько продвинулся на запад, что на разведку был выслан специально оборудованный самолет С-130. На основании полученных данных метеорологическая станция в Сан-Хуане объявила, что начинает следить за продвижением урагана, и уже

через сутки предупредила о его приближении. Срочно началась эвакуация с островов, которые могли оказаться в опасной зоне, и общество Красного Креста открыло специальные убежища для переселенцев.

Впервые "Хильда" проявила себя в полную силу на вторые сутки над островом Барбадос. Внезапно резко упало давление, и тропический ливень обрушился на остров. Ветер дул с устрашающей силой, кругом стоял непрерывный рев, и волны, на восемнадцать футов выше обычного, затопили остров. Анемометры, пока их не снесло ураганом, зафиксировали скорость ветра до 190 миль в час. Ураган вырывал с корнем деревья, опрокидывал автомобили, крушил дома. К тому моменту, когда, промчавшись над Барбадосом и окружающими островками, ураган двинулся в сторону Карибского моря, на каждый квадратный километр суши выпало 600 миллионов галлонов осадков.

Предполагалось, что ураган пройдет южнее Ямайки, через пролив Юкатан и Мексиканский залив и достигнет континента в районе Галвестона, штат Техас. Однако, достигнув 15° северной широты и 70° западной долготы, ураган вдруг повернул на север и двинулся в сторону Гаити и Багамских островов.

Форрестолу сообщил об урагане "Хильда" дежурный госдепартамента, как раз когда министр садился ужинать в своем особняке в Джорджтауне. Через пять минут он уже был за рулем и направлялся в госдепартамент.

Поначалу разразились споры по поводу того, где должен расположиться центр по руководству операцией. Поскольку каждый понимал, что эта затея могла подмочить его репутацию, никто из руководителей правительственных учреждений не хотел быть слишком тесно с ней связанным. Например, государственный секретарь настаивал, чтобы командный пункт разместился в Пентагоне или на противоположном берегу Потомака - в Национальном центре управления военными операциями. Однако министр обороны заявил: поскольку операция "Охота на ведьму" является не военной, а скорее полицейской акцией, то пусть ею и руководят люди из министерства юстиции. Форрестол стал возражать, что его министерство не располагает ни достаточным помещением, ни другими условиями для ее руководства.

В конце концов вмешался сам президент и принял решение, чтобы руководство операцией осуществлялось из государственного департамента, поскольку именно ему придется отвечать за все ее последствия. А кроме того, государственный департамент располагает одним из лучших оперативных центров в Вашингтоне.

Созданный в 1961 году, оперативный центр представлял собой мощный банк данных, куда стекалась вся информация. Центр работал круглосуточно, без выходных дней и праздников. Сюда поступали как разведывательные донесения, так и телеграммы с грифом "срочная" или "молния" из американских посольств, миссий и консульств со всех концов мира; в периоды международных кризисов здесь проводили свои заседания командование вооруженными силами и дипломаты.

Улицы были запружены машинами, и, чтобы доехать до государственного департамента, Форрестолу потребовалось больше времени, чем он предполагал. Не желая попадаться на глаза репортерам, он вошел через дверь черного хода и в грузовом лифте поднялся на седьмой этаж.

Выйдя из лифта, он быстро зашагал по хорошо знакомому коридору, ведущему в оперативный центр. Возле дверей охранник, дежуривший в пуленепробиваемой будке, вручил ему розовый одноразовый пропуск и сообщил по телефону внутренней связи о его прибытии.

Дверь открыл человек, в котором Форрестол сразу узнал помощника старшего

дежурного, он проводил министра в главный зал заседаний.

Зал был уже полон народу. Во главе длинного стола из красного дерева, на котором был установлен макет острова Гиппократ, стоял сам президент. Рядом находились министр обороны, председатель объединенного комитета начальников штабов и молодой морской офицер с большим черным портфелем в руке.

Форрестол только начал пробираться к старшему дежурному, чтобы переговорить с ним, как президент попросил тишины.

- Итак, - сказал он, когда шум в зале утих, - прежде всего я хотел бы извиниться перед вами за то, что мне пришлось созвать вас после весьма трудного рабочего дня. Однако, как многим из вас уже стало известно, мы столкнулись с непредвиденной проблемой. Капризный, как женщина, ураган "Хильда" начал перемещаться в совершенно неожиданном направлении. Согласно последним прогнозам, менее чем через двое суток ураган обрушится на острова Абако! - Президент поднял руку, прося тишины. - В этой связи я бы попросил лейтенанта Келлермэна, находящегося здесь, - с этими словами президент повернулся в сторону морского офицера, - проинформировать вас о деталях. Как известно, лейтенант Келлермэн входит в качестве метеоролога в состав специальной группы, которой поручена разработка операции "Охота на ведьму". Прошу выслушать его, а затем обменяемся мнениями по поводу дальнейших действий. Если возникнут вопросы, лейтенант и его коллега из Национальной лаборатории по изучению ураганов постараются на них ответить.

Лейтенант Келлермэн, высокий, болезненно худой молодой человек с рыжими, стриженными бобриком волосами и гладким мальчишеским лицом, сплошь усыпанным веснушками, то и дело поправлял на носу очки без оправы и смущался оттого, что его ботинки при каждом шаге издавали скрип.

Розовый от смущения, Келлермэн шагнул к столу и, положив на него портфель, начал говорить. Почти сразу же из противоположного конца зала кто-то крикнул:

- Ничего не слышно!

Келлермэн откашлялся.

- А так лучше? - спросил он, а затем стал объяснять, почему он и другие метеорологи дали, как он выразился, "такого маху" с определением курса движения "Хильды".

Закончив десятиминутное вступление, он открыл портфель и, достав карту Карибского моря, повернул ее так, чтобы было видно всем присутствующим.

- В настоящий момент "Хильда" находится вот здесь. - Он указал на плотную сетку изобар южнее острова Гаити. - Ураган смещается к северу, северо-западу со скоростью приблизительно тринадцати узлов, так что завтра к восемнадцати ноль-ноль... - он неловко сложил первую карту и взял другую, на которой было отмечено перемещение "Хильды" к восточной оконечности Кубы, циклон придет вот сюда. Проблема сейчас заключается в следующем: как только ураган начнет входить в зону Старого Багамского канала, штормовой фронт, очевидно, передвинется к северу и достигнет островов Абако. По нашим расчетам, после восемнадцати часов высадка на острове Гиппократ с судов типа "амфибия" станет чрезвычайно опасной, если не невозможной.

- А нельзя ли попытаться опередить ураган? - спросил президент.

Вместо Келлермана президенту ответил адмирал со шрамом на лице:

- Даже если мы закончим всю подготовку завтра к рассвету, потребуется не менее восьми часов, чтобы дойти морем от Чарлстона до отмели Малой Багамы. А к этому

времени как прилив, так и остальные метеоусловия будут работать против нас.

- В таком случае, может, лучше отложить операцию и подождать, пока ураган не пройдет? - спросил государственный секретарь.

Президент вопросительно взглянул на Келлермэна.

- Если отложить операцию, - ответил тот, - придется выждать дней шесть-десять. Дело в том, что...

- Это слишком долго, - сказал президент. - Десять дней - это слишком долго.

При том, что столько людей было вовлечено в операцию, президента больше всего беспокоил вопрос секретности: помимо прямого предательства, любое неосторожно брошенное слово могло все раскрыть.

- Доктор Донэхью, - обратился президент к представителю Национальной лаборатории по изучению ураганов, - нет никакой возможности отвести ураган в сторону? Чтобы он обошел Багамские острова стороной?

- Вы имеете в виду - обработать облака йодистым серебром? - спросил седой импозантный мужчина с тростью.

- Минуточку! - вмешался возмущенный государственный секретарь. - Прошу прощения, господин президент, но мы до сих пор не можем развязаться с "Фиджи"...

- Развязаться? Я вас не понимаю.

Заместитель директора ЦРУ нервно откашлялся.

- Мне кажется, что, гм... сейчас не совсем подходящий момент и не то место...

- Прошу прощения! - сказал президент. И повернулся к государственному секретарю. - Вы, кажется, хотели что-то сказать? Мы слушаем вас!

- Не знаю, помните ли вы, как в семьдесят четвертом году ураган "Фиджи" надвигался на Майами... а потом внезапно изменил курс и направился к Гондурасу. В результате разрушений, причиненных ураганом, в Гондурасе погибло десять тысяч человек. Так вот, один геофизик из университета в Мехико утверждает, что он располагает доказательствами, будто наши люди из метеорологического центра "Штормфьюри" несут прямую ответственность за то, что ураган изменил направление. Он говорит, что таким образом мы отвели беду от Майами!

- Да это же просто смешно! - взорвался Донэхью. - В последний раз сотрудники этого центра рассеяли ураган "Джинжер" в семьдесят первом году!

Государственный секретарь только пожал плечами.

- Возможно, и так, я только хочу сказать, что, если нас заподозрят в каких-то фокусах с "Хильдой", нам несдобровать. Разразится грандиозный скандал! Пресса, черт бы ее побрал, и без того поносит нас за операции "Полай" и "Роллинг сандер".

- Ну хорошо! Все ясно! - сказал президент, жалея, что затронул эту тему. Он прошелся вдоль стола, присматриваясь к макету острова Гиппократ. А что, если доставить туда наше подразделение под командованием генерала Экланда воздушным путем? Высадить их завтра на рассвете вот на эту вертолетную площадку... - Он постучал пальцами по белому пластмассовому кружочку в южной оконечности острова. - Завтра к восходу солнца вы будете готовы, генерал?

Генерал-майор Экланд, высокий широкоплечий мужчина с худым волевым лицом и коротко стриженными волосами, начинающими седеть на висках, на секунду задумался. На его мундире под эмблемой воздушно-десантных войск виднелась орденская планка с набором наград за воинскую доблесть.

- Я думаю, да, - ответил генерал, по-южному растягивая слова. - Но это означает, что мое подразделение должно быть переброшено самолетом из Саванны, и к шести

ноль-ноль мы должны быть готовы. Каков прогноз погоды на завтра? - обратился он к Келлермэну.

- Прогноз неважный, по крайней мере для посадки вертолета. На рассвете в этом районе ожидается штормовой ветер.

У Экланда вытянулось лицо.

- Понятно...

Однако президент даже не думал отступить.

- А что, разве обязательно лететь вертолетом? Разве нельзя посадить обычный самолет на эту лужайку? - спросил он, указывая на зеленый квадратик перед зданием больницы.

Все молчали.

- Кто-нибудь может мне ответить?

Генерал ВВС пробрался сквозь окружение президента к столу и, надев очки в роговой оправе, стал внимательно изучать макет.

- В каком масштабе сделан этот макет? - спросил он.

Вопрос повис в воздухе.

- Рехнуться можно! Кто-то должен же это знать! Кто делал макет?

Старший дежурный поспешил к одному из телефонов, стоявших в глубине зала, и стал набирать номер.

- Четверть дюйма к футу, - сказал он через секунду.

Генерал ВВС безнадежно покачал головой.

- Сесть на такую площадку едва ли возможно, господин президент, особенно если учесть, что с севера к лужайке подступают деревья, а с юга здание лаборатории.

Старший дежурный приблизился к столу и протянул генералу линейку.

- Здесь всего двести шестьдесят на сто двадцать метров, и ни вершка больше, - сказал генерал, измерив макет. - Я абсолютно уверен, что это невозможно! Ни при каких вариантах!

- А если использовать транспортный самолет короткого взлета и посадки? - спросил президент.

- Тоже не пойдет. Даже если ему удастся с грехом пополам сесть, минуя деревья, то он неизбежно врежется в здание лаборатории. А если подлетать со стороны здания, это ничего не изменит, хотя дом и ниже деревьев. Правда, добавил генерал, - мы можем заранее ликвидировать деревья. Пошлем вначале истребитель "Фантом", он расстреляет деревья ракетами, а потом еще сбросит напалм, так что к подлету транспортного самолета...

- Нет, - твердо сказал президент, - я с самого начала предупреждал, что эта операция должна быть проведена с минимальным применением силы и минимальными разрушениями.

Генерал посмотрел на президента поверх очков.

- Но я же ничего такого и не имел в виду, я говорил только о деревьях, - сказал генерал обиженным тоном.

- А представляете, что будет, если пилот промахнется и вместо деревьев попадет в больницу?

Председатель Объединенного комитета начальников штабов вынул трубку изо рта и оглядел собравшихся.

- Минуточку, господа, не будем торопиться. Если нам стало известно, что ураган надвигается на остров, то, видимо, об этом знает и Снэйт. Почему мы так уверены, что

он останется на острове? На его месте я бы уже давно бежал оттуда, да так, что только пятки сверкали бы!

- Ну, ему не так-то просто убежать с острова, - сказал Форрестол. Улететь на самолете коммерческой авиакомпании он не может, потому что на Абако нет международного аэропорта. Если же он попытается улизнуть через Фрипорт или Нассау, там его возьмут в ту же секунду! - И он прищелкнул пальцами.

- Он может удрать морем!

- И это исключено, - парировал Форрестол. - В данном районе у нас нет взаимных соглашений о выдаче преступников только с Кубой и Гаити. Но надо быть круглым идиотом, чтобы рискнуть плыть туда на яхте, когда ураган приближается к Багамским островам!

- Кстати, а что с его пациентами? - спросил кто-то. - Ведь наверняка он постарается эвакуировать их куда-нибудь?

- Мы только что получили сообщение, что они уже начали прибывать в Майами, - сказал помощник директора ФБР, которого незадолго до этого подзывали к телефону. - Кстати, - добавил он, - наши люди арестовали Манчини для дачи показаний, хотя я не уверен, что нам удастся задержать его надолго. Этот сукин сын нанял целую свору адвокатов, и все они в один голос вопят, что его арест - нарушение неприкосновенности личности.

- А скажите, пожалуйста, доктор Донэхью, - обратился к нему генерал Экланд, указывая на макет, - как будет выглядеть этот остров после того, как по нему пройдет ураган?

- Согласно теоретической модели ураганных разрушений Елиснянского, на острове все должно быть сметено.

- Вы говорите "сметено". Это что же, в буквальном смысле?

- Здание лаборатории, возможно, устоит, поскольку оно, скорее всего, из железобетона.

- Совершенно верно, - сказал Экланд. - А что будет с ними? - Он указал на деревья вдоль северного края лужайки.

Донэхью снисходительно улыбнулся.

- К тому моменту, когда эпицентр урагана подойдет к острову, ветер сломает их, как спички.

- Кстати, расскажите нам о нем.

- А что, собственно, вас интересует? - переспросил Донэхью.

Генерал Экланд взглянул на Келлермэна.

- Здесь лейтенант докладывал, что эпицентр урагана, по предположениям метеорологов, будет шириной в пятнадцать миль и, по всей вероятности, пройдет прямо над островом. Вы согласны с таким прогнозом?

Донэхью осторожно кивнул, словно опасаясь какого-то подвоха.

- И погода в эпицентре урагана будет абсолютно ясной? Ни ветра, ни дождя?

- Ток воздуха пойдет к земле, но ощущаться это будет незначительно.

- Как долго остров будет находиться в эпицентре урагана?

- Наверное, около часа...

- Значит, около часа... - задумчиво произнес Экланд. - Ну хорошо, мы знаем, что разведывательный самолет может проникнуть в зону тропического урагана, лейтенант нам уже рассказал о таких полетах в зону урагана "Хильда". А что мешает нам послать транспортный самолет с группой в эту мертвую зону, когда она будет находиться над

островом? Сесть в безветренную погоду, когда деревья будут уже сломаны, проблемы не представляет. Да и сопротивление, которое может встретить наша группа, после нашего урагана будет значительно слабее.

Президент улыбнулся генералу благодарной белозубой улыбкой.

- Интересная мысль, генерал. Но, наверное, доктор Донэхью сейчас скажет, что самолет все равно не сможет приземлиться, поскольку лужайка будет покрыта обломками...

Донэхью кивнул.

- И к тому же залита водой после ливня, - добавил он.

- Мне, господин президент, все это понятно, - сказал Экланд. - Но я-то планирую воздушный десант. Он осуществит операцию, а потом расчистит дорожку, чтобы самолет мог сесть и забрать десантников.

Президент многозначительно поднял бровь.

- А ведь неплохая мысль! Чертовски неплохая! - Он окинул зал взглядом нет ли возражений. Возражений не было. - Ну что же, генерал. Считайте, мы договорились...

Донэхью, казалось, был потрясен.

- Но, господин президент, провести самолет в эпицентр тропического урагана - дело совсем не простое, для этого нужен летчик-ас!

Экланд вытащил из-под мышки пилотку, готовясь выйти.

- Ну так мы его добудем!

30

Роберт Кэнтрел нырнул под фюзеляж залитого светом прожекторов самолета "Буффало", который только что выкатили из ангара на территории военно-воздушной базы в Хоумстэде, и с грохотом открыл входной люк в кабину экипажа.

Кэнтрел, плотно сбитый мужчина средних лет с копной черных как смоль волос и висячими усами, был полковником ВВС и в условиях урагана налетал больше, чем кто-либо другой; тем не менее вначале он не был включен в группу, отобранную для проведения операции "Охота на ведьму", из-за возраста. Однако все его более молодые коллеги отказались добровольно взяться за это задание. Одно дело, говорили они, пролететь через ураган, и совсем другое - приземлиться в эпицентре, а потом взлететь с неподготовленной и залитой водой площадки, да еще когда кругом стреляют.

А вот у Кэнтрела отговорок не нашлось.

- Я готов лететь, - заявил он, - при условии, если мне хорошо заплатят и разрешат самому выбрать и тип самолета, и экипаж.

Глубоко вздохнув, Кэнтрел не без усилия влез в кабину, сбросил прорезиненный плащ и уселся слева, в кресло первого пилота. Сложив аккуратно все, что он принес с собой, - карты, фотографии, навигационные приборы, - он отрегулировал сиденье по отношению к педалям и надел наушники.

Согласно разработанному им плану полета, самолет должен был вначале достичь мыса Кеннеди, а там развернуться и направиться в сторону моря по магнитному азимуту 137. Таким образом, он не только войдет в зону урагана с попутным ветром, но и сумеет избежать встречи с самым опасным, правым, флангом "Хильды". Оказавшись в зоне урагана, Кэнтрел, целиком и полностью полагаясь на свой метеорологический радар, постарается отыскать эпицентр урагана. Согласно прогнозу, выданному компьютером, это произойдет как раз над островом Гиппократы. Если же эта информация ошибочна, ему самому придется определять, движется ли ураган по предполагаемому курсу с опозданием, или же курс его изменился. В первом случае он

будет вынужден сделать несколько кругов в эпицентре урагана, пока внизу не появится остров, во втором - придется прекратить выполнение задания и вернуться на базу.

При выборе типа самолета следовало учесть три главных момента: конструкция должна быть достаточно прочной для полета в зону урагана; технические характеристики самолета должны позволить приземлиться, а затем взлететь с поросшей травой лужайки длиной менее тысячи футов; должна быть предусмотрена и возможность прыжков с парашютом.

И Кэнтрел не раздумывая остановился на "Буффало". Подобно животному, чьим именем этот самолет был назван*, он славился тем, что мог выдерживать самые сложные условия.

* Buffalo - бизон (англ.).

Как только выбор был сделан, сразу возникла новая проблема: первоначально самолет этот разрабатывался по заказу американской армии, однако межведомственная борьба привела к тому, что уже к шестьдесят седьмому году ни американские сухопутные войска, ни ВВС не имели в своем распоряжении ни одного самолета этого типа.

Штабисты, разрабатывавшие операцию "Охота на ведьму", хотели позаимствовать самолет у ВВС Бразилии или Канады, но затем отказались от этого, боясь разглашения тайны.

На счастье, кто-то вспомнил, что один "Буффало" в свое время передали Управлению научных служб охраны окружающей среды, где его модифицировали и переоборудовали для высотной аэрофотосъемки.

И вот по личной просьбе президента "Буффало" был на время предоставлен американским ВВС. После героических усилий военных авиамехаников и гражданских инженеров из наземной службы аэропорта, которые работали без сна и отдыха, "Буффало" была возвращена прежняя оснастка и каркас самолета был дополнительно укреплен, чтобы он мог выдержать повышенные нагрузки, которые неизбежно возникнут при полете в зону урагана.

Однако укрепление каркаса и, следовательно, увеличение веса самолета имело и свою обратную сторону - пришлось уменьшить запас топлива и до минимума сократить количество участников операции. Учитывая то, что на обратном пути они должны будут взять на борт захваченных преступников, освобожденную заложницу и уйму вещественных доказательств, Кэнтрел согласился лететь только со вторым пилотом, а Экланд сократил состав своей группы до двадцати человек, включая и двух медиков.

Пока Кэнтрел пристегивался к креслу, в кабину влез второй пилот молодой темнокожий лейтенант из штата Теннесси по фамилии Новак. Как и Кэнтрел, он был в костюме защитного цвета и высоких ботинках. В кобуре кольт сорок пятого калибра.

- Все на борту?

Новак надел наушники поверх бейсбольной кепки цвета хаки и начал пристегивать ремни:

- Все уже давно сидят по коням, а кони в нетерпении бьют копытами!

Пилоты без промедления приступили к предполетной проверке - проверили приборы в кабине, вспомогательную энергосистему и исправность двигателя. Наконец все было завершено, и группа высокопоставленных лиц, пришедших их проводить,

отошла подальше от самолета.

Колодки убрали из-под колес, и, как только была дана команда запускать двигатели, Кэнтрел протянул руку к приборной доске в верхней части кабины и щелкнул тумблерами "пуск" и "зажигание". Сначала левый, а затем и правый двигатель фыркнули, и летное поле огласилось ревом турбин, превративших трехлопастные пропеллеры в почти прозрачные диски с красноватой каемкой по краям.

Новак нажал кнопку переговорного устройства на штурвале и сказал в микрофон:

- КДП аэродрома Хоумстэд, говорит "Буффало" СЭМ-ноль-один, как слышите нас - частота восемь и три десятых?

Как только Кэнтрел закончил проверку оборудования перед буксировкой и включил рулевое управление носового колеса, Новак произнес в микрофон:

- КДП аэродрома Хоумстэд, говорит СЭМ-ноль-один, прошу разрешения на буксировку.

- СЭМ-ноль-один, разрешаю буксировку на линию взлета, - ответил дежурный контрольно-диспетчерского пункта.

Кэнтрел отпустил стояночный тормоз.

- Ну, в путь! - крикнул он, давая газ.

Самолет медленно двинулся по бетонной дорожке. Прежде чем начать проверку тормозов и приборов, Кэнтрел повернулся к окну и махнул на прощанье рукой министру юстиции, который позировал фоторепортерам.

- А катись ты к чертовой матери, - одними губами безмолвно проговорил он и широко улыбнулся.

Родившийся и выросший в заброшенном шахтерском поселке в Аппалачах, Кэнтрел с малых лет недолго любил полицейских, юристов и политиканов, а Форрестол, по его мнению, олицетворял самые худшие черты этих людей. Кэнтрел был абсолютно уверен, что операция "Охота на ведьму" вызвана лишь откровенным стремлением министра юстиции нажать политический капитал, и чувствовал себя оскорбленным, видя, что он пытается представить операцию как некий поход современных крестоносцев.

Во всяком случае, сам он вовсе не собирался наводить тень на плетень и не скрывал, что согласился участвовать в "Охоте на ведьму" исключительно из-за денег, поскольку в дополнение к обычному жалованью должен был получить вознаграждение за особо трудные условия полета плюс дополнительную плату за оказание специальных услуг и к тому же еще - за участие в боевой операции. Деньги ему были нужны как воздух: он задержал выплату алиментов, а кроме того, на него давил контролируемый мафией игральный синдикат, державший в руках его векселя на общую сумму в пять тысяч долларов.

Когда они коротали время за игрой в покер, дожидаясь, пока ураган достигнет расчетной точки, Кэнтрел рассказал Новаку, почему он согласился лететь, и Новак не поверил своим ушам.

- Ты, верно, спятил, старина, - сказал он. - Это что же получается? Лезешь в ураган только из-за того, что какая-то дамочка и парочка мафиози давят на тебя и надоели хуже горькой редьки? По-моему, это не выход. Честное слово, овчинка выделки не стоит!

И тогда Кэнтрел рассказал второму пилоту, что начиная с 27 июля 1943 года, когда инструктор из летной школы в Брайане, штат Техас, поднялся в воздух на

одномоторном самолете и впервые в истории авиации пролетел через зону урагана, такие полеты стали обычным делом.

Однако Новак остался при своем мнении.

- Чушь все это! - только и сказал он. - Разве может полет в зону урагана стать обычным делом? Может быть, для тебя все это просто азартная игра? Твоя жизнь поставлена на карту, а ты сдаешь туза сопернику?.. - Новак вдруг заволновался и бросил карты на стол. - Послушай, старина, а может, ты хочешь покончить счеты с жизнью? Ничего себе, в хорошенькую историю я вляпался. Командир корабля - подпольный камикадзе!

- Единственное, чего мне сейчас хочется, - это чтобы ты продолжал играть в покер, - мрачно ответил Кэнтрел. - Ну а ты-то, умник, почему вызвался?

Темнокожая физиономия Новака расплылась в белозубой улыбке.

- Я? Я, старина, хочу доказать самому себе и другим, что я действительно мужик, а не тряпка. Ну чем я хуже остальных олухов?

Самолет приближался к взлетной полосе, пилоты закончили опробование оборудования.

В наушниках раздался голос диспетчера аэропорта:

- СЭМ-ноль-один, разрешаю проследовать к месту старта.

Кэнтрел вырулил на взлетную полосу, нажал на тормоза и включил двигатель на полную мощность. Дождь почти прекратился, и небо на горизонте начало светлеть.

Новак откашлялся.

- СЭМ-ноль-один к взлету готов.

- СЭМ-ноль-один, взлет разрешаю. Ну, ребята, ни пуха ни пера!

Кэнтрел рассмеялся.

- Вас понял, - сказал он многозначительно. Он отпустил тормоза, и огни на взлетной дорожке понеслись им навстречу, словно трассирующие пули.

Полет вдоль восточного побережья Флориды проходил спокойно, и через полчаса Кэнтрел, взяв в руки микрофон связи с пассажирским салоном, обратился к группе десанта.

- Через несколько минут мы ляжем на курс, ведущий в зону урагана, объявил он. - Если кто-то из вас еще не пристегнул ремни, самое время этим заняться. Минут через пятнадцать мы войдем в зону урагана, начнется такая болтанка, точно самолет скачет по ухабам.

Теперь самолет вел Новак, а Кэнтрел занимался прокладкой курса и держал связь с аэропортом. Получив от диспетчера данные о местонахождении самолета, Кэнтрел включил противообледенительную систему и сам сел за штурвал.

На карте, которую передал ему Кэнтрел, Новак очертил кружок и проставил около него время. Самолет начал левый разворот на 70°, набирая высоту. Новак бросил последний взгляд на береговую линию Флориды, пока она не исчезла под облаками.

Несколько минут самолет пробивался сквозь белую мглу, а затем ярко засияло солнце. На горизонте, словно огромный базальтовый утес, маячил ураган "Хильда".

Глаза у Новака вылезли из орбит.

- Вот так чудище! - воскликнул он. - Прямо из книжки "Бермудский треугольник"!

Пока они летели вдоль побережья, оба были заняты, сейчас же в их распоряжении было минут десять, когда они могли немного отдохнуть и перекинуться словом.

- Что ты об этом думаешь? - спросил Кэнтрел, выравнивая самолет.

- О Бермудском треугольнике? - Новак открыл новую пачку пузырящейся жевательной резинки. - Не знаю, вроде смешно верить в весь этот бред Атлантида и всякое такое, но ведь в здешних местах действительно происходят чудеса...

Кэнтрел включил автопилот, вытащил сигару и откусил кончик.

- Что ты имеешь в виду? - спросил он, прикуривая от большой бензиновой зажигалки "Зиппо" в серебряном корпусе, черной эмалью на ней были изображены игральные кости.

- Ну, возьмем для начала Фицпатрика. Что с ним произошло?

Кэнтрел пожал плечами.

- Ты же слышал, что об этом говорили на инструктаже.

- Болтали, что он вроде бы выбрался на берег? - Новак надул из жевательной резинки большущий пузырь, и он лопнул. - А я тебе говорю: этот бедолага и в глаза не видел острова. Ведь шляпка-то его осталась на борту, кумекаешь? А пушка? Даже если он отправился вплавь, все равно нужно быть круглым идиотом, чтобы не захватить с собой пистоль!

- Надо быть круглым идиотом, чтобы пытаться справиться со Снэйтом в одиночку. А раз у него в голове не мозги, а опилки, то он и про пушку мог забыть.

- Ну ладно, а что ты скажешь про те пять военных самолетов, которые в сорок пятом году бесследно пропали где-то между Флоридой и Багамскими островами?

- Это ты про девятнадцатое звено? - Кэнтрел выпустил струйку дыма в потолок. - Да просто их командир потерял ориентировку, и у них кончилось топливо.

- Говоришь, потерял ориентировку?.. - спросил Новак с сомнением. Брось ты! Этот парень был летным инструктором, и они совершали учебный полет!

- Знаешь, чем вы, романтики, отличаетесь от нормальных людей? Если факты не вписываются в вашу схему, вы на них просто плюете.

- Видишь ли, стоит только запаниковать, как острова Флорида-Киз можно запросто спутать с Багамскими. А то, что тот парень впал в панику, всем хорошо известно. Ведь он даже забыл включить аварийный канал связи.

Раннее солнце начало нагревать кабину. Новак потянулся и приоткрыл вентиляционное сопло.

- А ты помнишь, что произошло с самолетом "Мартин Маринер", который исчез во время поисков девятнадцатого звена?

Кэнтрел пожал плечами.

- Самолеты этого типа отличала одна особенность - при переходе на турбулентный режим у них иногда отказывала регулировка подачи топлива, а в тот день еще и скорость ветра была тридцать узлов. Самое разумное объяснение: самолет взорвался в воздухе.

- Ну хорошо, а как ты считаешь, что случилось с самолетом ДС-3, командир которого уже сообщил, что видит огни Майами? Или вспомни-ка судьбу самолетов "Стар Тайгер", "Стар Эриэл" и "Суперфорт", которые тоже исчезли в районе Бермудов?

- Скорее всего, попали в грозу и потерпели аварию...

- Ну и дела! - сказал Новак, озабоченно взглянув на маячившую впереди черную громаду. - Если ты считаешь, что они развалились во время грозы, то что же будет с нами, когда мы влетим в этот ад?

Кэнтрел усмехнулся.

- Весь фокус в том, чтобы не дать урагану запугать тебя и не пытаться бороться с

ним один на один. Только попробуй тронуть его - и тебе крышка. Поэтому единственный путь - подходя к нему, как можно дольше лететь на попутном ветре и все время помнить инструкцию о полетах через грозовой фронт.

- Слишком много захотел!

Кэнтрел включил метеорологический радиолокатор на дальний диапазон, и на экране появилась огромная фосфоресцирующая спираль.

- Взгляни-ка, - сказал он. - Ты видишь, что она как бы вращается против часовой стрелки? А нам известно, что ураган движется почти под прямым углом к нашему курсу. Поэтому, если мы влетим в зону вот так... - и Кэнтрел концом сигары провел на экране линию, которая шла от нижнего края экрана, затем поворачивала налево и сбоку входила в центр урагана, - ...мы будем двигаться с попутным ветром, который станет дуть чуть слева, но главным образом в хвост. Тогда нам удастся избежать завихрений, которые идут к востоку от "глаза" урагана.

- Хорошо, а как мы будем выбираться оттуда? - спросил Новак. - При условии, конечно, что выбираться будем на самолете, а не ногами вперед...

- Как я уже сказал на инструктаже, выходить из зоны урагана, конечно, сложнее, чем входить в него, особенно на самом первом этапе. Мы полетим вот так... - На этот раз кончик сигары прочертил линию, идущую из центра урагана, затем она отклонялась вправо, а под конец уходила к верхней кромке экрана. - Вначале ветер будет с силой бить в правый борт, но, как только мы пойдем на разворот, он снова станет попутным.

Пока они разговаривали, "Хильда" приблизилась и уже закрывала почти весь горизонт.

Еще до того, как мимо стали проплывать первые облака, которые медленно двигались по внешней окружности циклона, Кэнтрел выключил автопилот и перешел на ручное управление. Желая уменьшить нагрузки, вызванные завихрением, до минимума, он предельно убрал газ и изменил балансировку. Наконец, в качестве меры предосторожности против мгновенного ослепления от вспышки молнии, он включил на полную мощность освещение кабины и оба пилота надели солнцезащитные очки.

Ключья облаков проносились мимо лобового стекла. Как только самолет вошел в первый слой облаков, его стало бросать из стороны в сторону.

- Эй, слушай! - воскликнул Новак, когда они вдруг выскочили в пространство, просвечиваемое слабым светом солнца. - А все не так уж и плохо...

Однако очень скоро они снова оказались в зоне сплошной облачности. На этот раз воздушная круговерть была посильнее. С каждой минутой становилось все темнее и наконец стемнело настолько, что они увидели в лобовом стекле собственное отражение.

Несмотря на то что самолет был оборудован стекателями статического разрядника, статическое электричество вызывало такие сильные помехи, что продолжать прием по радио на высоких и средних частотах стало невозможно и не оставалось ничего другого, как выключить все радиоприборы.

К моменту, когда оба сняли шлемофоны, кистевые разряды - призрачное голубоватое свечение, которое иногда называют "огнями святого Эльма", начали вспыхивать на приборных досках.

Самолет угрожающе раскачивался.

- Видно, я сглазил, - сказал Новак, изо всех сил упираясь рукой в мягкую обивку кабины.

Начался дождь. Пожалуй, это был даже не дождь, а потоп - водяные струи с такой силой били по дюралевой обшивке, что пилоты почти не слышали друг друга и им приходилось громко кричать.

Как только метеорологический радар показал, что они находятся в тридцати пяти морских милях от эпицентра урагана, Кэнтрел начал левый разворот на 12°. Почти в ту же секунду раздался оглушительный треск, и им показалось, что весь воздух вокруг них превратился в огненный смерч.

В самолет попала молния.

Запахло озоном и жженой резиной. Несколько секунд оба они ничего не видели - перед глазами стояла белая черта вспышки, словно огненный шрам прошел неровную поверхность облака, а затем по диагонали - правое крыло самолета.

И вдруг, все еще продолжая выполнять разворот, они почувствовали, что падают. Причем не по дуге, как падает в пропасть машина, а отвесно вниз. Им показалось, что вперед их самолет больше не движется. Шум двигателей перешел в пронзительный вой, стрелки приборов точно с ума посходили. Вероятно, они пролетели вниз футов двести-триста, а когда падение прекратилось, почувствовали такой толчок, что каркас самолета задребезжал, точно камертон. Лампочки мигнули, потухли и снова зажглись. Из всех щелей кабины взметнулась пыль, и Кэнтрел захлебнулся от кашля.

Краем глаза Новак увидел, как что-то вылетело из кармана Кэнтрела и ударилось о потолок кабины.

Инстинктивно он отпрянул в сторону, ожидая, что на голову ему сейчас что-то свалится. Но ничего не свалилось. Он поднял глаза и увидел, что одна из сигар Кэнтрела словно прилипла к потолку.

Взглянув на авиагоризонт, Новак с ужасом увидел, что голубая половинка диска, изображающая небо, вместо того чтобы быть над коричневой, оказалась внизу.

Самолет летел вверх брюхом.

Молясь в душе всем святым, чтобы ему удалось перевернуть машину до следующей вспышки, Новак схватился за штурвал и положил самолет на правое крыло.

Сигара медленно соскользнула по стенке кабины и наконец замерла у ног Кэнтрела.

Самолет снова летел в нормальном положении. Кэнтрел, все еще не в силах из-за кашля произнести ни слова, поднял сигару и подал ее Новаку красноречивый жест, говоривший больше, чем любые слова.

В течение последующих двадцати ужасных минут "Буффало" кидало из стороны в сторону, бросало вверх и вниз ветром силой двести миль в час: корневые части его крыльев стонали от немыслимых нагрузок.

Но вот наконец метеорологический радар показал, что они находятся в нескольких минутах пути от эпицентра урагана. И Кэнтрел воскликнул:

- Уф, по крайней мере, мы нашли этот "глаз"! Будем молить бога, чтобы он был как раз над островом Гиппократ!

И хотя магнитный компас показывал, что как сам ураган, так и самолет сильно уклонились от курса и находятся посреди Атлантического океана, с того момента как молния попала в самолет, ни один из пилотов приборам больше не верил.

Новак переключил радар на режим "карта", и вскоре на экране появилась мозаика белых пятнышек.

- Пожалуй, нам повезло, - сказал он, сравнивая изображение на экране с картой,

которую держал в руках. - Сейчас мы пролетаем над цепочкой островов между Малым Абако и Большой Багамой.

- Похоже, что да, - отозвался Кэнтрел, переводя взгляд с экрана на карту и обратно. - Давай-ка попробуем еще разок включить радиокompас. Может, поймаем сигналы радиомаяка из Фрипорта...

Однако ничего, кроме разрядов статического электричества, Новак не услышал, только стрелка прибора закачалась влево и вправо, точно пьяная.

- Черт побери! - выругался Кэнтрел, беря микрофон. Он поднес его ко рту и нажал на кнопку. - Генерал Экланд, примерно через пять минут мы сделаем первый заход над зоной высадки десанта. Так что приготовьтесь. Но будьте осторожны, - предупредил он, - мы еще не вышли из зоны болтанки.

Горизонт начал постепенно светлеть, затем вокруг снова потемнело, а потом опять начало светлеть. Самолет, то ныряя вниз, то подпрыгивая вверх, летел над горизонтальными клочьями облаков, сквозь которые пробивались бледные солнечные лучи. Внезапно все облака куда-то исчезли и болтанка прекратилась. Словно кончилась выматывающая душу езда по "американским горам".

31

Новак думал: ничто не способно затмить зрелище, которое предстало перед ним, когда самолет впервые приблизился к "Хильде". Но то, что он увидел сейчас, внушало поистине благоговейный ужас.

Самолет находился как бы в гигантском колодце - причем таком глубоком, что Новак, даже задрав голову и вплотную прижавшись лицом к лобовому стеклу, с трудом мог увидеть кусочек синего неба вверху.

А Кэнтрел был поглощен тем, что происходило под ними. Остров, появившийся на границе эпицентра урагана, даже отдаленно не напоминал тот макет, который им показывали на инструктаже, и поэтому Кэнтрел вначале даже не понял, что это такое. На острове не осталось ни единого дерева или кустика, никаких следов морского причала. Исчезли и домики обслуживающего персонала, и панели солнечных батарей, и столбы вдоль береговой линии. От больницы, если только это действительно была она, осталась лишь пустая коробка. Казалось, под напором воды и ветра изменилась даже сама форма острова: верхний слой почвы был смыт, и обнажился залежавший в глубине известняк, а низина в северной оконечности острова, которую летчики, делавшие аэрофотосъемку, прозвали "Собачьей головой", полностью исчезла. Неподалеку от берега, почти не видная из-за стволов поваленных деревьев, лежала на боку затонувшая грузовая шхуна.

Кэнтрел потянулся, чтобы достать одну из фотографий острова, сделанных с самолета, и тут дверь в кабину распахнулась, вошел Экланд. Он был в парашютном комбинезоне защитного цвета, на голове - шлем. На груди и на спине висели парашютные ранцы.

- Что вы на это скажете? - спросил Кэнтрел, наклоняя самолет влево, чтобы Экланд мог лучше рассмотреть то, что находилось внизу. - Это остров Гиппократа или нет? Мне бы чертовски не хотелось высадить вас не в том месте!

- Я думаю, что это он, - ответил Экланд, наклоняясь через плечо Кэнтрела, чтобы сравнить вид, открывшийся внизу, с фотографией. Посмотрите, вон там направо, это не здание лаборатории?

Новак выключил освещение в кабине и тоже нагнулся к окну.

- По-моему, это тот самый остров. Да, точно, остров Гиппократа. Вон там под

всем этим мусором виднеется вертолетная площадка.

- Я думаю, ты прав. - Кэнтрел снова выровнял самолет и обернулся к Экланду. - Кстати, прошу прощения за тряску, - сказал он. - Как там десантники, в порядке?

- Хотя все приняли перед полетом таблетки, многих тошнило. Но прыгать будут все, за исключением, может быть, двух человек. Ими сейчас занимаются медики.

Еще в процессе подготовки к полету в деталях была обсуждена высадка. Экланд сам должен был решить, будут они прыгать с бреющего полета или с большой высоты затяжным прыжком.

Очень скоро он убедился, что, если прыгать с бреющего полета, формулу скорости рассчитать несложно: если половину скорости самолета умножить на время, которое требуется для того, чтобы десантники покинули самолет, это даст представление об их рассеивании при посадке. Даже если десантники будут прыгать не мешкая ни секунды, один за другим, их разбросает по всему острову и они не смогут составить эффективную боевую единицу, причем не исключено, что первый и последний вообще опустятся над морем.

Существовала и еще одна, более сложная проблема, которую необходимо было учесть. В оперативном уставе войск специального назначения говорится, что "при прыжках с парашютом в горной местности (1840 м и выше) необходимо, по возможности, выбирать места, покрытые мягким снегом или травянистой растительностью. В связи с тем, что парашютный спуск в таких районах совершается с большей скоростью, желательно совершать прыжки на поверхность, находящуюся на уровне моря или около этого уровня".

И хотя самая высокая точка острова Гиппократа находилась над уровнем моря не более чем на сорок футов, эксперты из Национальной лаборатории по изучению ураганов предсказали, что в эпицентре урагана "Хильда" барометрическое давление будет приблизительно в половину ниже нормального.

Это означало, что десантники будут приземляться на парашютах с такой же скоростью, как если бы они опускались на гору высотой в девять тысяч футов. Каждый парашютист, приземляющийся на твердую поверхность, окажется просто счастливым, если не сломает себе ногу, а то и обе.

Поэтому, чтобы дать десанникам возможность приземлиться компактной группой и маневрировать при приземлении, выбирая более мягкую почву, остановились на затяжных прыжках. Снабженные хорошо управляемыми высотными парашютами, а также специальными высотомерами, учитывающими возможные перепады давления при спуске, обутые в специальные башмаки, гасящие силу удара о землю, десантники совершат прыжок на высоте десять тысяч футов и, достигнув в свободном падении высоты в две тысячи футов, раскроют парашюты.

Такая тактика имела определенные преимущества: с того момента, когда десантники покинут самолет, и до того, как они раскроют парашюты, их не увидят с земли. Когда же раскроются парашюты, им потребуется менее двух минут, чтобы опуститься на землю, и тут уж они сумеют постоять за себя.

После того как Новак подтвердил, что и высота и скорость самолета соответствуют запланированным, Экланд вернулся в салон.

В салоне ощущался резкий запах рвоты и пота. Большинство десантников уже поднялись со своих мест и проверяли крепление всех застежек и крючков.

Экланд направился к медикам, занимавшимся двумя десанниками, которых укачало сильнее остальных. Один из них лежал на полу с кислородной маской на лице.

Другой - майор с гладко выбритой головой, напоминающей бильярдный шар, - сидел рядом.

- Как вы себя чувствуете? - спросил Экланд.

- Мне кажется, все в порядке, - ответил майор, стараясь говорить как можно бодрее.

- Будете прыгать?

Майор кивнул.

Люк для прыжков приоткрылся, и в самолет ворвался холодный воздух.

- Вы уверены? - громко спросил Экланд, стараясь перекричать шум моторов.

Ослепленный внезапным светом, майор отвернулся.

- Уверен, уверен! - крикнул он в ответ.

Экланд вопросительно взглянул на медиков, но те только пожали плечами.

Рев моторов немного стих, и в динамиках раздался голос Новака, сообщавшего, что они будут над заданной точкой через три минуты.

Люк открылся полностью, и Экланд вместе с майором и десантником, к шлему которого была прикреплена кинокамера, подошли поближе и заняли свои места рядом с сержантом - старшим в команде.

- Две минуты до расчетной точки, - прозвучал голос из динамика.

Экланд чуть-чуть ослабил ремни парашютных ранцев и спустил на глаза защитные очки.

- Минута до расчетной точки!

Через открытый люк Экланду была хорошо видна лежащая на боку грузовая шхуна.

Голос в динамике начал отсчет секунд:

- Девять, восемь, семь...

Сигнальные огни из красных стали зелеными.

- Шесть, пять, четыре...

Экланд сделал глубокий вдох и весь напрягся.

- Три, два... один!

- Пошел! - закричал старший.

Экланд нырнул в люк, и его подхватил свистящий поток воздуха. Комбинезон трепетал на ветру. Экланд развел в стороны руки и ноги, придав телу форму креста, и прогнул спину, чтобы стабилизировать центр тяжести. Он падал вниз, словно огромная хищная птица, внимательно глядя сквозь очки вниз, пытаясь обнаружить какие-либо признаки жизни.

Майор прыгнул далеко не так безукоризненно. Как только он встал со своего места, ноги у него начали дрожать и кожа покрылась холодным липким потом. Подойдя к люку и встав в затылок Экланду, он вдруг почувствовал, что почти теряет сознание, и, когда Новак отсчитывал последние секунды, майор решил не прыгать, несмотря на то что после Экланда он старший по званию в этом подразделении.

Если с ним что-то случится при приземлении, он не только не окажет помощи в бою, но и будет в тягость всей группе. Так что лучше остаться в самолете, решил он про себя: у него хватит дел и когда "Буффало" приземлится на острове.

Майор хотел было сказать об этом Экланду, но тут прозвучал приказ прыгать.

Как только Экланд исчез в люке, сержант повернулся к майору.

- Пошел!

Майор медлил.

- Пошел! - закричал старший по команде и, решив, что майор в последний момент испугался, с силой толкнул его в спину.

В ту же секунду майор почувствовал, что валится вниз. Он увидел удаляющуюся нижнюю часть фюзеляжа, а еще через секунду - море.

Майор забарахтался, тщетно пытаясь стабилизировать тело в свободном падении. Но чем больше он предпринимал усилий, тем быстрее вращалось его тело.

Продолжая свободное падение футах в тридцати левее майора, Экланд вдруг заметил какой-то темный предмет, стремительно пронесшийся мимо. Экланд принял его за контейнер с оборудованием, который сбросили почему-то слишком рано. Потом все понял.

- Дергай за кольцо! - крикнул он. - Дергай кольцо!

Но все было уже бесполезно. Если майор и слышал Экланда, к этому времени он уже настолько потерял ориентировку, что не знал, где искать спасительное кольцо.

И тогда Экланд решил, что в данной ситуации единственно возможное догнать падающего майора и открыть его парашют.

Наклонив корпус вправо, Экланд свел вместе пятки и чуть отставил назад руки, придав телу форму ласточки. Скорость падения стала расти. Чем ближе подводил он руки к телу, тем больше становилась скорость падения.

Он поравнялся с майором и попытался обхватить его руками, но, несмотря на все старания, ему это не удалось - тело майора, продолжая вращаться, вырывалось из рук.

Земля приближалась с угрожающей быстротой, и Экланд понял, что еще несколько секунд, и ему самому уже будет поздно открывать парашют, даже если удастся открыть парашют майора.

Он сделал последнюю попытку, но все было тщетно. Поймать тело майора было все равно что поймать лопасть ветряной мельницы на сильном ветру.

Экланд снова выровнял положение своего тела и в последний раз с отчаянием взглянул на обреченного человека, летящего навстречу земле.

По иронии судьбы майор упал на землю, пролетев через то, что когда-то было крышей больницы. Поскольку он летел со скоростью экспресса, то пробил остатки перекрытия второго этажа и свалился прямо на стол в операционной. Огромная стая птиц, спрятавшихся здесь от урагана, с криками поднялась в воздух.

Обнаружив, что стрелка высотомера уже давно перешла в красную зону опасности, Экланд рванул кольцо. Предохранительная чека вылетела, парашютный ранец с шумом раскрылся, и над ним вырос купол парашюта.

Экланд взглянул вниз и тут только понял, что, пытаясь спасти майора, он очень далеко отклонился от курса. Он должен был опуститься в центре острова, а его отнесло в сторону моря, и сейчас он находился как раз над грузовой шхуной.

Крепко ухватившись за стропы, он развернул купол парашюта и начал планировать в сторону суши. Теперь он двигался в нужном направлении, однако скорость падения была слишком велика. Прямо перед собой он видел внизу зияющие пустоты здания больницы.

И тут он заметил взлетевших птиц. Их было очень много: цапли, чайки, альбатросы, вороны и еще какие-то, которых он издали не мог разобрать, казалось, они заполнили все воздушное пространство.

Еще через секунду он очутился в самой их гуще. Птицы пролетали мимо, сшибались с парашютом, пытались сесть на него. Десятки перепуганных пернатых тщетно пытались выбраться из-под купола парашюта.

Где-то глухо раздавались хлопки капсулей-детонаторов приземляющихся на парашютах контейнеров с оборудованием; Экланд снова переключился на мысли о приземлении.

Ему бы хотелось миновать руины больницы и опуститься на площадке, где через несколько минут будут приземляться другие десантники. Но тут он заметил двух охранников, бежавших к нему, в руках одного из них сверкнул топор.

Чтобы не разбиться, упав в развалины больницы, и не быть зарубленным на площадке, он решил как можно быстрее направить парашют к земле, а не планировать.

Он ухватился за передние стропы и резко рванул их вниз, сократив объем купола. Теперь парашют уже не влекло вперед, и он сразу же пошел вниз. Земля стремительно неслась навстречу. Экланд едва успел упереться подбородком в грудь и расслабить колени, как рухнул на залитую дождем землю.

Упав на бок, он быстро нажал на курок отстегивающего устройства и, прежде чем купол парашюта опал, вскочил на ноги.

Еще мгновение, и было бы поздно. Первый из подбежавших охранников темнокожий верзила, чьи пальцы были унизаны кольцами, - ринулся на него. Экланд быстро отступил в сторону и в тот момент, когда негр оказался совсем рядом, с силой ударил его ребром ладони по шее.

Негр растянулся в грязи, но в ту же секунду второй охранник - гигант с густой рыжей бородой - замахнулся на него топором. Экланд рухнул на колени, а когда топор со свистом пронесся над его головой, снова вскочил на ноги и изо всей силы ударил охранника головой в живот. Застонав от боли, охранник согнулся пополам и навалился всем телом на Экланда, но тот, схватив его за щиколотки, стремительно выпрямился и бросил через себя на землю. Охранник упал на спину. Экланд быстро повернулся и кованым носком ботинка нанес своему противнику сокрушительный удар в переносицу.

Экланд сдвинул очки вверх и вытер пот, заливавший глаза. После ожесточенной схватки в горячем разреженном воздухе он почувствовал, что сердце у него колотится, как рычажный молот. Он с трудом перевел дыхание и оглянулся, оценивая ситуацию.

Он попал в самую середину разоренной цветочной клумбы на краю лужайки, где скоро приземлится самолет. Сквозь горячую мглу, застилавшую глаза, он разглядел, что вся лужайка покрыта водой. Из воды торчали всевозможные обломки - кирпичи, доски, сучья, вырванные с корнем кусты, остатки разбитой мебели и какого-то медицинского оборудования. Здесь была даже перевернутая кверху днищем моторная лодка, выброшенная волной на берег, словно пучок водорослей.

Птицы, которых спугнул майор, упав в разрушенную больницу, постепенно успокоились: некоторые стояли, приглаживая свои взъерошенные перья, другие сидели поникшие, устало глядя на него.

К тому времени большинство десантников уже приземлились, и Экланд, схватив свой дробовик "ремингтон" 12-го калибра, поспешил к ним навстречу.

Птицы, оказавшиеся на его пути, лениво расправляли крылья и нехотя поднимались в воздух. Вспомнив свою первую встречу с ними, Экланд похолодел и остановился как вкопанный - самолету, помимо того что он должен будет приземлиться и взлететь на лужайке, напоминающей скорее мокрую губку, чем взлетно-посадочную полосу, придется дважды пересечь воздушное пространство, заполненное бесчисленным множеством птиц!

Никто, разумеется, не предполагал такой ситуации, тем не менее десантники

получили указание: если по каким-либо причинам самолет не сможет приземлиться, десантная группа, пока над островом будет проходить хвост урагана, должна укрыться в здании лаборатории.

Экланд вытащил бинокль. Издали казалось, что лаборатория хорошо сохранилась, но сейчас, глядя в бинокль, Экланд увидел, что несколько тонких несущих опор разрушено и по всей наружной стене молнией пробежала трещина.

В молодые годы, когда он был артиллеристом, Экланд изучал сопротивление материалов - ему было ясно, что, как только над островом снова пронесется ветер со скоростью двести миль в час, здание лаборатории неминуемо рухнет и обломки его унесет штормовая волна.

- Брунелли, ко мне! - крикнул он радисту. Укрывшись за перевернутой моторкой, Экланд взял в руки микрофон и нажал кнопку передатчика. - Земля вызывает воздух.

Приемник ответил треском разрядов, затем послышался громкий голос Новака:

- Говорит воздух, слышу вас хорошо.

- Слышу вас очень хорошо, - отозвался Экланд. Мимо него с бензиновыми пилами пробежали два десантника, они начали расчищать лужайку. - Мы столкнулись с непредвиденной проблемой. Здесь полным-полно птиц.

- Повторите, что вы сказали!

- Повторяю: на острове множество птиц. Говорю по буквам: Пол, Тед...

- А, птиц! Вас понял. Как много?

- Тысячи! Не представляю, как вы сумеете приземлиться, здесь полным-полно этих тварей...

- Черт побери! - пробормотал Новак. - Земля, вы можете оказать нам помощь?

- Нет.

- У вас что, патронов мало? Перехожу на прием.

- Патронов хватает, да только птиц слишком много - мы тут проторчим до рождества.

- А слезоточивый газ не поможет?

- Под открытым небом? Без ветра? Практически безнадежно.

- Сумеете без нас продержаться? - спросил Новак.

- Не хотелось бы.

- У вас еще какие-то сложности?

Экланд не торопился отвечать, понимая, что, если он скажет летчикам, в каком состоянии находится здание лаборатории, они, рискуя жизнью, попытаются приземлиться, чтобы забрать группу.

- Ну, не темните! Расскажите все честно своей мамочке! - настаивал Новак.

- Мне кажется, что здание лаборатории вот-вот рухнет...

- Погодите минутку...

Экланд понимал, что Новак совещается с Кэнтрелом. Взмахнув рукой, он отогнал птиц, усевшихся на киле перевернутой лодки, и выглянул.

Десантники цепью продвигались вперед, перебегая от укрытия к укрытию, а тем временем капитан, который теперь был вторым по званию после Экланда, взяв мегафон, обратился к тем, кто засел в лаборатории: он призывал их выходить по одному, подняв руки над головой.

- Земля, я воздух! - внезапно заговорило радио. - Как только подадите сигнал, мы будем садиться. Будем снижаться на самой малой скорости, чтобы избежать серьезных повреждений. Как меня поняли?

Экланд вздохнул с облегчением.

- Вас понял.

- Эй, в каком состоянии посадочная площадка?

- Она под слоем воды толщиной с полдюйма...

- Прекрасно! - ответил Новак. - Как раз то, что нам нужно: птицы и покрытая водой площадка!

Экланд положил микрофон на аппарат, висевший на спине у радиста.

- Все, - сказал он. - Пошли.

Пригибаясь, они выскочили из укрытия и направились к десантникам. Когда они уже одолели половину открытого пространства, Экланд вдруг увидел вспышку в одной из амбразур рядом с дверью лаборатории.

Крикнув радисту, Экланд с разбегу упал на землю. Что-то с шумом шлепнулось в воду в нескольких ярдах перед ним, и в ту же секунду остальные десантники открыли огонь. Вспыхнуло оранжевое облако, и раздался оглушительный взрыв, взметнувший фонтан земли.

Комья еще падали на спину Экланда, когда он обернулся, чтобы взглянуть на радиста. Тот стоял на четвереньках и смотрел перед собой невидящим взглядом.

- Ты как, в порядке? - крикнул ему Экланд. Но едва он произнес эти слова, как из дырки в комбинезоне радиста хлынула кровь.

Выхватив индивидуальный пакет, Экланд пополз к раненому. Однако не успел до него добраться - пулеметная очередь пронеслась у него над головой и сразила радиста. Когда Экланд наконец подполз к нему, радист был мертв.

Стрельба из лаборатории почти прекратилась. Экланд, прижимая к себе громоздкий радиопередатчик, пробежал оставшуюся часть открытого пространства и упал рядом с капитаном Менински.

Кроме радиста, никто из десантников в перестрелке не пострадал, однако было неясно, какие потери понесли те, кто скрывался в здании лаборатории.

Менински снова поднял свой мегафон и обратился к невидимому противнику, предлагая сдаться. Ответа не последовало.

- Похоже, надо брать штурмом, - сказал капитан Экланду.

Офицеры армейской разведки, готовившие операцию "Охота на ведьму", послали запрос в фирму, которая устанавливала стальные скользящие двери с электронным управлением в здании лаборатории.

"Не тратьте времени понапрасну и не пытайтесь взорвать двери, ответили им представители фирмы. - Взрывайте бетон вокруг дверей".

После испытаний, подтвердивших, что представители компании сказали правду, эксперты-взрывники снабдили штурмовую группу портативными магнитными минами, управляемыми по радио, - достаточно мощными, чтобы взорвать бетонированные дверные амбразуры.

Однако сейчас, находясь на расстоянии менее тридцати футов от здания, Экланд увидел, что фундамент осел и трещина, спускавшаяся от самой крыши с левой стороны, намного шире, чем показалось ему, когда он разглядывал здание в бинокль. В некоторых местах она была шириной с ладонь. Если подложить мины, есть опасность, что вместе с дверью рухнет и весь дом.

Но ведь Снэйт не собирался сдаваться, проникнуть же в здание через окна, плотно закрытые стальными жалюзи, нечего было и думать. Единственное, что оставалось, - это взорвать дверь. Здание, конечно, может рухнуть, но будь что будет...

- О'кей, капитан, - сказал Экланд, заряжая свой дробовик. - Вперед!

Менински поднес ко рту мегафон и повторил приказ. Двое десантников, которые уже заняли позицию у ступенек лестницы, начали надевать противогазы.

Как только они дали понять, что готовы, Менински скомандовал:

- Приготовиться к дымовой завесе! Три, два, один... Огонь!

Полдюжины гранат упали перед зданием и взорвались одновременно, окутав лабораторию густыми клубами зеленого дыма.

Под прикрытием дымовой завесы десантники в противогазах бросились к двери и на ощупь начали устанавливать мины.

Экланд слышал щелчки магнитных присосок мин, а затем топот башмаков десантников, сбегаящих по лестнице. Как только они вынырнули из дымовой завесы и добежали до укрытия, Экланд отдал приказ взорвать мины.

Менински повернул ключ радиодетонатора - раздался мощный взрыв, на мгновение осветивший дымовую завесу, а затем разогнавший ее над головами десантников.

Экланд посмотрел на здание - половина стены отошла от другой, но не упала. Дверь тоже была на месте.

И вдруг он увидел, как дверь начала падать - сначала медленно, затем все быстрее. Она с грохотом рухнула на бетонную площадку, подмяв часть перил и взметнув столб пыли.

32

- Вперед! - крикнул капитан Менински. - Вперед, на штурм!

Экланд вскочил и, взбежав по ступенькам, скрылся в дверном проеме. Следом за ним ринулись остальные.

Прямо перед собой Экланд увидел каких-то людей, торопливо взбирающихся по лестнице, ведущей на второй этаж.

- Стой! - закричал он, поднимая дробовик к плечу. - Стой, стрелять буду!

Выждав секунду, Экланд нажал спусковой крючок. На спине последнего из бегущих появилась цепочка рваных отверстий, эхо выстрелов раскатилось под сводами - человек, словно споткнувшись, упал. В то же мгновение капитан Менински еще раз выстрелил в упавшего: он увидел, как тот вытащил предохранительную чеку из ручной гранаты.

- Ложись! - крикнул капитан.

Десантники бросились на пол, граната взорвалась, от человека ничего не осталось.

Лампы замигали, потухли и снова зажглись. Несколько керамических плиток упало с потолка.

И тут словно что-то надломилось в остове здания. Картина внезапно сорвалась с гвоздя, все вокруг заполнил нарастающий грохот, здание задрожало.

Внезапно на пригнувшихся десантников рухнул потолок, обнажив переплетение водопроводных и вентиляционных труб. Громадный столб пыли взвился в воздух, и в это самое мгновение Экланд, ожидавший, что их вот-вот засыплет обломками, почувствовал, что пол оседает под ним.

Впечатление было такое, будто началось землетрясение. Сквозь низкий монотонный гул Экланд услышал звон бьющегося стекла и треск дерева.

Наконец гул затих, и на смену ему пришла жуткая тишина, нарушаемая лишь покашливанием людей и доносившимся откуда-то издалека шумом воды, бьющей из

разорванных труб.

Экланд поднял голову и сквозь медленно оседавшую пыль увидел, что пол треснул по всей длине здания, одна его половина вздыбилась почти на целый фут над другой.

Оглушенный, покрытый пылью с головы до ног, Экланд с трудом встал и, пробравшись среди обломков к лестнице, стал осторожно подниматься по ступеням, залитым кровью. Следом за ним двинулся капитан с шестью десантниками.

Поднявшись на этаж выше, Экланд и его подразделение повернули направо, а капитан со своей группой - налево.

Экланд почти сразу наткнулся на огнеупорную дверь. Держа палец на спусковом крючке, он осторожно, боком приблизился к двери и с опаской заглянул в смотровое окошечко. Его взору открылся длинный мрачный коридор с множеством дверей, некоторые из них слетели с петель. Весь пол был засыпан обломками, а на перевернутой тележке сидела маленькая дрожащая обезьянка, которой каким-то образом удалось выбраться из вивария.

Экланд отнюдь не был человеком с большим воображением, но коридор этот, показалось ему, таил в себе такое безысходное уныние, что ему вдруг не захотелось идти туда.

- Опасность? - спросил кто-то за его спиной хриплым шепотом.

Экланд мотнул головой.

- Пошли!

Он толкнул плечом двустворчатую качающуюся дверь. Перепрыгнув на глазную ванночку, обезьянка обернулась и принялась наблюдать, как десантники молча встали по обе стороны от первой по коридору двери: Экланд и капрал с кувалдой в руках - слева, сержант по фамилии Флинн - справа.

Экланд осторожно нажал на ручку, но дверь не поддавалась. Упершись спиной в стену, Экланд поднял дробовик и кивнул.

Капрал поплевал на руки, размахнулся и со всего маху ударил кувалдой по замку. Дверь с грохотом распахнулась, обезьянка в испуге бросилась наутек.

Экланд и Флинн ворвались в комнату и замерли по обе стороны от входа.

В большой, ярко освещенной лаборатории пахло формальдегидом и эфиром.

Они были здесь не одни. В центре комнаты позади деревянного лабораторного стола, широко раскрыв от ужаса глаза, стояла очень хорошенькая белокурая девушка в голубом домашнем халате - Клэр Теннант. Позади нее был Ли Квинтрелл, который одной рукой зажимал ей рот, другой держал у ее виска автоматический револьвер. Слева и справа, пригнувшись, стояли Гинзел и Санчес. У каждого было по кольцу. Один держал на прицеле Экланда, второй Флинна.

- Еще одно движение, и я пристрелю ее! - крикнул Квинтрелл. Он был бледен, и вообще вид у него был какой-то встрепанный. В очках не доставало одного стекла. - Бросайте оружие! Руки вверх!

Экланд рассмеялся.

- Послушай, ты! Знаешь, что будет, если ты сейчас выстрелишь? От твоих приятелей мокрое место останется. А тебе придется решать, кто тебя пришьет: я или он, - сказал Экланд, кивком показав на Флинна. - Ведь кто из нас уцелеет, тот тебя и пришьет. Поэтому я тебе советую: побереги-ка лучше свою шкуру и выходи из игры.

Квинтрелл начал тихонько пятиться к двери, ведущей в соседнюю комнату, таща за собой Клэр.

До момента вылета оставалось не более сорока пяти минут, и Экланд понимал, что у него уже нет времени, чтобы увещевать Квинтрелла. Нужно что-то предпринимать, и немедленно. Что, если они с Флинном попытаются убрать Гинзела и Санчеса? Сумеют они выстрелить первыми? Решится ли Квинтрелл убить девушку, при том что она ему нужна живая?

Пока он раздумывал, трое мужчин отступили к двери и сошлись вместе. Экланд понял: сделай он или Флинн хоть один выстрел, они неизбежно ранят Клэр.

Все еще держа Экланда под прицелом пистолета, Гинзел другой рукой повернул ручку двери, и Квинтрелл начал осторожно пятиться в полутемную комнату.

Но далеко ему уйти не удалось - сзади кто-то нанес ему сильный удар по ногам. Продолжая прижимать к себе Клэр, Квинтрелл рухнул навзничь. И в ту же секунду, прежде чем один из головорезов, прикрывавших отход Квинтрелла, успел выстрелить, Экланд разрядил свой дробовик. Заряд, круша частокол пробирок, стоявших на переднем столе, поразил Гинзела в грудь. Тот рухнул на полку с лабораторной посудой.

Санчес быстро повернулся и, выстрелив в Экланда, кинулся в укрытие. Его пуля еще не успела достичь цели, как Флинн сделал ответный выстрел. Стекланный аквариум, полный белых мышей, разлетелся вдребезги. Санчес вскрикнул, красное пятно расплылось позади него на стене, но он продолжал бежать.

Флинн перезарядил дробовик и снова выстрелил. На сей раз заряд попал в цель. Руки Санчеса взметнулись к лицу; он свалился, угодив головой прямо в шкаф, где хранились ярко раскрашенные модели молекул, и затих.

Экланд и Флинн бросились в соседнюю комнату.

Квинтрелл лежал на полу. Вокруг его головы растекалась кровь, ноги конвульсивно подергивались. Над распростертым телом Квинтрелла стоял Майкл Фицпатрик. Одной ногой он наступил на автоматический револьвер, очевидно выпавший из рук Квинтрелла. Майкл был в пижамных брюках и больничных тапочках, его правое плечо было забинтовано. Рядом с ним, прижавшись лицом к его ноге, всхлипывая, сидела на полу Клэр. Фицпатрик, отшвырнув штатив капельницы, который он держал в руках, помог Клэр подняться.

- Бог мой! - сказал Фицпатрик, обнимая Клэр. - Я так рад вас видеть, ребята!

Десантники не могли прийти в себя от изумления.

- Постой, постой, - сказал Флинн, - мы же думали, что тебя убили!

Фицпатрик начал рассказывать свою историю, но Экланд перебил его:

- Извините, вы потом расскажете. Здание с минуты на минуту рухнет, как карточный домик. Надо спешить, - сказал он, заглядывая в полутемную соседнюю комнату. - А что там такое?

- Понятия не имею, - ответил Фицпатрик, взглянув через плечо. - Нас держали запертыми в конце коридора.

- А как же вы здесь оказались? - спросил Экланд, отступая, чтобы пропустить Флинна, который за ноги потащил Квинтрелла из комнаты.

- Когда после взрыва здание осело, дверь в мою комнату открылась сама по себе. Я вышел и стал разыскивать Клэр, увидел, что происходит, и... Фицпатрик кивком указал на большую расщелину в стене коридора, - и вот проник сюда...

Включив портативную рацию, Экланд выслушал донесения командиров остальных подразделений. Те по очереди докладывали, какие части здания захвачены.

- Снэйта не обнаружили? - спросил Экланд, делая знак Флинну, чтобы тот отвел

Фицпатрика и Клэр вниз.

- Мы арестовали его. Он здесь, в холле, у главного входа, - ответили ему по радио.

Приказав командирам групп выделить людей для расчистки лужайки, Экланд спрятал в карман портативную рацию и вошел в соседнюю комнату. Ветер заунывно выл, задувая в щель, через которую пролез Фицпатрик, и снова Экланд ощутил то безнадежное уныние, которое охватило его, когда он впервые заглянул в коридор через смотровое окошечко.

Как только глаза его освоились с полумраком, Экланд увидел, что вся комната заставлена большими цилиндрическими контейнерами, наминавшими лежащие на боку бочки. Возле каждого стояли капельницы и еще какие-то приборы. Там что-то щелкало и жужжало, раздавались странные попискивающие сигналы.

Экланд включил фонарь. Пол был устлан осыпавшейся с потолка плиткой, бумагами, рентгеновскими снимками. И среди всего этого мусора рыскали десятки белых лабораторных мышей, - глаза их светились, попав в луч фонарика, будто светлячки.

Экланд осветил ближайший контейнер и почувствовал, что у него волосы зашевелились на голове. Внутри, как бы плавающая на воздушной подушке, находилась молодая смуглая женщина. К ее телу были прикреплены электроды и какие-то трубки - очевидно, для подачи физиологических растворов и дренажа.

Вызвав к себе медика и фотографа, Экланд пошел дальше. В следующем контейнере находился еще один пациент, на этот раз - мужчина. Грудная полость его была вскрыта.

Экланд услышал приближающиеся шаги и оглянулся - это был Фицпатрик.

- Вот взгляните-ка сюда.

Фицпатрик подошел и заглянул в контейнер.

- Боже милостивый! - Лицо его исказилось гримасой отвращения.

- Что же они тут творили?

- Снэйт мне об этом ничего не говорил.

- Ничего?!

Фицпатрик отрицательно покачал головой.

- Наверно, только в фильмах ужасов злодеи совершают такое... Фицпатрик нагнулся, чтобы получше рассмотреть при свете фонарика лежавшего в резервуаре человека. - Мне кажется, что ему сделали пересадку и сердца, и легких. Да, я почти уверен в этом. Вон, видите швы на трахее и аорте... Сунув руку в резиновую перчатку, прикрепленную к стенке контейнера, Фицпатрик осторожно приподнял веко мужчины. Зрачок был расширен.

Луч фонарика обежал заставленную контейнерами комнату.

- Ну и что же прикажете со всем этим делать? - спросил Экланд с возмущением. - Мы ведь не можем увезти всех этих бедняг с собой...

Фицпатрик, нагнувшись, взглянул на осциллограф, стоявший рядом с контейнером, где находился мужчина.

- В этом нет необходимости, - ответил он, с минуту последив за световым импульсом на экране. - Судя по электроэнцефалограмме, он уже мертв.

- Мертв? - Экланд поймал лучом бьющееся сердце. - Но как же мертв, если...

Он не закончил, потому что увидел появившегося в дверях Флинна.

- Генерал, необходимо, чтобы вы сами взглянули... - произнес Флинн прерывающимся голосом.

Экланд и Фицпатрик вышли следом за ним. Пройдя лабораторию, они миновали длинный коридор, где гулял сквозняк и под ногами чавкала голубоватая пенящаяся жидкость - судя по запаху, дезинфицирующий раствор. Затем повернули за угол и увидели двух десантников, ожидавших их у дверей комнаты, над которой громко звенел сигнальный звонок.

Фицпатрик подошел к двери и заглянул в комнату. Сквозь пелену пыли он увидел множество стоявших рядами аппаратов, напоминающих комбинированные установки "искусственное сердце", "искусственное легкое" и "искусственная почка". Все это было засыпано сверху кусками бетона и штукатурки, искореженными деталями приборов для инфракрасного излучения. Фицпатрик отказывался верить собственным глазам: над каждой из установок находился сосуд, похожий на круглый аквариум, и в этом аквариуме плавало существо, похожее на худенькую обезьянку. Птицы, залетевшие в комнату через огромную пробоину в стене, клевали останки одной такой обезьянки, очевидно выпавшей из разбитого аквариума. Фицпатрик подошел поближе к одному из аквариумов и белым халатом, висевшим на стене, вытер пыль с его стеклянной поверхности.

Существо, которое издали он принял за обезьянку, на самом деле оказалось живым человеческим зародышем. Это был мальчик. Глаза его были закрыты, он плавал, словно в невесомости, в желтоватой жидкости, с дном сосуда его связывала длинная извивающаяся пуповина. Через тонкую кожу просвечивали кровеносные сосуды, и весь он был покрыт пушком.

Отбросив в сторону халат, Фицпатрик начал внимательно рассматривать установку. Ворвавшийся в пробоину ветер захлопал дверьми во всем здании.

- Я думаю, - сказал Фицпатрик стоявшим у дверей десанникам, - это не что иное, как искусственная матка. - Он стал водить пальцем по стеклу. Взгляните: вот кислородный прибор, вот экстрактор, автоанализатор, теплообменник, фильтр крови и колпачковая колонна. - Сняв с крючка на передней стенке установки какую-то книжечку, похожую на историю болезни, он начал листать ее. - Я, видимо, прав - здесь записи относительно питательных веществ, уровней рН и много еще всякого...

- Мне кажется, я где-то читал про итальянца, который якобы выращивал зародыши в пробирках, словно в искусственной матке, - сказал Флинн.

Фицпатрик кивнул.

- Петруччи. Его звали Даниеле Петруччи. Но он был эмбриолог. Я понимаю, что эмбриолога может заинтересовать выращивание зародыша в искусственных условиях, но ведь Снэйт - кардиохирург. Я не вижу никакой связи... Хотя, минуточку!.. Пойдите, я, по-моему, догадался. Ну конечно, теперь мне все ясно!

Экланд прервал его и, указав Флинну на дверь, похожую на дверь банковского сейфа, сказал:

- Постарайтесь открыть ее. - Затем снова повернулся к Фицпатрику. Так, я слушаю вас...

- Лет пять назад Снэйт попал в неприятную историю, связанную с идеей клонирования генетических двойников. Смысл ее заключался в том, чтобы использовать двойников как источник органов, которые не будут отторгаться организмом. Я думаю, в соседней комнате мы найдем людей, у которых все основные органы заменены чужими, взятыми из зародышей, выращенных из их же клеток.

- Все органы? - Экланд нахмурился. - Неужели кому-то нужно пересаживать все органы? И потом, зачем понадобилось вырезать у них половину ребер и потрошить

живот?

- Очевидно, Снэйт использовал этих людей как подопытных кроликов. Другого объяснения я не нахожу. Ему это было нужно, чтобы наблюдать за работой органов после трансплантации.

- По-видимому, он хотел получить быстрые и точные результаты, - добавил Фицпатрик. - Это и был один из таких путей.

- Но ведь Снэйт не мясник, а медик! - возразил Экланд. - Как же может врач...

- Сделать то, что делал Снэйт? - Фицпатрик пожал плечами. - А разве не врачи проводили эксперименты на заключенных в концентрационных лагерях во время последней войны?..

- Согласен, но откуда Снэйт получает людей для своих опытов? - спросил Экланд, краешком глаза наблюдая за Флинном, который, ухватившись за ручку двери, открыл ее. - Ведь сейчас иные времена, и здесь не нацистская Германия.

- Возможно, в Индии, - предположил Фицпатрик, двинувшийся вместе с Экландом за Флинном. - Едва ли кто в Бомбее станет упорно разыскивать пропавшего без вести человека.

Они нагнали Флинна, когда тот светил карманным фонариком в глубину темной, очень холодной камеры. Прямо перед собой они увидели ряд стульев и панель управления, а позади нее - лабораторный стол из нержавеющей стали.

Флинн провел лучом фонарика вдоль стола, и они заметили над ним какой-то куб, напоминающий строительные леса. Что-то висело внутри этой конструкции, но луч фонарика, падая на сверкающие металлические детали, отсвечивал так, что ничего разобрать было нельзя.

И вдруг что-то совсем рядом пришло в движение, послышался звук, напоминающий царапанье когтей по твердой поверхности.

Флинн быстро перевел луч на пульт управления, и они увидели набор самописцев, которые вычерчивали неровные линии на ролике миллиметровки.

- Черт побери, кто их включил? - спросил Фицпатрик.

В ту же секунду задвигалось и несколько соседних самописцев.

- Чепуха какая-то, - сказал Фицпатрик. - Но как бы то ни было, они, очевидно, реагируют на свет и на звук человеческого голоса!

Флинн еще раз поднял вверх фонарик и осветил непонятный куб, но на этот раз под таким углом, чтобы металл не отсвечивал. Теперь они могли увидеть, что было внутри.

А внутри куба находилась человеческая голова, ее рот был закрыт пращевидной повязкой, обычно применяемой при травмах подбородка. Голова была отделена от шеи, все швы аккуратно заделаны, и из нее выходило множество разноцветных проводков и трубочек.

Один из наборов самописцев заработал энергичнее других, и вошедшие в комнату люди увидели, что глазные яблоки головы быстро задвигались из стороны в сторону под зашитыми веками.

Звук внезапно ожившего радиопередатчика заставил их вздрогнуть от неожиданности.

- Генерал, говорит Менински. Не могли бы вы подойти к западному крылу здания. Здесь какая-то чертовщина...

- У вас там чертовщина? - спросил Экланд, стараясь говорить спокойно. Вы бы лучше посмотрели, что тут у нас творится!

- Что вы сказали? - переспросил капитан.

- Да ничего! Мы сейчас придем.

- Пересадка мозга? - сказал Экланд, торопливо шагая к западному крылу. - Мне казалось, что пересадка мозга - это пока лишь область научной фантастики...

- Возможно, пересадка мозга - это фантастика, - ответил Фицпатрик, - но не пересадка целой головы. Начиная с начала семидесятых годов нейрохирурги в Кливленде делали попытки пересаживать головы обезьянам. Конечно, они не приживались, но до момента отторжения функционировали абсолютно нормально. И тем не менее проблему отторжения можно разрешить, если пересадить голову на тело клона. В этом случае остается одна-единственная проблема - срастить спинной мозг. Вроде бы каким-то ученым это уже удалось.

- Не хотите ли вы сказать, что головы, находящиеся в той комнате, живые? Разве такое возможно? Ведь обезглавливание - испокон веков один из самых верных и молниеносных способов убийства.

- При обезглавливании умирает организм, потому что мозг лишается притока крови, - объяснил Фицпатрик. - Если же к голове продолжает поступать насыщенная кислородом кровь и питательные вещества, она может функционировать довольно долго. - И добавил: - У той головы, что мы видели, электроэнцефалограмма показывала наличие бета-волн - а мозг лишь тогда производит бета-волны, когда находится в рабочем состоянии, когда он "думает"...

Десантник из группы капитана Менински провел их по затопленному водой коридору к аквариуму, который был освещен солнцем, проникавшим сквозь трещину в потолке. Они увидели капитана, остановившегося на полпути между аквариумом и дверью.

- Ну и ну! - сказал он, когда Экланд со своими спутниками, шлепая по воде, подошли к нему. - Вы глазам своим не поверите, когда увидите, что здесь творится!

Прикрываясь от света руками, Экланд и Фицпатрик прильнули к холодному стеклу. Вначале они ничего не могли рассмотреть, кроме какого-то плавающего в воде мусора. Затем из репродукторов, находящихся над аквариумом, послышалось странное чириканье, и из темной толщи воды появилось невиданное существо.

Тело, напоминающее дельфина, только размером больше - с крупного моржа, - было покрыто гладкой, полупрозрачной кожей. С обеих сторон крупной головы виднелись по четыре жаберные щели. Большие, глубоко сидящие, точно у гориллы, глаза были на удивление осмысленными. Слегка вытянутая вперед морда поросла длинным жестким волосом и заканчивалась подвижными губами. Плечи и шея были покрыты густой черной растительностью - до трех дюймов длиной. Передние конечности были очень похожи на человеческие руки и оканчивались кистью с перепончатыми пальцами и отстоящим от них большим пальцем.

Оглядев собравшихся людей, существо исчезло в темноте аквариума, работая задними конечностями, как плавниками.

- Ну что скажете? - спросил Менински.

- А черт его знает! - Экланд взглянул на часы. - Еще минутки две, и нам пора уходить. Может, привести сюда Снэйта и допросить его?

Менински включил свою портативную рацию, и, пока он отдавал распоряжение, Экланд спросил Фицпатрика, что он думает по поводу их последнего открытия.

- Это создание похоже на химеру...

- На что?

- На гибрид человека и животного. По всей видимости, Снэйт или кто-то из его коллег разработал новейшие методы клеточной хирургии, которые позволяют клонировать генетических двойников. Сам по себе гибрид человека и животного - это не такой уж большой фокус, немало лет генетики успешно скрещивают клетки человека и животных... Весь вопрос заключается в том, не как это сделать, а для чего. Мне кажется, он старался вывести какое-то новое животное, которое обладало бы интеллектом человека, имело возможность общаться с человеком и производить, подобно человеку, различные манипуляции. Другими словами, некоего супердельфина. И если хорошенько подумать, то это не такая уж безумная идея. Две трети нашей планеты покрыты водой, и мы знаем, что мировой океан таит в себе неизведанные еще ресурсы полезных ископаемых, продуктов питания и энергии. Так что подобное существо может быть использовано как в экономике, так и в военном деле.

Менински, который вышел в коридор, чтобы встретить Снэйта, внезапно закричал:

- Сюда! Мы здесь!

Через минуту двое десантников втащили в комнату человека в разодранной дождевой накидке.

- Вот он, - сказал один из них, схватив человека за волосы и поворачивая лицом к свету. - Только едва ли вам удастся вытянуть из него хоть одно вразумительное слово. Похоже, что он вообще не понимает английского языка.

Как и у Снэйта, у человека было длинное костлявое лицо, орлиный нос и уши, лишенные мочек. И так же, как у Снэйта, широкие брови срослись на переносице. Однако волосы у него были темные, и на бледной коже - ни морщинки.

- Но это же не он! - воскликнул Фицпатрик.

Экланд бросил недоумевающий взгляд на охранников.

- Как не он? - Экланд боялся, как бы голос не выдал его растущего смятения. Расстегнув карман на одной из штанов своего комбинезона, он достал пластиковый пакет с фотографиями и, быстро перебрав их трясущимися пальцами, отыскал нужную и передал ее Фицпатрику. - Взгляните, вот же он! Это он - вне всякого сомнения!

- Но это старая фотография. Ей по меньшей мере лет пятнадцать.

- Единственная фотография Снэйта, которую нам удалось отыскать.

- Да, но Снэйт сейчас выглядит гораздо старше, он поседел...

- Так, может, он покрасил волосы...

Фицпатрик энергично покачал головой.

- Я же видел Снэйта, и я вам точно говорю, что этот человек не он! Снэйт по крайней мере лет на тридцать старше!

- Ну и не его сын, - буркнул Экланд. - У Снэйта нет детей. И, предвосхищая ваш вопрос, могу сказать, что у него нет и младшего брата.

- И все же это, скорее всего, его младший брат, - настаивал Фицпатрик. Он шагнул к незнакомцу и пальцем приподнял его верхнюю губу. - Видите, у него точно такая же щербинка между зубами. - И вдруг он замер, уставившись на Экланда. - Знаете, я все понял! Этот человек не сын и не брат Снэйта, это его клон! Бог мой, Снэйт произвел своего клонированного двойника! Вы знаете, почему он молчит? Просто никто не удосужился научить его говорить! Ведь это создание - не что иное, как набор запасных частей для Снэйта!.. Я вот что думаю: когда тело Снэйта стало бы совсем старым и немощным, он рассчитывал пересадить свою голову на тело этого

несчастливого!

33

- Земля, понял вас, - отозвался Кэнтрел, получив вызов на посадку. - Мы уж думали, вы о нас забыли!

Несмотря на то что десантники и их пленники расчищали залитую водой лужайку с помощью бензопил и взрывчатки, им потребовалось для этого намного больше времени, чем они ожидали.

Новак сделал последний круг и выровнял самолет для посадки. Прямо по курсу лежала затонувшая шхуна, за ней скалы, а дальше - расчищенная лужайка длиной 950 и шириной 40 футов. На дальнем ее конце, словно буфера вагона, поставленного в конце железнодорожного пути, возвышалось бетонное здание лаборатории.

Новак, безусловно, помнил о птицах, которые, заслышав шум самолета, начали взлетать, но это была не главная его забота. Если какая-нибудь из птиц не пробьет лобовое стекло или ее не засосет в воздухозаборник двигателя, он сумеет посадить самолет целым и невредимым. Но при мысли о том, что может случиться после приземления, его бросало в пот. Если скорость при посадке окажется чуть-чуть выше, чем требуется, или колеса коснутся лужайки на мгновение позже расчетного времени, или самолет начнет глиссировать, он неминуемо врежется в здание лаборатории. Максимум того, что в их силах (хотя это могло стоить жизни ему или Кэнтрелу), - это в последнюю секунду заглушить левый двигатель и сделать крутой левый поворот, чтобы осталась цела хоть часть здания, где могли бы укрыться десантники.

Новак опустил закрылки и шасси, убрал газ и потянул ручку управления на себя, так что самолет, задрвав нос, едва не опрокидывался.

Как только они пролетели над шхуной, раздался сильный удар, и на лобовом стекле появилось пятно крови - о самолет разбилась первая птица. Еще через секунду другая птица стукнулась в лобовое стекло, за ней еще одна... По плексигласу поползли белые трещины.

Кэнтрел включил дворники, но от этого не стало легче - они только размазали кровь по стеклу.

Скоро самолет задрожал под градом ударявшихся в него птиц, и Новаку стоило немалого труда удерживать его в горизонтальном полете.

Посадку делать пришлось почти вслепую: Новак следовал указаниям Кэнтрела, который смотрел на землю в боковое стекло кабины. Как только Кэнтрел крикнул "давай!", Новак убрал газ и стал ждать касания. Правые колеса завибрировали в траве, подпрыгнули и снова опустились на землю, гоня перед собой волну, будто моторная лодка.

Новак взглянул на правое крыло и увидел, что конец его чиркает по поверхности воды, - так прыгает по волнам брошенный горизонтально гладкий камешек.

Оба пилота напряглись, ожидая, что сейчас крыло обломится.

Однако ничего подобного не произошло. Вместо этого самолет качнуло назад, и его левые колеса опустились на землю.

Здание лаборатории стремительно надвигалось, и Кэнтрел включил реверс тяги, а Новак пытался всеми способами затормозить самолет.

Но тут же ему пришлось отпустить тормоза, поскольку самолет начал скользить по мокрой траве.

Здание приближалось с каждой секундой, Новаку не оставалось ничего иного, как ждать: вдруг повезет и впереди окажется полоса сухого грунта.

Краешком глаза он увидел, что Кэнтрел протянул руку: если столкновение окажется неизбежным, он выключит левый двигатель.

Но вот прошли две самые томительные секунды в их жизни, они наконец оказались на сухом участке, и Новак снова что есть силы нажал на тормоза. Скорость стала быстро падать, и хотя птицы по-прежнему ударялись о самолет, они уже не разбивались насмерть.

Залитый кровью "Буффало" остановился перед самым зданием - места было ровно столько, чтобы развернуться на правом колесе на 180 градусов для взлета.

Экланд вбежал в здание, которое от вибрации двигателей скрипело, точно корабль в штормовую погоду. Фицпатрик и двое десантников тащили канистры с бензином, обнаруженные в помещении, где находился аварийный генератор.

В холле их ожидала странная картина - десять охранников, привязанные к стульям, сидели в ряд, на расстоянии шести футов друг от друга, лицом к открытой двери.

- Итак, - сказал Экланд, растирая натертые ремнями плечи, - кто из вас надумал рассказать мне все, о чем я попрошу?

Один из охранников начал было вопить о нарушении гражданских прав, остальные сидели молча.

- Пожалуйста своему конгрессмену, - посоветовал Экланд и, обернувшись, подал знак десантникам. Схватив канистры, те начали по очереди поливать бензином пол вокруг сидящих. Опорожнив одну канистру, они отбросили ее в сторону и принялись за вторую.

Как только с этим было покончено, Экланд скрутил жгут из бумаги и поджег его.

- Итак, даю вам ровно десять секунд, чтобы вы сказали, где находится Снэйт, - произнес он, возвращая зажигалку одному из десантников, - после этого я вас, сукины дети, поджарю.

Экланд сосчитал до десяти и, печально покачав головой, подошел к рыжебородому великану, который пытался зарубить его топором.

Бородач, окутанный парами бензина, отвернул от огня покрытое запекшейся кровью лицо.

- Ты что, сволочь, рехнулся? - выкрикнул он. - Где же он еще может прятаться? Только здесь, в здании...

- Я и сам знаю, что в здании, - ответил Экланд, поворачивая бумажный жгут так, чтобы он побыстрее разгорался. - Мне надо знать, где именно.

- Не знаю! Клянусь господом богом, не знаю!

Экланд отступил на шаг.

- Ну что ж, не хочешь по-моему, пусть будет по-твоему, - сказал он и в тот момент, когда в дверях появился Кэнтрел, кинул горящую бумагу под ноги пленнику.

Привязанный к стулу бородач рванулся и упал вместе со стулом в сторону от пламени. Тут остальные пленники хором стали кричать и громко ругаться.

Фицпатрик бросился вперед и затоптал горящую бумагу. Несмотря на общий гвалт, он что-то понял.

- Скорей, за мной! - крикнул он Экланду, взглянув на часы. - Мы еще успеем!

Не обращая внимания на увещевания Кэнтрела, требующего лететь немедленно, они, перепрыгивая через три ступеньки, взбежали по лестнице, промчались по коридору направо и снова очутились в комнате, где впервые встретились с Фицпатриком.

Взяв у Экланда фонарик, Фицпатрик быстро пошел вдоль круглых контейнеров, пока в предпоследнем не нашел того, кого искал, - голого мужчину с грудью, поросшей седыми волосами и забинтованной головой.

- Я уверен - это он!

Экланд пожал плечами.

- Ну что ж, коли так - будем действовать. - Схватив дробовик за ствол, он с размаху опустил приклад на верхнюю крышку контейнера.

По пластмассе поползли белые трещины, и мужчина в контейнере зашевелился. Следующим ударом Экланд пробил брешь в крышке контейнера, и человек быстро свернулся калачиком. Экланд обрушивал на крышку удар за ударом, пока она не разлетелась на куски. Мужчина в контейнере все это время извивался, тщетно пытаясь прикрыть свою наготу.

Отбросив дробовик в сторону, Экланд вытащил мужчину из контейнера и сорвал бинты. Показавшееся из-под повязки лицо было бы точной копией физиономии того человека, которого они видели возле аквариума, если бы не морщины, делавшие его похожим на печеное яблоко, и пожелтевшие старческие зубы.

Тяжело дыша, Экланд взглянул на Фицпатрика.

- Это точно он?

- Он!

Вздохнув с облегчением, Экланд рывком поставил Снэйта на ноги и стал шарить по карманам в поисках наручников.

- Кстати, который сейчас час? - спросил он.

Фицпатрик осветил циферблат часов фонариком и поднес их к уху.

- Странно, - сказал он, не отрывая глаз от Снэйта. - У меня часы остановились...

34

Форрестол отогнул манжету шелковой рубашки и нажал на кнопку электронных часов.

- Черт побери, почему они так опаздывают? - сказал он с раздражением.

Было уже двадцать пять минут одиннадцатого, а предполагалось, что "Буффало" приземлится на военно-воздушной базе Хоумстэд около десяти. Однако не сам факт опоздания волновал министра юстиции и всех, кто находился вместе с ним на контрольно-диспетчерском пункте.

Форрестол вовсе и не рассчитывал, что "Буффало" прибудет точно по расписанию, словно пассажирский самолет: слишком много непредвиденных обстоятельств могло возникнуть. Эпицентр урагана мог оказаться над островом Гиппократы с опозданием, и фронт урагана мог быть шире, чем предполагали, и скорость меньше, поэтому у группы специального назначения могло оказаться больше времени в запасе...

И однако все с нетерпением ждали радиосигналов с "Буффало". Несмотря на многочисленные попытки, установить контакт с самолетом пока не удавалось. Не появлялся он и на экранах радиолокаторов.

Форрестол опустил руку в карман модного черного парижского пальто и снова взглянул на перечень дел, намеченных на сегодняшний день. Когда он успеет все проверить, если уже сейчас ясно, что самолет безнадежно опаздывает?

Предполагалось, как только "Буффало" приземлится, Форрестол с группой опытных разведчиков побеседует с каждым из летчиков и со всеми участниками штурмовой группы. После того как станут известны все детали операции, они

проинформируют президента, и с этой минуты начнется работа над окончательным текстом речи, с которой президент собирается выступить вечером по телевидению. Было подготовлено несколько вариантов президентской речи - в зависимости от того, насколько удачной окажется операция.

Если все пройдет хорошо, состоится краткая церемония, в ходе которой президент по телефону лично поздравит летчиков и командира штурмовой группы.

Наряду со всем этим необходимо было провести еще ряд мероприятий: карета "скорой помощи" отвезет Клэр Теннант в специально подготовленную для нее палату-люкс в госпитале на территории военной базы (куда к тому времени должны привезти и всех раненых), а Снэйта и других пленников без лишнего шума доставят в Главное управление полиции Майами, где им будет предъявлено официальное обвинение. После чего Форрестол вернется в Вашингтон на самолете со специально оборудованной фотолабораторией и комнатой для представителей прессы. За четыре полетных часа специалисты-фотографы из ФБР проявят и отпечатают снимки, сделанные в ходе операции и после нее, затем Форрестол и директор Международного агентства по связям отберут нужные снимки и вместе с детальным описанием хода операции передадут их представителям телеграфных агентств ровно в четверть восьмого по восточному времени, когда президент закончит свое выступление.

Форрестол жестом отказался от кофе и снова взглянул на часы. Тридцать пять минут одиннадцатого, а никаких вестей от "Буффало" по-прежнему нет.

И вдруг его перестало волновать, разбился самолет или нет; главное где он мог упасть. И чем больше вариантов мысленно перебирал Форрестол, тем больше ему хотелось, чтобы самолет потерпел аварию на подлете к острову или на обратном пути.

Вскочив с места, Форрестол нетерпеливо заходил взад-вперед. Если бы точно знать, что самолет действительно разбился, - это была бы половина дела. Тогда он посоветовал бы президенту выступить с заранее подготовленной речью об энергетическом кризисе, сам же тем временем принял бы меры, чтобы вся эта история с операцией была забыта и похоронена.

- Боже мой! - завопил он. - Может кто-нибудь наконец сказать мне, что с ними случилось?

- Мы делаем все, что в наших силах, - отозвался командир базы полковник Гестлер.

- Делаете все, но вы же их не ищите!

- Ищем! - запротестовал Гестлер, показав рукой на экраны радаров. Как и все, кому приходилось иметь дело с Форрестолом, он с первого момента возненавидел его.

- Вы здесь сидите, а их надо искать там!

- Если вы хотите, чтобы мы начали поиски, то сейчас еще не время, сказал Гестлер, отходя подальше от министра юстиции, чтобы заняться чем-то более полезным. - Пока ураган не ушел из этого района, начинать поиски бессмысленно.

Зазвонил один из телефонов в диспетчерской, и дежурный офицер снял трубку.

- Вас к телефону, господин генерал, - сказал он Форрестолу. - Господин президент вас просит.

Форрестол с недовольной миной выхватил трубку у офицера.

- Дела неважные, господин президент, я предпринимаю все возможное, но, к сожалению, не получаю здесь должной поддержки.

Пока Форрестол объяснялся с президентом, Гестлер подошел к другому телефону и набрал номер.

- Послушай, - начал он, стараясь говорить как можно тише и повернувшись спиной к министру юстиции. - Меня тут обвиняют во всех смертных грехах - ты знаешь, кто... Похоже, мы потеряли СЭМ-ноль-один. Боюсь, что это так. Хотелось бы, чтоб вы еще раз оповестили станции береговой охраны между Саванной и Сан-Хуаном, ладно? Да, я знаю, что Нью-Йорк уже просил их усилить наблюдение, но ты еще раз напомни: пусть держат ухо востро и не спят у локаторов. Хорошо?

Гестлер не успел еще повесить трубку, как услышал слова Форрестола:

- Вы не должны, господин президент, ни в чем винить себя. Нет, я не хочу сказать, что предупреждал вас. Хотя я, как вы знаете, не был сторонником этой операции. И тем не менее я не ожидал, что все так кончится. - Форрестол передал трубку дежурному офицеру и повернулся к Гестлеру. - Мне кажется, надо проинформировать Липпенкотта, - сказал он. Казалось, он уже забыл о своем предложении начать поиски самолета. - Кстати, где он сейчас?

Гестлер сказал, что Липпенкотт ждет в его кабинете. Форрестол кивнул.

- Я пойду к нему, минут на десять, не больше.

Когда Форрестол вошел в кабинет Гестлера, Липпенкотт стоял у окна и с отсутствующим видом глядел на исхлестанные дождем стояночные площадки и ангары. В прошлую ночь он плохо спал, лицо у него было бледное и осунувшееся.

Форрестол объяснил ему ситуацию теми же словами, что и президенту.

- Конечно, это вовсе не означает, - сказал он, - что мисс Теннант и мистер Фицпатрик - если предположить, что он добрался до острова, непременно погибли вместе с остальными. Возможно, штурмовая группа так и не долетела до острова.

- А сколько людей было в этой группе?

- Двадцать два человека, включая экипаж.

- М-да! - Лицо Липпенкотта вытянулось.

- Эд... простите, могу я называть вас Эдом? Как бы там ни было, мне хотелось бы поблагодарить вас за все ваши усилия.

Липпенкотт начал смущенно отнекиваться, уверяя, что он ничего особенного не сделал, но Форрестол не дал ему договорить.

- Нет, нет, вы сделали очень много, и позвольте мне сообщить вам, что президент вас также благодарит. Это вашими стараниями дело было сохранено в тайне, иначе президент никогда не смог бы начать операцию "Охота на ведьму".

- Если учесть результат, я уже начинаю жалеть, что так долго хранил все в тайне...

Форрестол кивнул с серьезным видом.

- Мне кажется, мы все сейчас немножко в этом раскаиваемся. Мне нужно было проявить большую настойчивость и отговорить президента от этого шага. И все же мы не должны винить ни себя, ни его. Принять подобное решение было совсем нелегко... - Внезапно лицо его просветлело, одной рукой он взял Липпенкотта за локоть, а другой торжественно и церемонно пожал ему руку. Эд, я очень рад, что познакомился с вами, и, если я когда-нибудь смогу вам быть полезным, не стесняйтесь, звоните мне прямо в министерство.

- Ну, как дела? - строго спросил Форрестол, вернувшись на командно-диспетчерский пункт.

- Боюсь, ничего хорошего, - сумрачно ответил Гестлер. - Только что получено сообщение со станции береговой охраны в Майами. Капитан танкера, находящегося во Флоридском заливе, сообщил, что заметил на востоке вспышку, похожую на взрыв самолета в воздухе. Конечно, это могла быть и молния словом, пока мы не найдем

обломков, подтверждающих эту версию, абсолютной уверенности у нас не будет... - Гестлер оборвал фразу на полуслове, его внимание привлекла суэта, вдруг возникшая у одного из экранов. - Что там у вас? - крикнул он через всю комнату старшему по смене.

- Мы видим точку, это, скорее всего, СЭМ-ноль-один, - ответил тот. Никого другого тут сейчас быть не может, ведь "Хильда" только что ушла из этих мест.

Форрестол быстро подошел к радару и, растолкав всех, встал рядом с оператором и старшим по смене.

- Ничего не вижу, - сказал он капризным тоном.

Старший дежурный офицер пояснил, что ураган создал сильные помехи и поэтому рассмотреть сигнал на экране нелегко.

- Точка была, - подтвердил он, - я сам видел...

- Но если это они, то почему они не отвечают на наши позывные?

- Возможно, передатчик вышел из строя, - ответил старший офицер. - Это вполне вероятно, особенно если в самолет попала молния. И компас тоже может быть поврежден. Вот почему они могли сбиться с курса...

Зазвонил телефон. Дежурный поднял трубку, некоторое время слушал молча, потом, прикрыв трубку рукой, сказал очень громко, чтобы слышали все находящиеся в комнате:

- Господа, это снова говорят со станции береговой охраны в Майами. Они только что обнаружили СЭМ-ноль-один! Самолет летит на высоте пять тысяч футов. Похоже, один из двигателей у них заглох... но в остальном...

Слова дежурного потонули в хоре радостных возгласов.

35

Президент рассматривал фотографии, которые директор Международного агентства по связям доставил с военно-воздушной базы Эндрюс.

- Так вот каков этот доктор Снэйт, - сказал президент, глядя на фотографию угрюмого босого человека, накрытого одеялом. - А что, он и в самом деле похож на вампира!

На следующей фотографии был изображен молодой человек, стоявший в обнимку с красивой девушкой в домашнем халате. Глаза девушки были полны слез, и тем не менее вся она светилась счастьем.

- А это, видимо, Клэр Теннант, - сказал президент. - Что за парень рядом с ней?

- Это ее дружок, Майкл Фицпатрик.

- Я, кстати, все собирался спросить: что случилось с этим отчаянным малым?

- Да уж чего только ему не пришлось пережить! - не скрывая восхищения, произнес директор. - Вы знаете, господин президент, этому Фицпатрику почти удалась его сумасшедшая затея. Он высадился на берег, вытащил Снэйта и его темнокожую любовницу из постели и под дулом пистолета повел их на вертолетную площадку...

- Но мне сказали, что его пистолет нашли на яхте?

- Все правильно. После того как охранники схватили Фицпатрика, они вернули все его вещи на яхту, чтобы создать впечатление, будто он не высаживался на остров. Когда они еще были на вилле, - продолжал директор, Снэйт приказал освободить Клэр и подготовить к полету вертолет. Но когда понял, что Фицпатрик намеревается и его увезти с собой в Майами, он заявил, что вертолет будет немедленно сбит... Иначе говоря, Снэйт предпочел мгновенную смерть мучительному ожиданию в камере смертников.

- И это серьезно? - спросил президент.

- Фицпатрик решил, что вполне серьезно, особенно после того, как он заметил в руках у охранников установки для запуска зенитных ракет "земля воздух".

- И что же Фицпатрик?

- Он, конечно, понимал, что, если он отпустит Снэйта, присутствие темнокожей девицы на борту не остановит охранников и вертолет будет сбит. Поэтому он предложил следующий план: вертолет со Снэйтом, его любовницей и Клэр, у которой будет в руках пистолет, полетит в Абако, там они высадят Снэйта, и вертолет направится дальше, в Майами. А когда Снэйт живой и невредимый доберется до острова Гиппократа, Фицпатрика обменяют на темнокожую красавицу. Такова в общих чертах была идея.

- Ну что ж, идея неплохая, - сказал президент. - Что же помешало ее выполнить?

- Когда Клэр привели на вертолетную площадку и она увидела Фицпатрика, она вырвалась из рук стражников и бросилась к нему.

- Ну и ну! - воскликнул президент.

Директор пожал плечами.

- Конечно, это была глупость с ее стороны. Однако я не могу винить бедную девочку: она, вероятно, не поняла, что происходит, да и потом, с того места, где находилась Клэр, она не могла видеть, что Фицпатрик держит пистолет у виска Снэйта. Он кричал ей, чтобы она не приближалась, но Клэр не слышала его из-за шума винта... А стражники только и ждали этого момента. Один из них повалил Снэйта подножкой по известному приему из американского футбола, а другой вlepил Фицпатрику заряд из карабина в плечо.

- М-да, история... - сказал президент, рассматривая фотографию Фицпатрика и Клэр на расстоянии вытянутой руки. - А знаете что... Пока вы мне все это рассказывали, я подумал... эта фотография... - Он повернул снимок так, чтобы остальные могли его видеть. - Для среднего американца одна эта фотография послужит достаточно серьезным оправданием операции "Охота на ведьму". В конце концов... ведь вся операция и проводилась ради них, верно?

Директор Международного агентства по связям не мог не согласиться.

- С определенной точки зрения нам даже повезло, - сказал он. - Девушка просто красotka. И вместе с этим молодым человеком они выглядят прелестной парой. Да и ваш командир штурмовой группы словно сошел с рекламы сигарет "Мальборо"...

- Я смотрю, у вас второй пилот - негр? - заметил пресс-секретарь президента. - Жалко, конечно, что не негрityанка, но, я понимаю, нельзя, чтобы все было как по заказу.

Президент протянул фотографию пресс-секретарю.

- А ведь было бы очень неплохо, если б эта фотография стояла на столике рядом, когда я буду выступать по телевизору. Ее даже можно использовать как телевизионную заставку. Вам идея понятна?

Президент взглянул на себя в маленькое зеркальце гримерши. Очень удачная идея - надеть белую рубашку с расстегнутым воротничком и белую кофту толстой вязки, подумал он. Такой костюм создает неофициальную атмосферу, а белый цвет, помимо того что хорошо оттеняет загар, - символ добра и справедливости.

- Где ее лучше поместить, сэр? - спросил главный распорядитель, держа в руках фотографию Фицпатрика и Клэр, вставленную в рамку.

- Поставьте вот здесь, - ответил президент, указав на столик возле кресла, в

котором он будет сидеть во время выступления. - Надеюсь, она не заслонит книги? - Президент очень гордился своей репутацией страстного книголюбца.

Один из операторов заверил, что книжные полки будут хорошо видны телезрителям.

- Только, пожалуйста, не трогайте фотографию во время передачи, предупредил он. - Иначе блик пойдет в камеру.

Дверь библиотеки открылась, и личная секретарша президента стала пробираться к нему через нагромождение софитов и телекамер.

- Только что прибыл министр юстиции, - объявила она.

Президент расплылся в ослепительной улыбке.

- Прекрасно! - За последние сутки он несколько раз разговаривал с Форрестолом по телефону и рассчитывал, что тот появится намного позже. Зовите его сюда.

- Он сказал, что хотел бы поговорить с вами наедине, господин президент.

- Что-нибудь случилось?

Секретарша оглянулась, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

- Мне кажется, да.

Министр юстиции ждал президента в Овальном кабинете. Глубоко засунув руки в карманы своего длинного черного пальто, он стоял у балконной двери, выходящей в розарий.

- Хэнк! - радушно приветствовал его президент. - Хэнк, я очень рад вас видеть. Снимайте пальто. Сейчас вам принесут кофе.

Форрестол покачал головой.

- Сейчас не время, господин президент. Я только что разговаривал со Шнайдером, который находится в Майами...

- Со Шнайдером? Кто такой Шнайдер?

- Президент Академии наук! - объяснил Форрестол, раздраженный тем, что глава государства не помнит этой фамилии. - Если вы припоминаете, он был одним из экспертов, занимавшихся изучением вещественных доказательств на месте... Перейдем прямо к делу: Шнайдера очень беспокоит реакция общественности, когда она узнает о деятельности Снэйта. Он считает, что в связи с растущей в стране тягой к иррациональному обнародование всех фактов может вызвать такую мощную волну выступлений, что нам придется свернуть программу научных исследований.

Президент был явно озадачен.

- Простите, Хэнк, но я что-то не понимаю...

- Ну хорошо, только у нас, к сожалению, мало времени, - сказал Форрестол. - Так вот, за последние годы все больше людей - я имею в виду обыкновенных средних американцев, а не каких-нибудь там хиппи и прочих ненормальных - стало с каким-то параноическим предубеждением относиться к научным исследованиям. Например, они считают, что ядерные реакторы - это какие-то монстры в духе Франкенштейна, а вовсе не источники дешевой энергии в эпоху, когда иссякают ресурсы природного топлива. Генная инженерия, по их мнению, представляет собой опасность для здоровья человека, а совсем не важный инструмент в поисках средств для борьбы с раком; автоматизация им видится как угроза их благосостоянию; инсектициды...

Президент поднял руки, сдаваясь.

- Все понял, но при чем здесь Снэйт?

- Я как раз подхожу к этому моменту. Снэйт - ученый. И ему почти удалось осуществить то, чего всегда страшился обыватель, считая, что рано или поздно ученые

до этого дойдут: начнут пересаживать мозг, выращивать в пробирке зародышей, выводить клоны, гибриды человека и животного... - Он сделал паузу. - Есть и еще одно обстоятельство: Шнайдер опасается, что, когда здание лаборатории рухнуло, некоторые из мутантов могли попасть в море. А если это произошло и если эти существа обладают способностью размножаться, мы можем столкнуться с проблемой, аналогичной проблеме пчел-убийц, только в десять тысяч раз более сложной.

Президент пожал плечами.

- Пускай этим займется флот и начнет операцию по розыску и уничтожению этих существ.

- Флот этим уже занимается. Но не в том дело, - продолжал Форрестол. Подумайте, если Снэйту удалось провести все эти опыты на одном из Багамских островов, то чего могут достичь ученые в Массачусетском, Стэнфордском, Калифорнийском и Корнеллском университетах...

- Хэнк! - захихикал президент. - Хэнк, а может, Снэйту удались его эксперименты именно потому, что он не работал в Калифорнийском технологическом институте или в Корнелле!

- Это все прекрасно, но попробуйте-ка объяснить это людям, которые начнут пикетировать университеты и научные учреждения, работающие на оборону. Но это еще не самое страшное. Советники Шнайдера полагают, что, как только уляжется шум, связанный с этой историей, мы столкнемся с доселе неизвестными нам настроениями, которые охватят страну и перевернут вверх дном всю нашу жизнь.

- Не понимаю вас, - отрезал президент.

Форрестол на секунду умолк, обдумывая, с чего начать.

- Мы проводим определенную программу здравоохранения, не так ли? Тогда зададим себе вопрос: что произойдет со всей этой программой, если люди узнают о существовании технологии, с помощью которой можно выращивать человеческие органы, не отторгающиеся организмом? Представляю, что тогда начнется! Каждый бездельник, который вздумает заменить какой-либо орган, будет требовать операции и вопить, что он имеет на это право! Господин президент, если мы начнем выращивать новое сердце для каждого, кто в нем нуждается - я говорю пока только о сердце, - придется делать сто тысяч трансплантаций в год! А помимо этого, еще пересадки почек - ведь сейчас в Соединенных Штатах заболеваниями почек страдают не менее девяти миллионов человек. А кроме того, еще печень, поджелудочная железа...

- Ну и что? Если все это необходимо людям и мы можем себе это позволить, почему бы этого не делать?

- А вы представляете себе, в какую сумму нам это влетит? - спросил Форрестол. - Господин президент, мы ведь говорим о беспрецедентном уровне медицинской техники. Предположим, что в рамках нашей программы здравоохранения мы сумеем обеспечить пересадку органов, но ведь это будет стоить государству сотни миллиардов долларов в год. И еще одно: если даже мы сумеем выделить такие суммы, то простой экономический анализ показывает что подобная затея лишена здравого смысла. В условиях усиленной автоматизации производства у нас и так уже множество людей оказались лишними.

- Итак, вы хотите, - сказал президент, - чтобы я тормозил прогресс медицинской науки? Позвольте мне в свою очередь задать вам вопрос: а вы представляете себе, что было бы, если б кто-нибудь решил, что не следует делать людям прививки или давать антибиотики?

- Мы бы не столкнулись с проблемой перенаселения: ведь к концу следующего столетия мы будем жить как сельди в бочке! - Форрестол взял со стола плакетку, на которой был начертан лозунг Гарри Трумэна: "Здесь кончается волокита", и стал рассеянно похлопывать ею по ноге. - Не поймите меня превратно. Я вовсе не хочу сказать, что мы вообще не будем заниматься пересадкой органов по желанию больных, - продолжал он примирительным тоном. - Я лишь хочу сказать, что до поры до времени не следует об этом широко распространяться, пока у нас нет твердой уверенности, что мы сможем обеспечить такие операции всем желающим. Бог мой, нам и так хватает хлопот со всей этой программой здравоохранения!

- Так что же вы предлагаете?

- Попытайтесь договориться с адвокатом Снэйта. Скажем, мы снимаем обвинение в убийстве и вместо этого он признает себя виновным в совершении ряда мелких правонарушений, например таких, как нелегальная медицинская практика и уклонение от уплаты налогов.

Президент посмотрел на него как на сумасшедшего.

- Хэнк, с вами можно рехнуться! Мы посылаем наших людей на самолете в зону урагана, нарушаем суверенитет другой страны - и все лишь для того, чтобы кто-то предстал перед судом за уклонение от уплаты налогов?!

- Ну хорошо! - Форрестол пожал плечами. - Для полноты картины можно будет добавить, скажем, еще отказ от дачи показаний и насильственное похищение людей. Все равно для Снэйта это будет подарок по сравнению с обвинением в убийстве. А мы тогда можем не затрагивать тех аспектов дела, в которых мы не заинтересованы.

Президент покачал головой.

- Нет, так не пойдет! - мрачно произнес он. - С самого начала моя администрация действовала в открытую, и мы будем верны себе до конца.

- Господин президент, - нетерпеливо перебил его Форрестол. - Сейчас нам не до высокопарных фраз. Ситуация экстремальная, времени терять нельзя.

- Все равно вам не удастся подбить меня на манипуляции с правосудием. Черт побери, Хэнк, после того, что произошло с Никсоном, меня удивляет ваша позиция. Вы меня огорчаете. Крайне огорчаете.

- Это ваше последнее слово?

- Да, последнее!

С таким видом, будто он делает это с явной неохотой, Форрестол вытащил из кармана несколько листков бумаги и подал президенту.

- Тогда взгляните на это...

- Что это? - спросил президент, шагнув к письменному столу за очками.

- Список бывших пациентов Снэйта. Его только что передали по фототелеграфу из Майами.

Президент начал просматривать список.

- Черт побери! - захихикал он. - Интересно, что скажет председатель Национального комитета республиканской партии, когда узнает об этом.

- Читайте, читайте...

Президент с неподдельным интересом стал просматривать вторую страничку. Дойдя до половины, он поднял глаза.

- А кто этот человек, однофамилец моего брата?

- Господин президент, это и есть ваш брат. - Форрестол извлек из кармана свернутый в рулон фотоснимок и передал президенту. - Нам в руки попали

видео пленки операций, проведенных Снэйтом. Он утверждает, будто снимал их на видео пленку для разработки методики трансплантаций, на самом же деле он просто хотел обезопасить себя. Я попросил наших людей в Майами прокрутить видео пленку, где снята операция, сделанная вашему брату, затем переснять и увеличить некоторые кадры и переслать их мне по фототелеграфу. Боюсь, что никаких сомнений в отношении того, кто был этот пациент, ни у кого не возникнет...

Несмотря на грим, нанесенный на лицо президента для выступления по телевизору, видно было, как он побелел.

- Но как же так? Когда он успел сделать эту операцию?

- Года два назад. Мы проверили по газетным сообщениям - газеты писали тогда, что ваш брат лег в больницу для "незначительной" хирургической операции.

- Правильно. Ему вырезали грыжу...

Форрестол покачал головой.

- Ему пересадили почку. Хотя вполне возможно, он и не знал, что донор был умерщвлен Снэйтом. Возможно, ваш брат просто считал, что покупает себе место под солнцем. Но если сейчас этот факт станет достоянием гласности, это погубит и его, и вас.

Президент обогнул письменный стол и подошел к окну. С минуту он стоял молча, уставившись на памятник Вашингтону сквозь зеленоватое пуленепроницаемое стекло. На улице быстро темнело, шел дождь. Не оборачиваясь, президент спросил:

- Если мы даже договоримся со Снэйтом, то как избежать гласности? Ведь уже слишком много людей знают о его операциях, верно?

- Не так уж много, если посчитать. Те, кто знакомился с вещественными доказательствами его дела, сами захотят, чтобы все было шито-крыто. Так что это не проблема. А если Снэйт будет осужден - неважно за что, - то и ФБР успокоится.

- Но ведь есть еще десантники! Как быть с ними?

- Только Экланд да еще три-четыре человека своими глазами видели все его художества, - ответил Форрестол. - Заставить их замолчать ничего не стоит.

Президент обернулся и посмотрел на него долгим взглядом.

- Я правильно понял, что вы имеете в виду?

- Очень жаль, господин президент, но мы не можем заниматься сантиментами в такой момент. Слишком многое поставлено на карту.

- Ну а как быть с Фицпатриком и Теннант? Ведь они, Хэнк, даже не американские граждане! Уж не думаете ли вы, что и их тоже надо заставить замолчать?

- С Фицпатриком все просто. Он уже мертв.

У президента отвисла челюсть.

- Не может быть!

- Формально мертв. Его объявили погибшим после того, как была обнаружена яхта. В память о нем даже отслужили молебен в какой-то церкви на Флит-стрит.

- Хэнк, но он наверняка уже куда-нибудь позвонил - каким-нибудь родственникам или в свою газету и сообщил, что жив и здоров.

Форрестол покачал головой.

- Всем лицам, связанным с этой операцией, запрещены какие-либо контакты с внешним миром до тех пор, пока в семь пятнадцать не закончится ваше выступление по телевидению. Мы решили предупредить таким образом утечку информации.

- Ну хорошо. Но ведь остается девушка. А как быть с ней?

- Мы можем попросить Тедди Кеннеди отвезти ее домой, - ответил Форрестол с

легкой ухмылкой.

В глазах президента сверкнули огоньки гнева.

- Хэнк, подумайте, что вы говорите!

- Извините... - Форрестол продолжил свою мысль. - Может, вы сочтете, что я захожу слишком далеко, но что, если отдать ее Манчини?

- Отдать Манчини? Что за чушь вы несете?

- Понимаете, мы должны найти какой-то способ заставить этого сукина сына держать язык за зубами. Из-за этой истории со Снэйтом Манчини лишился двух миллионов, а пересадку ему так и не сделали. Если он узнает, что Снэйт отделался легким испугом, он подпрыгнет до потолка и тогда нам несдобровать!

- А почему бы и его не заставить замолчать?

Форрестол не уловил иронии в словах президента.

- Здесь все не так-то просто. Посудите сами: мы знаем, что сердце Клэр Теннант было специально подобрано для Манчини. Поэтому в обмен на обещание молчать мы отдадим ему сердце девушки - на блюдечке с голубой каемочкой и с пожеланием быстреешего выздоровления. Мы даже, черт побери, можем все упростить, если дадим сообщение в печати, что на обратном пути с острова она разбила голову.

- Но, может быть, Снэйт вырастит ему новое сердце? Почему обязательно нужно сердце этой девушки?

- Ну, во-первых, Снэйт будет за решеткой. А во-вторых, если мы решили закрыть все щели, чтобы ничего не просочилось наружу насчет пересадок по желанию пациентов, то исключений не должно быть ни для кого.

- Минуточку... - сказал президент, приложив кончики пальцев к седеющим вискам. - Нет, я далек, бесконечно далек от мысли, что мы должны поступить так, как вы советуете, но если обстоятельства вынуждают нас прибегнуть к таким мерам, то почему бы не убрать Снэйта? Ведь если, черт побери, не будет Снэйта, то некого будет судить и все наши неприятности кончатся.

Форрестол покачал головой.

- Этот номер не пройдет. Разделаться со Снэйтом таким способом нам не удастся.

- Почему?

- По той же причине, по которой мы в середине семидесятых годов не смогли избавиться от Филипа Эйджи и Виктора Марчетти, когда они начали поливать грязью ЦРУ. Убери мы их тогда, мы бы слишком наследили. Вы представляете себе, какой поднимется шум, если Снэйт погибнет в то время, как он находится в руках полиции?

- А что начнется, если станет известно, что около дюжины наших главных свидетелей погибли?

- После убийства президента Кеннеди погибло в три раза больше свидетелей, но я что-то не припомню, чтобы это заставило правительство уйти в отставку!

Президент опустил в кресло перед письменным столом и закрыл лицо руками.

- Конечно, если сделать то, что я предлагаю, текст вашего выступления нужно еще раз тщательно отредактировать, - продолжал Форрестол, листая странички. - Но я думаю, что это нетрудно сделать, если вычеркнуть абзац, начинающийся словами "Выдающийся государственный деятель Бенджамин Дизраэли однажды сказал, что справедливость - это правда в действии" и так далее... до слов "вот почему министр юстиции Форрестол, действуя по согласованию со мной, сделал все необходимое, чтобы эти преступления не остались безнаказанными..." Смысл остается, но мы не расшифровываем, что это за преступления. - Форрестол бросил листки на письменный

стол.

- Правда, теперь вам придется читать текст с листа, а не с телеподсказчика. И пожалуйста, не спешите, иначе вы закончите выступление раньше запланированного времени. В остальном проблем никаких не будет.

- Хорошо. Правда, прежний текст моей речи уже направлен в наши посольства, но, наверное, еще не поздно его отозвать. Мы сообщим, что после ознакомления с вещественными доказательствами мы были вынуждены сократить список обвинений, предъявленных Снэйту, чтобы сохранить ему жизнь. Президент поднял голову. Казалось, за несколько минут он постарел на десять лет. - А сообщение для прессы? Как быть с ним?

- Я дал команду приостановить его, прежде чем отправиться сюда. Форрестол взглянул на часы. - Ваше выступление начнется через шесть минут. Итак, что вы решили?

Президент с неохотой протянул руку к тексту выступления.

- Отметьте сокращения.

Форрестол облегченно вздохнул.

- Я знаю, господин президент, вам нелегко было принять такое решение. Но, поверьте мне, мы тщательно проанализировали ситуацию и пришли к единодушному мнению, что ее следует изменить и это единственный для нас путь.

- Погодите! - с возмущением остановил его президент. - Хорошенько зарубите себе на носу: я это делаю лишь для того, чтобы выиграть время время, которое необходимо нам, дабы выйти из создавшейся ситуации и предупредить смерть невинных людей.

На пульте селектора замигал огонек, и президент схватил трубку.

- Я слушаю.

Некоторое время он слушал молча, уставившись ничего не видящими, воспаленными глазами на министра юстиции, затем сказал:

- Скажите, что я сейчас приду. Да, и передайте, чтобы они убрали фотографию этой парочки, - добавил он. - Мне она не понадобится!